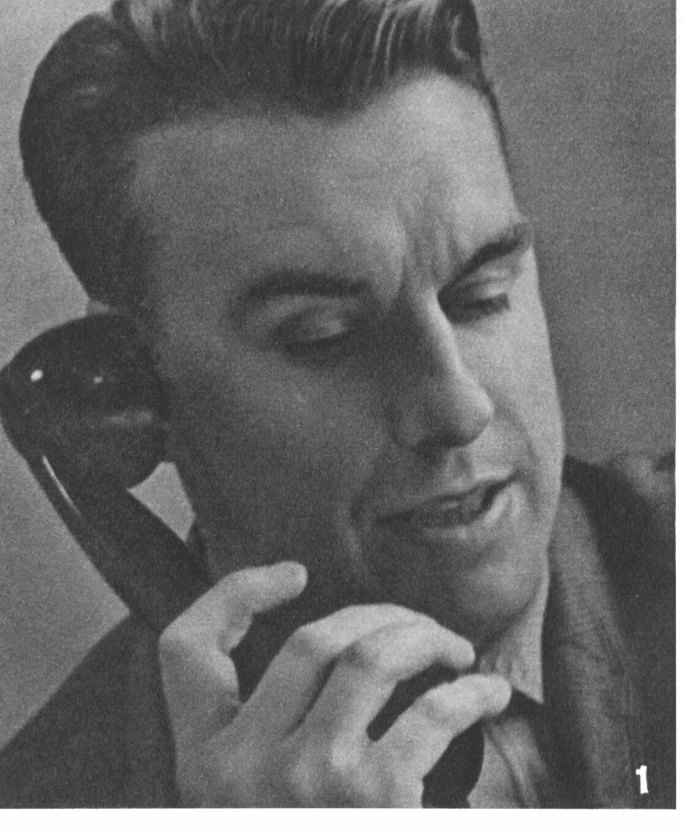
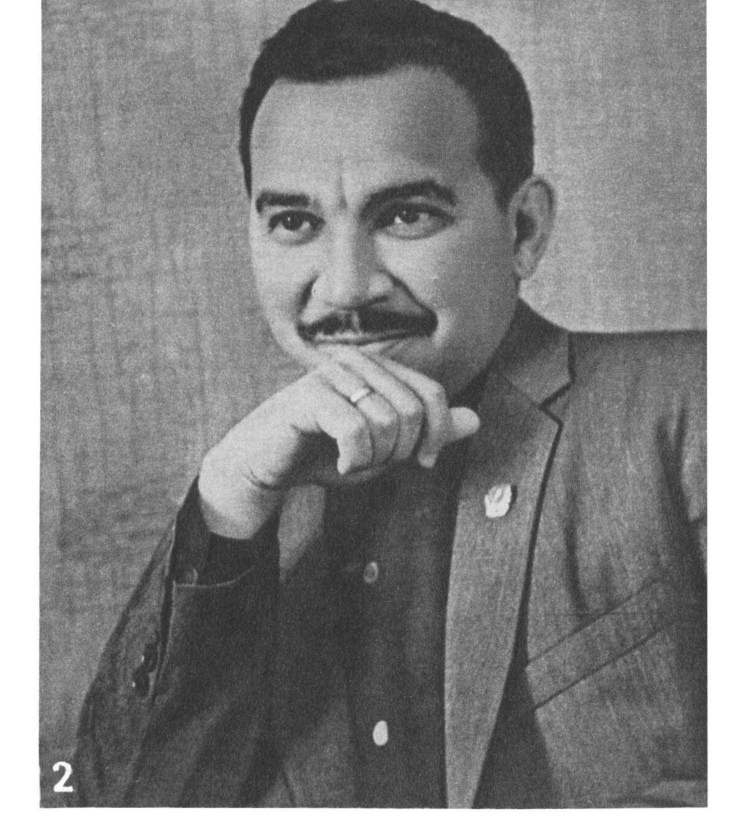
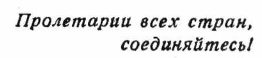

ОГОНЁК
№ 27 ИЮЛЬ 1961
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Новые стихи Расула Гамзатова
Ия Месхи — ПОЧАЕВНИЧАЕМ
Рассказ Константина Финна—СТУПЕНЬКА
Картины Евгения Лансере

1

2

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 27 (1776)

2 ИЮЛЯ 1961

39-й год издания

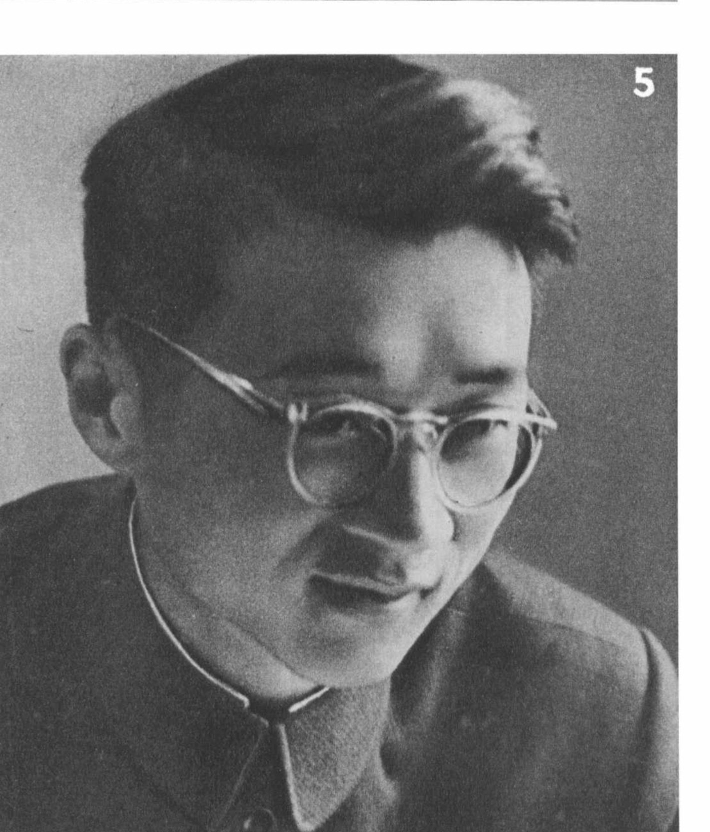
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

3

4

5

6

❶ **Владислав Шевченко (СССР):**

— Главный счет предстоящего международного форума молодежи — счет солидарности.

❷ **Антонио Карседо (Куба):**

— Мы расскажем на форуме о счастье свободы...

❸ **Сюзетт Делон (Франция):**

— Мир на земле и духовный мир человека слиты воедино.

❹ **Сумаре Гурейси (Гвинея):**

— Молодая Гвинея сплотилась. Пусть сплотится вся Африка.

❺ **Ху Ци-ли (Китай):**

— Мы хотим о многом поговорить с молодой Америкой.

❻ **Исао Нисикадзе (Япония):**

— С нами на форум в Москву придут Окинава и Ниидзима...

См. на стр. 13

«ТЕКУЩИЙ СЧЕТ № 1»

Алма-Ата, 25 июня. На многотысячном митинге трудящихся с большой речью выступил товарищ Н. С. Хрущев.

В великой семье советских народов-братьев трудящиеся Казахской ССР торжественно отметили знаменательную дату — 40-летие республики и Коммунистической партии Казахстана

Радостно и сердечно встречали Никиту Сергеевича жители столицы Казахстана.

← С генеральным планом застройки Алма-Аты познакомился Н. С. Хрущев, осматривая республиканскую народнохозяйственную выставку.

Дети из пионерского

лагеря «Иссык» подарили Н. С. Хрущеву маленького олененка и горного козлика-елика, которых Никита Сергеевич обещал отвезти своим внукам.

В здании Театра оперы и балета имени Абая прошло юбилейное торжественное заседание (нижний левый снимок).

←

Ценная коллекция минералов республики на народнохозяйственной выставке привлекла внимание Н. С. Хрущева.

→

В день митинга на центральном стадионе в Алма-Ате.

Фото специального корреспондента «Огонька» Г. КОПОСОВА.

Визит друзей

26 июня в Москву прибыла с официальным визитом правительственная делегация Демократической Республики Вьетнам во главе с Премьер-Министром Фам Ван Донгом.

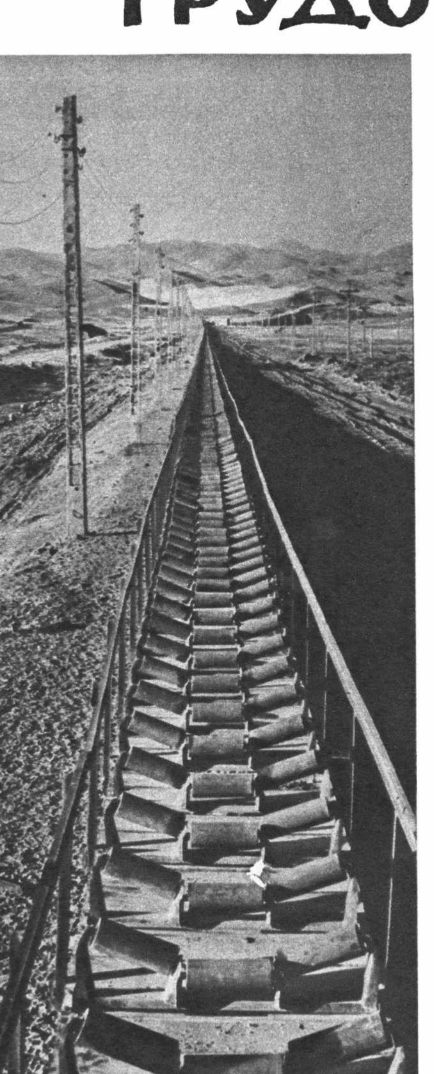
Приветствуя посланцев вьетнамского народа, с которым Советский Союз связан нерушимой дружбой, Н. С. Хрущев сказал: «Эта дружба и братское сотрудничество служат делу социалистического и коммунистического строительства в наших странах, интересам укрепления всего социалистического лагеря, делу мира во всем мире».

На следующий день Премьер-Министр Демократической Республики Вьетнам Фам Ван Донг и члены правительственной делегации ДРВ нанесли в Кремле визиты Председателю Совета Министров СССР Н. С. Хрущеву и Председателю Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневу.

На снимке: визит Премьер-Министра ДРВ Фам Ван Донга товарищу Н. С. Хрущеву.

Фото Е. Умнова.

ТРУДОВЫЕ УСПЕХИ—ТЕБЕ, ПАРТИЯ!

АХАНГАРАН

СТРОЙКАМ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Что нового в Ахангаране? Сегодня этим интересуются многие: колодезные мастера, добывающие воду в песках Кызылкумов, ирригаторы Голодной степи и Центральной Ферганы, строители газопровода Бухара — Урал и будущие новоселы городов Средней Азии.

До пуска первой очереди осталось несколько дней!

Вступает в строй крупнейший цементный завод на востоке страны. Сборка и сварка важнейших конструкций идет прямо на стройплощадке. Подобный опыт осуществляется впервые и изучается тут же специалистами украинского Института электросварки имени Патона.

В. КРУПИН

← На снимке: ленточный транспортер длиною свыше 6 километров. Скоро по нему на завод начнет поступать сырье.

Фото А. Абаляна.

КРИВОЙ РОГ

Бригада молодых

Почетное звание коллектива коммунистического труда завоевала молодежная бригада арматурщиков, возглавляемая Анатолием Селецким. Сейчас она вместе с другими строителями сооружает новый прокатный стан на металлургическом заводе имени В. И. Ленина. Все работы молодые арматурщики ведут с опережением графика.

На снимке: бригада арматурщиков за работой.

Фото А. Запары.

ГОРЬКИЙ

Соревнуются друзья

Давние друзья, ударники коммунистического труда токари Н. Г. Смирнов, лауреат Сталинской премии, и В. Н. Жуков принимают самое активное участие в предсъездовском соревновании. Сейчас они держат совет, как лучше обработать деталь для нового тяжелого станка.

Фото Н. Капелюша.

ТАЛЛИН

ИЗОТОПЫ И МАРМЕЛАД

Изотопы — в медицине, меченые атомы — на службе у техники, биологии, химии. Это уже привычно. Сейчас изотопы несут новую службу: помогают людям, которые готовят сласти. Таллинские кондитеры с фабрики «Калев» пригласили изотопы к себе на службу.

Готовясь к XXII съезду КПСС, комплексная бригада рационализаторов этой фабрики создала конвейерную линию для изготовления мармелада. Наполнение ячеек на конвейере регулирует изотопный прибор. Новая поточная линия вдвое повышает производительность труда.

Фото С. Розенфельда.

Бессмертный Киев

Любомир ДМИТЕРКО

В киевских парках цветут розы. Разноцветными гирляндами украшают они площадь возле Верховного Совета, монумент в честь героев Великого Октября, могилу генерала армии Ватутина, Парк Славы, в котором горит вечный огонь.

Розы, пионы, бесчисленное количество других ярких, душистых цветов. Они будто живые венки на склонах и холмах города, само имя которого является символом красоты и величия, бесстрашия и мужества.

Киев-богатырь, Киев-победитель, Киев-герой встает в полный рост в памяти современников. Восстание арсенальцев, отзвук незабываемых дней, открывших новую эру в истории человечества, героический подвиг киевлян в годы Великой Отечественной войны золотыми страницами войдут в летопись мужества и славы нашей эпохи.

Киев долго стоял нерушимой крепостью в кровавое лето 1941 года. Беснавались гитлеровские бандиты, пытаясь приступом взять его. Сколько их атак было сорвано доблестными советскими воинами! И даже тогда, когда в оставленный город вошли враги, и тогда Киев-витязь не сдался. В борьбу с заклятым врагом вступило большевистское подполье. Тяжкие жертвы приносил Киев, но не согнулся, не встал на колени. Но вот изменилась обстановка на полях боев за свободу и независимость нашей Родины, и началось мощное контрнаступление советских войск, развернулась гигантская битва за Киев.

Вышгород, Лютеж, Ново-Петровцы... До Киева рукой подать! Там концентрировались силы удара. Там был наблюдательный пункт командующего Первым Украинским фронтом. Из блиндажей, ставших ныне музейным заповедником, войсками, освобождавшими украинскую столицу, руководили генерал армии Николай Федорович Ватутин и член Военного Совета фронта Никита Сергеевич Хрущев.

Мне, специальному корреспонденту фронтовой газеты, не раз приходилось бывать на этом наблюдательном пункте, в частях и подразделениях, которые вели бои за Киев. Сколько волнующих встреч, незабываемых впечатлений!

Темной осенней ночью мы вступили в Киев. В руинах лежал Крещатик. Тут и там полыхали пожарища. То завязывались, то утихали уличные бои. Но город был спасен. Смелый рейд советских танкистов, перерезавших Житомирское шоссе в районе Святошина и юго-западную железную дорогу у Жулян, сорвал гнусный замысел гитлеровцев — взорвать город. Фашисты были вынуждены удирать очертя голову, спасая собственную шкуру.

Вместе с рассветом 6 ноября 1943 года в Киев вернулась мирная советская жизнь. Советских воинов обнимали измученные, но счастливые киевляне. С военных машин политработники разбрасывали свежие номера советских газет. Их с жадностью ловили и читали горожане.

Сегодня это уже история, но история живая. И никогда не угаснет она в памяти нашего поколения, в сердцах потомков.

Киевляне ликуют, благодарят Партию и Советское правительство за ту высокую награду, которой удостоился их город. Трудовыми подвигами будут умножать они славу своего Киева.

Челом тебе, бессмертный Киев!

Я счастлив, что вижу тебя в сиянии славы и красоты!

Киев. Крещатик.

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

Глава законного правительства Конго Антуан Гизенга.

КОНГО БУДЕТ СВОБОДНЫМ!

Неделю продолжались празднества в городах и деревнях, украшенных новыми флагами независимой республики. Танцы на центральных площадях столицы сменялись манифестациями на длинных улицах предместий.

Это было год назад в Конго. Теперь конголезский народ переживает трагедию раскола страны, экономической разрухи, национального предательства. Целый год патриотические силы борются против международного колониализма, пытающегося удержать в своих руках богатства Конго.

Районы, находящиеся под контролем законного правительства страны во главе с Антуаном Гизенгой, подвергаются постоянной угрозе нападения мобутовских бандитов. Национальная армия, которой руководит генерал Лундула, ближайший сподвижник Патриса Лумумбы, полна решимости бороться за идеи, провозглашенные первым премьер-министром независимого Конго.

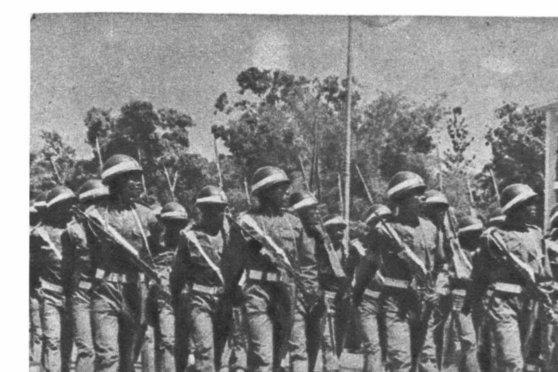
Колонизаторы и их приспешники окружили Восточную провинцию, где власть осуществляют национальные силы, кольцом экономической блокады. Руководители провинции обратились к населению с призывом увеличить производство продовольствия.

До поздней ночи горит свет в окнах дома на окраине Стэнливиля. Здесь резиденция главы законного правительства Конго Антуана Гизенги. О Гизенге говорят: «Этот человек не знает усталости». У правительства борющейся страны множество проблем и забот. Каждый работает не только за себя, но и за тех, кто погиб в борьбе, за тех, кто вынужден скрываться и не может пересечь кордоны мобутовцев, чтобы продолжить на свободной земле борьбу за независимость и счастье родины.

Целый год ведет Конго непримиримую борьбу против империализма. Ничто не может сломить стремления народа к новой жизни, без угнетения и колониального ярма. Борьба тяжела, но народ верит: Конго будет свободным!

Л. ВОЛОДИН
Фото автора.

Патриоты Конго готовы сражаться за свободу и независимость.

КРЕПОСТЬ СЛАВЫ

Брестская крепость. Сегодня сюда съехались на традиционную встречу участники ее обороны.

Снова входят они в крепость, где их товарищи погибли, сражаясь за Родину, где были ранены они сами.

Ровно в одиннадцать часов сверху, со стены цитадели, прозвучал горн: слушайте все! Это участник обороны Петр Клыпа, бывший воспитанник музыкантской команды, протрубил сигнал к открытию церемонии закладки монумента в память героической обороны Брестской крепости. И тотчас внизу оркестры подхватили этот сигнал. Вся центральная площадь цитадели заполнена толпой, у всех в руках цветы. Под звуки марша «Идет война народная» из дверей музея крепости появляется процессия участников обороны. Впереди несут знамя, одетое в чехол из целлофана. Это знамя героического 393-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона пролежало в земле пятнадцать лет и только пять лет назад было найдено Родионом Семенюком, металлургом Кузбасса, спрятавшим его. Теперь он сам и несет это знамя. Рядом идут Герои Советского Союза П. М. Гаврилов и М. И. Мясников. Процессия приближается к трибуне, туда, где закладывается памятник. Каждый берет горсть брестской земли, земли, политой кровью его и его товарищей, и кладет ее к основанию будущего памятника.

Круг почета. По узкой дорожке, вдоль стен крепости, идут за своим знаменем ветераны войны. Они идут по земле, усыпанной цветами. Для некоторых из них пройти эти пятьсот метров очень трудно. Идут люди на протезах, люди, перенесшие тяжелые ранения, долгие годы в фашистских лагерях. Им трудно, но они идут. Они не могут не пройти этот круг.

После воинского парада и возложения венков на местах боев каждый участник обороны посадил дерево в парке Героев Бреста. Пионеры города будут заботиться об этом молодом лесе.

До поздней ночи стадион и площади полны народа. Выступает художественная самодеятельность, демонстрируется фильм, посвященный Бресту. Темное небо над городом прорезали огненные ленты фейерверка. Город живет.

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

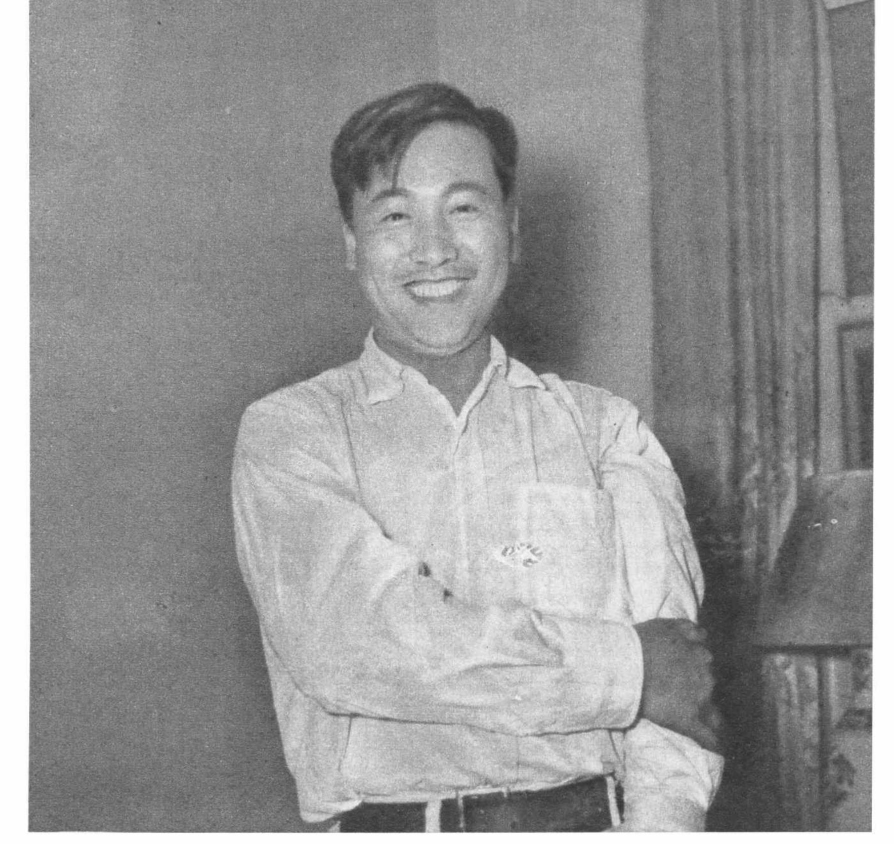
НА СНИМКАХ:

Герои обороны встречаются в Бресте.

Несут славное знамя, пятнадцать лет пролежавшее в земле.

Герой Советского Союза П. М. Гаврилов сажает дерево в парке Героев Бреста.

Сын полкового комиссара Ю. Е. Фомин и участник обороны С. М. Матевосян возлагают венок на место, где был расстрелян Ефим Моисеевич Фомин.

Машинист Яо Шан-у.

К 40-летию Коммунистической партии Китая

СИЛЬН

В. КАССИС

Фото автора.

Китай 20-х, Китай 30-х годов... Серые громады шанхайских банков и бирж, где слышен хруст долларов и фунтов: французские, английские сеттльменты в Тяньцзине; посольские кварталы Пекина, куда простому китайцу вход запрещен. В курительных салонах роскошных гостиниц, наполненных ароматом сандалового дерева, в ресторанах, в мягких вагонах поездов звучит иностранная речь...

Мне не пришлось побывать в Китае 20—30-х годов. Я пробыл в этой замечательной стране несколько последних лет, когда такие понятия, как «иностранная концессия» или «Гонконг-Шанхайский банк», воспринимались здесь как архаика. Да, все это ушло безвозвратно, лишившись своих корней, навсегда умерло и для старого и для молодого поколения. Могильщиком прошлого был китайский пролетариат, ведомый героической партией китайских коммунистов.

Китайские коммунисты! В эти дни они вместе со всем международным коммунистическим и рабочим движением отмечают славное сорокалетие своей партии.

Сорок лет борьбы, борьбы упорной, за право назвать свою родину свободным, независимым государством! Идеи марксизма-ленинизма, проникшие на китайскую землю, пробудили сознание народа. Свершение Великой Октябрьской революции в России вдохновило его, стало необходимой предпосылкой создания коммунистической партии.

В Шанхае, на улице Синье, в двухэтажном доме на территории бывшей французской концессии, сорок лет назад — 1 июля 1921 года — начал свою работу Первый съезд КПК.

Неширокая деревянная лестница ведет на второй этаж. Комната с полотняными шторами. На стенах — портреты Маркса и Ленина. Стол, покрытый такой же белой, как шторы, скатертью. Простые стулья придвинуты к столу. Здесь сидели первые делегаты — двенадцать смельчаков, представлявших около пятидесяти членов только что родившейся Коммунистической партии Китая.

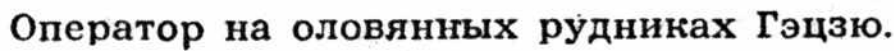
Съезд принял Устав партии, избрал руководящий орган и официально провозгласил создание Коммунистической партии Китая.

Рассматривая пожелтевшие от времени листовки, газеты и другие документы, зримо представляешь себе все величие побед, одержанных китайским народом, весь огромный путь, пройденный страной под руководством коммунистов.

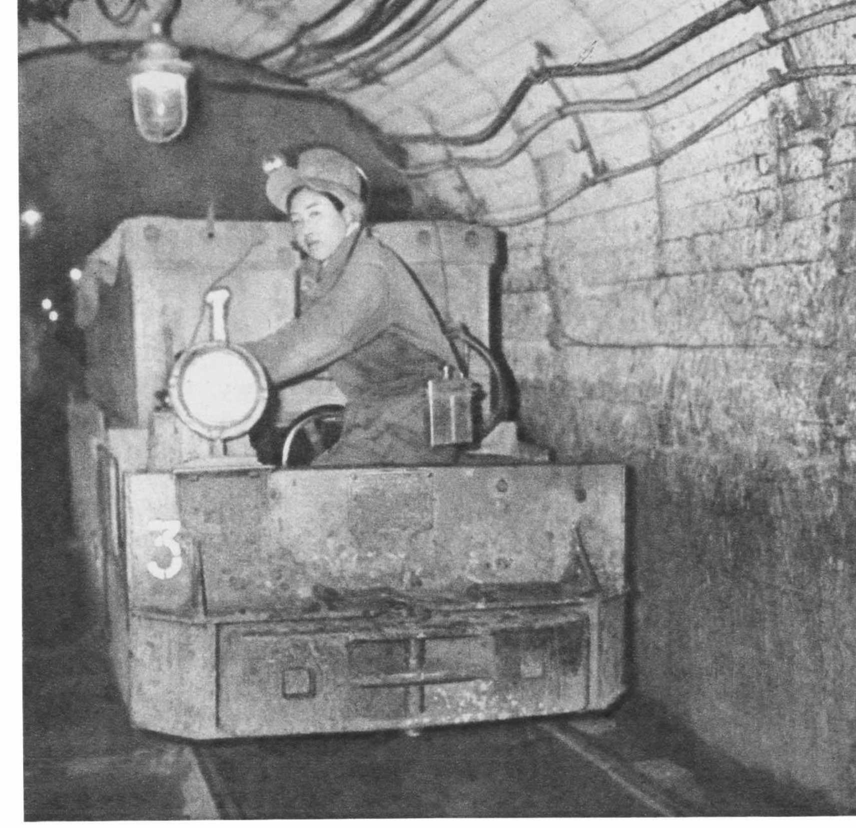
Возглавив и сплотив национальные силы родины, коммунистическая партия провела их через битвы трех гражданских революционных войн, подняла на национально-освободительную борьбу против японских милитаристов и наймитов империализма, завершив свой поход в 1949 году славной победой народной революции.

Сила китайских коммунистов — в связи с массами. Вот почему говорить сегодня о китайских коммунистах — это значит говорить о тех, кто идет в авангарде тружеников нового Китая. Листая свои блокноты, пе-

Оператор на оловянных рудниках Гэцзю.

Хэган. В забое вертикальной шахты, построенной с помощью СССР.

ЕЕ ДРАКОНА

ребирая в памяти встречи и беседы, я отчетливо представляю их дела, преобразующие великую и древнюю китайскую землю.

Железнодорожники-строители наводили мост на реке Сыхэ. Среди строителей был и электросварщик Гуань Е-лян. «Мастер на все руки», а чаще «умелец» — так называли на стройке товарища Гуаня. Ему приятно, конечно, было слышать эти слова, но он говорил рабочим, что были помоложе его:

— Умение трудом добывается, а не похвалами. Разума из книг да от умных людей следует набираться.

Неторопливый, вдумчивый, товарищ Гуань полюбился всему коллективу. И когда в 1953 году развернулось строительство Большого Уханьского моста через Янцзы и в управлении попросили самого опытного сварщика, выбор пал на товарища Гуаня.

— Партия посылает тебя на ответственный участок, не подкачай! Будешь работать вместе с советскими специалистами,— сказали ему в парткоме.

В сопроводительном письме говорилось: «Стаж работы — тринадцать лет. Дело знает хорошо, товарищ инициативный, добросовестный».

Успех зависел от слаженной работы водолазов, сварщиков, бульдозеристов, шоферов, крановщиков — людей всех профессий. Однако первое время на стройке не хватало сварщиков. В управлении товарища Гуаня предупредили:

— Твоя профессия дефицитная, и пополнения пока не ждите.

Он принял это близко к сердцу и решил обучить электросварке группу молодых чернорабочих. Их было десять человек. Ребята с жаром взялись за дело. Прошел месяц—и двое из них получили квалификацию электросварщика. Еще дней через двадцать товарищ Гуань принял зачеты у остальных.

— Спасибо, парторганизация поддержала нас,— рассказывал мне Гуань.— А то некоторые товарищи встретили нашу затею в штыки. Какие, мол, сварщики из чернорабочих!

Не одно смелое предложение, претворенное в жизнь на стройке, принадлежит коммунисту Гуань Е-ляну. Его умелыми руками и руками его учеников сварены сотни металлоконструкций моста, по которому ныне день и ночь бегут поезда, автомашины.

«...Герой труда машинист Яо Шан-у. Паровоз № 304. Тяжеловесные поезда...» — с этого начинается запись на другой страничке блокнота о встрече с замечательным товарищем Яо Шан-у. Помню, он достал из кармана записную книжицу и протянул мне. Там был московский адрес советского машиниста Блаженова.

— Я всегда с радостью вспоминаю время, проведенное вместе с Блаженовым,— сказал Яо Шан-у.— Беседы с ним положили начало движению за вождение тяжеловесных поездов на нашей дороге...

Яо Шан-у пришел на железную дорогу четырнадцатилетним подростком. Первое время работал в слесарных мастерских при Харбинском депо. После освобождения города товарищ Яо вступил в ряды компартии, а еще через год впервые вошел в будку паровоза.

Вместе с Яо Шан-у я проехал на паровозе от Пекина до Тяньцзиня. В пути он рассказывал:

— Наш паровоз — ветеран освободительной войны. Он пришел в ремонтные мастерские Харбина безнадежным инвалидом. Даже после ремонта локомотива мало кто верил, что он может вытянуть тяжеловесный состав. Но мы сказали: «Может!» — и доказали это.

Товарищ Яо помнит дружеские настазления секретаря парторганизации депо Ван Цин-юаня, который отправлял его в первый рейс с необычно длинным составом: «Главное — работать сообща, действовать по правилу: один за всех, все за одного. Ты в бригаде не один, прислушивайся к совету товарищей, не зазнавайся».

— Мы не только сумели преодолеть «весовой барьер», но и добились того, что увеличили среднесуточный пробег паровоза. Прежде на линии Пекин — Тяньцзинь машинист пополнял запасы воды на станции Линфань, а мы решили проходить весь путь без остановки, выиграв двадцать минут. А ведь время — это народные деньги.

...Замечательная плеяда коммунистов трудится ныне на одной из крупнейших строек народного Китая — Саньмыньсяйской ГЭС. 13 апреля 1957 года в полдень над дремлющими просторами долины реки Хуанхэ прокатились раскаты первого взрыва. Так началось строительство Саньмынься.

«Саньмынься» значит «Тройные ворота». Под местечком Шицзятань река Хуанхэ разделяется скалистыми островами на три бурных, клокочущих потока. «Ворота чертей», «Ворота духов» и «Ворота людей» — так издавна именовали в Китае эти потоки. До открытия Лунхайской железной дороги для жителей восточных и западных районов река Хуанхэ оставалась почти единственным средством связи. И каждый раз, когда лодки с грузами подходили к «Тройным воротам», гребцам на участке длиной всего в несколько сот метров приходилось подвергаться огромному риску.

Переправа всегда была событием. Перед ущельем джонки приставали к берегу, а люди поднимались на гору в кумирню Юйван. Там они возжигали курительные свечи, совершали жертвоприношения, чтобы «отвести от себя злой глаз». А потом вновь занимали места в джонках. Поток подхватывал хрупкие челны и стремительно нес вниз, кидал из стороны в сторону. И никто не знал, удастся ли пройти «Тройные ворота». Судьба людей и грузов висела на волоске. Нередко переправа кончалась трагически. Так было.

При народной власти коммунисты задумали построить на Хуанхэ мощную ГЭС. Исследования реки, в которых приняли участие и советские специалисты, показали, что лучшее место для проведения комплекса работ по использованию Хуанхэ — это ущелье Саньмынься.

В ущелье появились первые палаточные городки строителей. Коллективы Чжан Куня, Лян Бу-жэня, Си Вэнь-лу и другие бригады развернули соревнование за досрочное выполнение любых заданий штаба стройки. На стройку пришел бетонщик коммунист Чжао Фу-цзян. Он был скромным тружеником, хорошим товарищем. Упорство и высокая сознательность скоро выдвинули его в число передовых строителей. Разработав новый метод укладки бетона, бригадир довел сменную выработку до 400 кубометров и стал всекитайским передовиком труда. Рядом с ним трудятся Чжао Фын-у и десятки других замечательных коммунистов. Они обязались сдать первый агрегат ГЭС к сорокалетию своей партии.

В китайском народе издавна бытует легенда о всемогущем драконе, который то выпивал всю воду из Хуанхэ, иссушая плодородные земли на ее берегах, то в гневе сгонял над рекой тучи, и тогда дождевые потоки переполняли Хуанхэ, заливая всю округу. Люди верили в эту легенду и боялись дракона.

Ныне китайские коммунисты, весь китайский народ побеждают дракона — могучие силы природы — своим трудом и разумом.

В 33 странах

В Свердловске недавно открылся Клуб зарубежного туризма. Более пяти тысяч свердловчан, совершив в последние годы путешествия за пределы нашей Родины, побывали в тридцати трех странах мира. В клубе туристы рассказывают о поездках, устраивают фотовыставки, художники демонстрируют свои картины, а кинолюбители — фильмы о зарубежных встречах.

Организовали здесь кружки иностранных языков, которыми руководят активисты-общественники.

На снимке: В Свердловском клубе зарубежного туризма.

Фото И. Тюфякова.

ПОКАЗЫВАЕТ ПЕТРОПАВЛОВСК

Скоро диктор здешнего телецентра впервые произнесет эти слова. Белое здание студии расположилось на вершине Никольской сопки, рядом с ним уходит в небо 112-метровая телевизионная вышка.

Не только в Петропавловске-Камчатском, но и в окрестных селах — Авачи, Елизове, Паратунке — будут принимать передачи самого восточного телецентра нашей страны.

На снимке: Верхолаз Василий Ткачев устанавливает на вышке вибраторы.

Фото Г. Копосова.

Веселая конница

Много забот у нас, пенсионеров. Но они нам не в тягость: хочется работать.

В нашем южном городе летом население увеличивается, особенно детское. И в это время мы, как никогда, заботимся о городе. Хочется, чтоб отдыхалось маленьким курортникам хорошо и весело.

Этим летом наш председатель совета пенсионеров (в Отечественную войну комиссар партизанского отряда) Александр Александрович Куликовский и Филипп Николаевич Красюк придумали хорошее развлечение для детей. Собрали деньги и купили лошадок с велосипедным управлением. И теперь смотришь, как юные наездники лихо управляются со своими скакунами, как им весело, и сердце радуется. Правда, иногда приходится стоять ребятам в очереди в ожидании этого веселья. Надо будет еще увеличивать нашу «конюшню».

Е. ЗВАРИЧЕВА, пенсионерка

Фото С. Плаксина.

Феодосия.

105-летний охотник

Путешествуя на пароходе по реке Лене, мы с товарищем побывали и в Якутске.

Еще в пути мы слышали от команды парохода лестные слова о республиканском краеведческом музее. В одном из залов наше внимание привлекло чучело огромного тигра. Как оно попало сюда? Ведь в Якутии тигры не водятся. Небольшая табличка с надписью и портретом охотника, убившего зверя, разрешила наши сомнения. Хищник, оказывается, забрел сюда из Уссурийской тайги. Долгое время гулял он по бескрайним просторам Якутии, не попадаясь человеку, и вот наконец охотники набрели на след зверя. В схватке тигр покалечил одного, повредил руку другому. Но Петр Софронович Захаров нанес разъяренному зверю смертельную рану. Охотник Захаров из Усть-Майского района известен во всей Якутии.

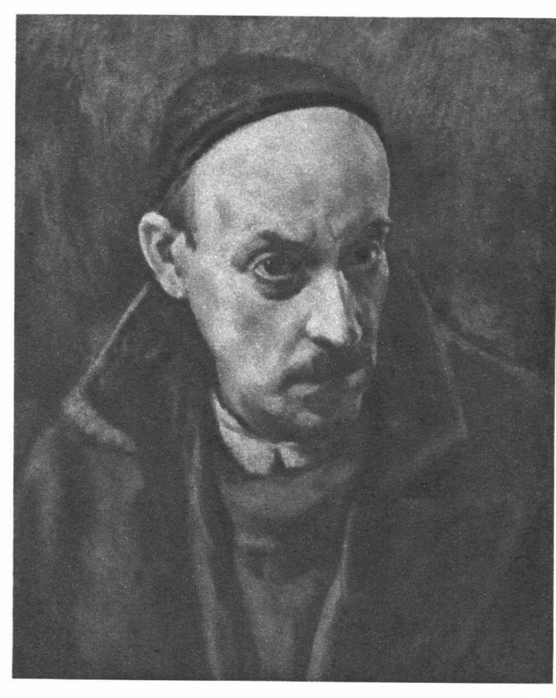
В 1961 году Петру Софроновичу исполняется сто пять лет. Правительство Якутской АССР назначило ему персональную пенсию. Но, несмотря на преклонный возраст, Захаров до сих пор не уступает в мастерстве молодым охотникам. Он прекрасно знает все повадки животных. Каждый год Захаров отстреливает пятьсот — шестьсот белок, сорок — пятьдесят горностаев, десять — пятнадцать лисиц, несколько медведей и множество зайцев.

Не так давно Петр Софронович приезжал погостить в Якутск. Ему устроили теплую встречу. Знаменитого охотника чествовал весь город. Захаров попросил показать ему ружья последних марок. В магазине тщательно, не торопясь, он рассматривал их, но ни одно не пришлось по вкусу охотнику. Видимо, старые свои ружья, которые столько раз выручали его в лесу, Петр Софронович ценит дороже всего.

Не понравился Захарову и лучший номер гостиницы, в котором его поселили. Охотник нервничал, жаловался на головную боль, общее недомогание. Да и у себя, в Усть-Майском районе, Петра Софроновича не соблазняет теплый, добротный дом. Зимой и летом живет он в кибитке и чувствует себя прекрасно. Суровая северная природа, самоотверженный труд, к которому Петр Софронович был приучен с раннего возраста, помогают этому человеку, перешагнувшему за сто лет, сохранять здоровье и душевную молодость.

А. ПРЕДЫБАЙЛО

Е. Е. Лансере. Автопортрет.

Талант и время

В залах Академии художеств СССР открыта выставка работ Евгения Евгеньевича Лансере (1875—1946). Выставка обширная, хотя на ней представлена лишь часть художественного наследия этого прославленного мастера.

Лансере не замыкался в узкие рамки одного какого-либо вида искусства и не разделял его на категории «высокие» и «низкие». С увлечением и серьезностью работал он и над историческими картинами (как, например, «После Ледового побоища» или «1812 год») и над «проектами» чашек для фарфорового завода. С одинаковым вниманием и ответственностью относился к рисованию почтовых марок и к созданию монументальных росписей Казанского вокзала в Москве.

Увлечение монументальной живописью проходило через всю жизнь художника. Наиболее интересные вещи им созданы после революции. Росписи общественных зданий и сооружений, выполненные в эти годы, приобретают большое социальное звучание. Живописный талант, декоративное чувство цвета проявились в них с особым размахом.

Впрочем, с не меньшей силой дар художника сказался и в графике. Лансере, автор превосходных образцов книжного оформления, выступал и как сатирик-карикатурист. В 1905—1906 годах он выпустил серию острых карикатур против самодержавия.

Классическими образцами реалистической книжной графики считаются иллюстрации Лансере к повестям Л. Толстого «Казаки» и «Хаджи Мурат». В них покоряет превосходное знание природы и быта Кавказа, глубокое внимание к чувствам героев повестей. Готовясь к работе над этими иллюстрациями, Лансере много путешествовал по аулам Дагестана, изучал архитектуру, утварь, обычаи, костюмы. Его альбомы полны зарисовок. Тут и пейзажи, и карандашные наброски кавказской флоры, тут и знаменитый татарник, о котором упоминает Л. Н. Толстой в «Хаджи Мурате».

И во время этого путешествия и в течение дальнейшего пребывания на Кавказе художник много писал темперой и маслом. Конечно, его внимание привлекали люди — работа над портретами — и пейзажи. Лансере пишет с увлечением и легкостью глубокие дали, дома и горы, залитые сияющим желтым светом, голубые тени, пересекающие дороги и долины, прозрачную синеву небес, рыжеватые камни гор и утесов.

Всю жизнь Лансере увлекался театрально-декорационной живописью.

Евгений Евгеньевич Лансере прожил большую и яркую жизнь художника, жизнь человека увлеченного, скромного и самоотверженного. Он был обаятельным, широко образованным и остроумным собеседником, добрым товарищем и внимательным учителем многих молодых художников.

А. ГОНЧАРОВ, художник.

ПОСЛЕ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА.

Е. Лансере. ТРОФЕИ РУССКОГО ОРУЖИЯ. Государственная Третьяковская галерея

ПОЛТАВСКАЯ ПОБЕДА.

1812 ГОД.

Е. Лансере. ТРОФЕИ РУССКОГО ОРУЖИЯ. Государственная Третьяковская галерея.

БОЙЦЫ У ТРОФЕЙНЫХ ОРУДИЙ В ДНИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ. 1942 год.

Конец рассказа

Александр ЧУЖМИР

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Скользят, скользят лыжи. Скрипит под лыжами снег. Человек тяжело дышит: он уже немолод, и подъем на крутую сопку дается ему не просто. На спине у человека мешок, в руках он держит двустволку. Совершенно ни к чему ему двустволка, но так уж повелось у них, у изыскателей: отправляешься в тайгу, бери ружьишко — пригодится.

Человек прислушивается, он знает, что будничный шум поселка услышит прежде, чем увидит коптящую трубу на окраине. Но поселок ему так же не нужен, как и двустволка. Поселок — всего лишь промежуточный пункт на его пути в город Усть-Неру.

Но он ошибся: с вершины сопки он увидел поселок, кирпичный завод на его окраине, маленький паровозик и такие же маленькие, словно игрушечные, груженные глиной платформы, широкую ленту автомобильного зимника и ползущие по нему тяжеловесы. И ни единого звука не донеслось до путника. Потому что ветер дул в другую сторону.

Наметив взглядом точку, куда он мог съехать раньше, чем доползет туда вынырнувший из поселка лесовоз, путник помчался вниз. Это было гораздо проще, чем взбираться на сопку. Когда он выскочил на зимник, лесовоз был еще далеко. Он снял лыжи, порадовался непривычной легкости ног, потом опустил на укатанный снег мешок.

Лесовоз приближался; путник поднял руку.

— Кидай барахло наверх! — сказал шофер, мальчишка совсем, открывая дверцу кабины.

Путник уложил на бревна мешок и лыжи, ружье оставил при себе. В кабине было тепло и совсем не дул ветер.

Мальчишка-шофер с интересом оглядел путника, его заиндевелую щетину на подбородке, смерзшиеся брови.

— Крепко дает! — посочувствовал он.— Пятьдесят градусов, не шутки! У нас в гараже половину машин начисто приморозило, никак не заводятся! — И поучительно добавил:— Автомобиль мороз не уважает!

Путник не ответил. Сняв рукавицы, он отер лицо, потом соскоблил ногтями лед с лобового стекла.

— Сколько до Усть-Неры?

— Если вы интересуетесь вообще, около ста километров.

— Я интересуюсь, потому что еду в Усть-Неру.

— На автомобиле туда не проедешь. Все перевалы начисто замело,— как ни в чем не бывало сообщил мальчишка-шофер. Но ему понравилось, что пассажир хладнокровно воспринял его слова, поэтому он пояснил: — Ближайший поселок — Карбылях. Если вам не к спеху, можете дождаться там вертолета. Если торопитесь, валяйте пешком!

— У меня груз.

— Груз можно сложить на лыжи. Есть одна тропинка такая вдоль высоковольтной линии — всегда действует. Чем хуже погода, тем больше там людей топчется, потому что провода чаще рвутся... Только к тропинке этой назад надо возвращаться, на кирпичный.

— А иначе, чтобы не возвращаться, нельзя?

— Можно прямиком, через сопки... Вон через тот бугор! Прямо в тропинку и упретесь!

— Далеко?

— Километра два.

— Тормозите!

И снова скользят лыжи, скрипит под ними смерзшийся снег. Дует ветер. Но теперь он дует не в спину, а сбоку, отчего стала тяжелой и чужой левая половина лица.

И снова путник одолел сопку, потом другую и, наконец, выбрался на вершину третьей. Оттуда он увидел дымок, мутноватый столбик, едва приметный на фоне одного из склонов. Но зачем ему этот дымок, хотя и манит он, призывает, обещая тепло, горячую пищу, отдых? Нет, не нужен ему дымок. Он возьмет левее, кратчайшим путем к высоким деревянным опорам, по которым тянутся провода в обе стороны от мутноватого столбика дыма.

Теперь уже ветер дует в лицо. Возможно, что именно он, этот проклятый ветер, принес беду: левая лыжа внезапно зарылась в снег.

Путник выдернул ногу. На ней болтался обломок дощечки, подбитый коротким оленьим мехом. Путник бросился в снег. Суетясь и не думая ни о чем, он начал разгребать снег руками. Руки наткнулись на что-то твердое и извлекли из-под снега половинку лыжи. Нет, он ни на что не наткнулся. Просто сломалась лыжа. Сломалась сама по себе.

Он выпрямился.

Потом он отстегнул обломок, затем другую лыжу. И погрузился по бедра в снег. Он закрыл глаза, ресницы мгновенно склеило морозом, разрывать их было мучительно. Но он не замечал боли. Он даже не замечал больше ветра. Он воткнул в снег ружье, снял со спины мешок, развязал его, вынул сверток с едой и сунул его в карман полушубка. Мешок остался открытым. Путник видел в нем круглые брусочки, залитые парафином и обернутые непромокаемой бумагой.

— Мо-но-литы! — произнес путник сквозь зубы.— Монолиты! — И пнул мешок рукою.

Еще утром путник радовался этим монолитам. Благодаря им, этим извлеченным из толщи мерзлоты брусочкам, он мог отлучиться из геологоразведывательной партии, где работал коллектором, и попасть в Усть-Неру. И хотя погода была самая неподходящая и не те были у него годы, чтобы блукать по тайге, он первым назвался, когда начальник партии кликнул добровольцев. Груз не велик, а попасть в город нужно было до крайности: из города он мог отослать семье, двум сыновьям, денежный перевод, почти всю трехмесячную получку. Уже не первый раз он поступал таким образом на протяжении многих лет, всегда стараясь отослать деньги по возможности скорее...

И вот он смотрит на раскрытый мешок, в котором лежат монолиты. Он знает, что попал в беду.

С большим усилием он выдернул из снега одну ногу и перебросил ее вперед. С каждым таким броском силы заметно убывают, а цепочка высоких двуногих опор почти не приближается. Теперь он чаще и чаще посматривает в ту сторону, где вьется мутноватый дымок.

После короткой передышки, он продвинулся еще на несколько метров. Ветер немного поутих, но мороз жал с прежней силой, и путник ощущал его ледяные объятия всем существом. Необходимо было двигаться, двигаться. Но двигаться он не мог. Тогда он решился на крайнюю меру: сбросил полушубок, оставаясь в короткой телогрейке, стянутой патронташем. Он отстегнул и патронташ, одно какое-то мгновение раздумывал: не выбросить ли ему и ружье, но не выбросил, а нагнулся, достал из патронташа два патрона и вместе со снегом затолкал их в карман.

Деньги были во внутреннем кармане пиджака, он помнил об этом, как помнил и о том, что сверток с едой остался в полушубке.

Когда он подобрался наконец к двуногой опоре, он увидел тропу; она напоминала узкую траншею. Двоим здесь не разойтись. А над головой он увидел толстые, неуклюжие провода. Они гудели. Но путник не был уверен, что гудят именно провода, ему казалось, что гудит застывающая в висках кровь.

Переступать он больше не мог. Он полз. Вспахивая снежную толщу, он походил на потерявшего зрение крота. Сначала он дотянулся до тропы головой, потом скатился в нее весь.

Не больше одной минуты лежал он на утоптанном снегу тропинки; теперь он уже сознавал, что проникающий в сознание гул — гул проводов, гул внешнего мира и жизни, и он догадался теперь, что спасен, что дано ему, быть может, еще раз увидеть своих сыновей, и это помогло собрать силы. Он вскочил и побежал в ту сторону, где жизнь была ближе, побежал к дымку.

Тропа огибала сопку. За поворотом путник услышал свирепый лай, но не замедлил бега и остановился лишь тогда, когда оказался перед крыльцом заметенного снегом бревенчатого сруба. На крыльце стояла женщина. Низкорослая лайка не шумела больше; сжавшись пружиной, она смотрела на пришельца, ожидая команды своей хозяйки.

— Не бойтесь, собака привязана, входите!— сказала женщина и помогла ему подняться на ступеньки.

Первое, что увидел он, пройдя через темный коридор в просторную и светлую комнату, была раскаленная докрасна железная печь. Он рванулся к ней.

— Нет! — удержала его женщина, подвигая табуретку.

Она стащила с него валенки, размотала портянки, сняла носки и осмотрела ноги, потом так же внимательно — пальцы рук.

— Теперь можно,— глазами показала на печку.

Прошло немало времени, прежде чем утихла частая дрожь. Он попробовал шевельнуть пальцами ног, и это удалось ему. Женщина улыбнулась.

— Варвара Николаевна! — протянула она руку.— Муж скоро придет. Он линию обходит... Беда с этой линией, ни минуты покоя!.. Есть хотите?

Он качнул отрицательно головой.

— Тогда посидите здесь, я постель приготовлю.

Мягко ступая, она вышла в соседнюю комнату. Ей было за тридцать. Лучистые глаза под длинными ресницами светились теплом.

Неслышно она вернулась и проводила его в маленькую спальню, где едва помещались узкая железная кровать и тумбочка.

— Отдыхайте,— сказала она.— Комната эта для гостей. У нас часто гости.

— Я из геологоразведки... Коллектором работаю...

— Потом, потом! Сейчас отдыхайте!

— Лыжа сломалась,— добавил он.

Женщина кивнула в ответ и вышла, прикрыв за собою дверь.

Дух от печки проникал сквозь тонкую переборку. Единственное окошко маленькой спальни слезилось. За окном виднелся краешек двора, штабель бревен, собачья конура.

Над кроватью в примитивной рамке под стеклом висели фотографии. Поднимая одеяло, путник скользнул по фотографиям взглядом.

И выронил одеяло.

Лицо его стало таким же, как в тайге, когда он бессмысленно разгребал руками снег... Из множества фотографий вниманием его овладела одна, в центре. На ней — мужчина, женщина и пухлый мальчуган. В женщине легко было узнать Варвару Николаевну, хозяйку, хотя выглядела она совсем девочкой. Но женщина его не интересует, он смотрит на мужчину.

Легкий шум послышался за переборкой, путник вздрогнул, повернул на шум голову. Шум не повторился. Возвращаясь к фотографии, взгляд путника наткнулся на зеркало; растерянно глядел на него оттуда обросший человек. Он потер ладонью покрывшийся дробинками холодного пота лоб, обросший человек в зеркале повторил это движение и отвернулся.

— Бред! Проклятый бред!.. Надо выспаться!

Молчаливым кивком путник согласился с обросшим человеком в зеркале.

Мужчина на фотографии молод, не больше двадцати пяти лет. Под расстегнутым воротом гимнастерки тельняшка. Густые взлохмаченные брови, застывшие глаза. И пухлый мальчуган. Сейчас этот мальчуган совсем большой, пожалуй, его и не узнаешь... А этот парень в полосатой тельняшке, где он сейчас? Если допустить невероятное, представить, что жив он, можно ли его узнать? Это так же трудно, как узнать, например, его, пожилого, всеми уважаемого коллектора из геологоразведки...

Мысли оборвались, глубокий сон сковал сознание.

Пробудила его музыка. Мягко она лилась откуда-то извне, из другого, не осложненного памятью о прошлом мира. Он открыл глаза. Но ничего не изменилось: было темно и так же тихо струилась музыка. Он сообразил наконец, что музыка пришла из соседней комнаты. Потом он вспомнил о фотографии и снова закрыл глаза. Это не помогло: действительность, требовательная, как всегда, и упрямая, предъявила свои права.

Медленно натянув на себя одежду, он шагнул к светящейся вертикальной стрелке — зазору между косяком и дверью. Дверь отворилась, яркий электрический свет захлестнул его.

Возле приемника сидел мужчина в шерстяном свитере. Путник протянул ему руку:

— Карпов. Карпов Борис Васильевич! — Щурясь на свет, он улыбнулся.

Мужчина в свитере не ответил. Он будто не слышал слов гостя, не видел протянутой руки. Он смотрел на него и, казалось, не только на него, а куда-то дальше, в навеянный музыкой мир забытья...

— Очень приятно...— проговорил он наконец.— Семен Тучкин!..

Пожав гостю руку, пригладил длинные седые волосы и окинул Карпова еще более пристальным взглядом.

— Фу, черт!— рассмеялся он неожиданно.— Обознался!

— Постойте,—перестал улыбаться Карпов.— Мы в самом деле встречались где-то... Кажется, это было на прииске «Находка».

— Ну нет, на прииске «Находка» я никогда не был!

— Значит, это было в Свердловске!

— Нет, и в Свердловске я не был!

— И все-таки я уверен, что видел вас прежде. И даже совсем недавно!

— Мне, наоборот, кажется, что вас я видел очень давно... Вы на каком фронте воевали?

— К сожалению, воевать не довелось. Всю войну на транспорте прослужил, в Свердловске!

— Стало быть, ошибочка произошла! — заключил добродушно Семен.— По этому случаю хозяюшка угостит нас!.. Угостишь, Варвара Николаевна?

Варвара Николаевна улыбнулась доброй материнской улыбкой. На столе появилась покрытая туманом бутылка спирта, грибы, жареные куропатки, теплый еще хлеб. Семен вышел в коридор и вернулся оттуда с чайником в руках.

— Представляю, как вы проголодались,— сказал он.— По правде, я тоже быка съем!

Карпов понял, что они не ужинали, дожидались его.

— Между прочим,— сказал Семен,— на том месте, где вы к тропе выползли, я вот эту игрушку нашел.— Он достал из кармана ружейный патрон, заряженный крупной самодельной пулей.— Кому такой гостинец?

— По привычке. Вокруг нашего лагеря всякое зверье вертится.

Семен возвратил патрон. Карпов сунул его в карман, где лежал второй, такой же. Еще два таких же патрона были в стволах ружья: мысль об этом мелькнула в сознании, но не отразилась на лице. Семен налил гостю, потянулся с бутылкой к Варваре Николаевне, но та прикрыла стакан ладонью. Себе он налил меньше, чем гостю. Он знал, что нарушает закон Севера, по которому за столом спирт наливает каждый себе сам — сколько находит нужным. Выпили за знакомство.

Карпов накинулся на еду и единым махом расправился с куропаткой. Варвара Николаевна снова наполнила его тарелку.

— Пожалуйста, ешь, Сеня! — попросила Варвара Николаевна. Но он не услышал.

Что-то ухнуло за окном, словно донесся издалека орудийный залп. Карпов перестал жевать и поднял голову.

— Мороз жмет! — успокоил его Семен.

— Да... мороз...— повторил Карпов. Он охмелел, понимал это и старался тщательно выговаривать слова.— Сегодня, когда лыжа сломалась, после каждой остановки — точно из когтей чьих-то вырывался... Брр! Вспоминать жутко! И чего только в голову не лезло, вся жизнь будто в кино промелькнула! — Впрочем,— сказал Карпов,— все это ерунда!

— Выпьем,— поднял стакан Семен.— За путников, штурмующих тайгу!

— Красиво сказано! Я, знаете ли, штурмуя тайгу, подарочек ей поднес. Двадцать восемь монолитов!

— Что за штука — монолиты?

— Кусочки мерзлой земли. Образцами породы называются.

— Нужная, должно быть, вещь?

— Смотря с какой стороны рассуждать... При каких обстоятельствах...

Варвара Николаевна сидела напротив, подперев руками подбородок и подолгу задерживая недоуменный взгляд на муже. И видя, что Семен старается не замечать ее молчаливого вопроса, она пыталась найти разгадку в лице гостя. Но на лице Карпова не было ни единого облачка.

— Выпьем за здоровье хозяйки! — предложил он.

— Выпьем! — охотно согласился Семен.

— Хорошо живете,— сказал Карпов.— Спокойно. И не скучаете вдвоем?

— Скучать нам некогда... И потом, нас не двое — больше!

Непонятно было Варваре Николаевне, зачем с таким ударением на последнем слове соврал Семен.

А Семен тем временем встал. Пошатываясь слегка, он пересек комнату, поднял тяжелую крышку сундука и, порывшись в нем, достал почерневшую трубку. Мундштук у трубки был разукрашен цветными колечками.

Не спеша он стал набивать трубку. Испугом затянуло глаза Варвары Николаевны.

Выкурив трубку, Семен положил ее на край стола. Нехотя потянулся за нею гость.

— Вспоминаете? — тихо спросил Семен.

— О чем? — отдернул руку Карпов.

— Вспоминаете, говорю... о этих, как они...

Театр „Кабуки“ опять в Москве

Тридцать три года назад, в 1928 году, москвичи и ленинградцы впервые увидели спектакли этого замечательного японского театра.

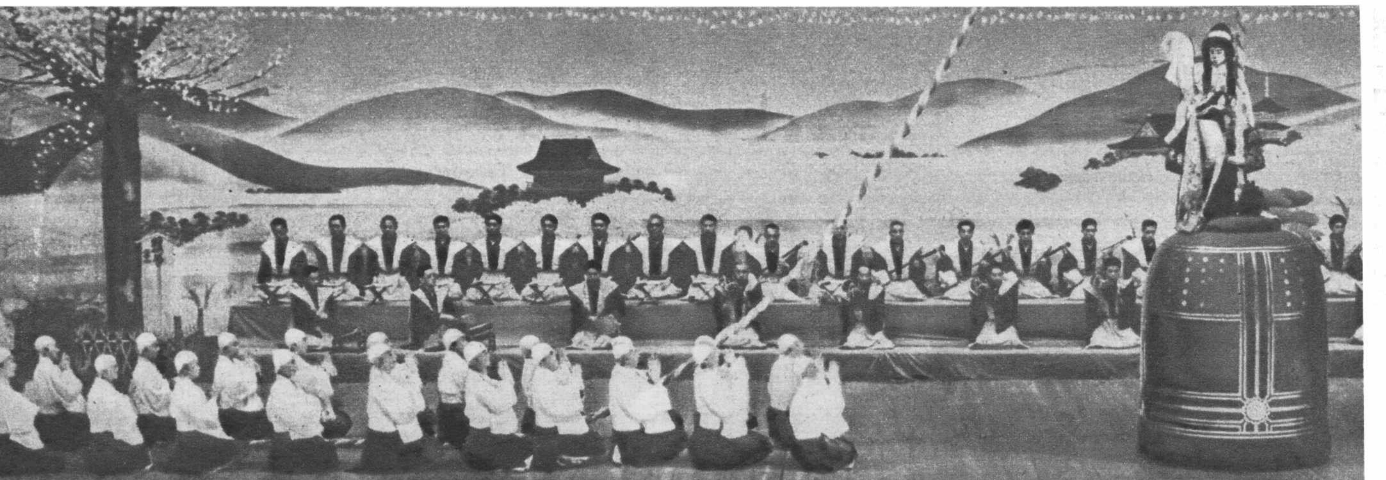
«Кабуки» и стар и молод одновременно. Стар своей историей и традициями, молод неизменным успехом актеров, всю жизнь совершенствующих свое удивительное мастерство.

«Вся жизнь» — это не просто фигуральное выражение. Чтобы овладеть сложной техникой «кабуки» — а это ведущий жанр японского национального театрального искусства, сочетающий в себе элементы драмы, оперы и балета,— актеры начинают обучение с самого раннего детства.

Когда я знакомилась с «Кабуки» в Японии, меня восхищали изящные, похожие на кукол со своими черноволосыми гладкими блестящими головенками пяти-шестилетние мальчики, старательно подражающие старшим актерам. Публика нежно любит этих очаровательных малышей.

Обычно искусство «Кабуки» передается по наследству: от отца к сыну. Вместе с репертуаром и манерой исполнения сыну или усыновленному ученику передается и сценическое имя учителя. Так появились знаменитые актерские династии, насчитывающие несколько поколений: Итикава Дандзюро, Накамура Утаэмон, Оноэ Кикугоро и другие.

Созданный народом и для народа, театр «Кабуки», реалистически рисующий жизнь простых людей, издавна был полон красок и движения. Феодальное правительство, напуганное популярностью и влиянием «Кабуки», решило установить контроль над театром. Удар за ударом наносили театру всевозможные законы, ограничивающие его творческую деятельность. Театр отражал эти удары с помощью хитроумных уверток. Эта «дуэль», продолжавшаяся более 250 лет, оказала существенное влияние на развитие драматической формы «Кабуки». Когда в 1629 году указом правительства, проявившего «заботу» о нравах горожан, со сцены «Кабуки» были изгнаны женщины — в театре раз-

← Девушка-оборотень Ханако на глазах у пораженных служителей буддийского храма превращается в злобный дух мстительной принцессы (спектакль «Додзедзи»).

монолитах? Ведь они для дела нужны. Если человека в такую погодку нагрузили да в тайгу погнали — стало быть, очень нужны!

— Честно говоря, такие высокие мысли мне в голову не приходили. Я, видите ли, о детишках своих подумывал... Допускаю, разумеется, что другой кто-нибудь в моем положении поступил бы иначе. В книжках, например, так только и бывает. Не во всех, правда... У Короленко, например, вычитал я, что при пятидесяти градусах мороза в человеке все замерзает. Совесть тоже!

— Я не согласен!

— Я и сам не согласен,— сказал Карпов.

Семен поднялся, задумчиво прошелся по комнате. Жалобно скрипнули половицы под тяжестью его шагов.

— Черт его душу знает,— остановился он перед гостем,— что больше действует на совесть: мороз, а может, наоборот, жара!.. Я тоже книжицу одну читал. Про войну. Хотите, расскажу?

— Что ж, послушаю с удовольствием...

— Происходило это в сорок первом году,— он заметил, что Варвара Николаевна встает, и коротким взглядом усадил ее.— В сорок первом году, летом,— повторил он.— Под городом Одессой...

— У меня брат Игнат в сорок первом погиб под Одессой,— перебил Карпов.

— Родной брат? — после паузы спросил Семен.

— Родной по матери. Отцы разные. У него и фамилия другая — Синицын.

Снова ухнуло за окном. На этот раз все трое повернули головы на звук. Семен потер виски и облегченно взглянул на гостя. Варвара Николаевна улыбнулась чуть-чуть, не улыбнулась, а посветлела вся.

— Простите, я перебил вас,— сказал Карпов и тоже слегка, но очень вежливо улыбнулся. И снисхождение, и торжество, и радость были в этой улыбке, мгновенной тенью пронеслись по лицу, но изменился вдруг Семен и сжалась в комочек его жена.

— В общем, рассказ короткий,— продолжал Семен.— Отряд морской пехоты высадился в тылу врага, потерпел неудачу, отступил и укрылся в густой пшенице. Невозможно было разобрать, что происходит вокруг, где находятся свои, куда отошли баржи. Решили переждать. Но уже на третий день ждать стало невмоготу, потому что жара стояла невозможная, ручьями катился пот, тельняшки прилипали к спине, точно намазанные медом. А пить было нечего. Ни одной капли воды все три дня. И взять было негде!.. Тогда командир вызвал добровольцев в разведку. Объявилось человек около десяти. Командир отобрал двоих, которые покрепче... Ушли эти двое с рассветом на четвертый день. А к обеду отряд был окружен и уничтожен. Четверо всего спаслось, уползли раненые...

Голос Семена стал хриплым. Он по-прежнему вышагивал из угла в угол, стараясь не глядеть на гостя.

— И не спаслись бы те четверо, если бы не потеряли сознание... И если бы не подобрали их люди добрые из деревни соседней и не выходили, как детей своих!..

Схватив со стола чайник, Семен отхлебнул несколько глотков и совсем тихо сказал:

— Был бы на том конец истории, потому что не первый тот отряд моряков черноморских и не последний, что окрасил кровью свои лиманы одесские! Но зацепочка вышла. В деревне, где прятались четверо, через одного полицая, который партизанам сведения добывал, узнали: не случайно отряд погиб. Предали его. Один из тех, что в разведку ушел, предал! — и глянул в упор на Карпова.

Но Карпов спал. Свесив голову набок, ровно посвистывая, он безмятежно спал.

Долго и растерянно смотрел на него Семен. Потом взял со стола трубку.

— Мы лежали цепочкой. Мы ждали. Три дня. Пить было нечего, жрать было нечего и курить было нечего: ни на одну закрутку ни у кого не было бумаги. У меня была трубка. Она ходила по кругу. И тот гад ползучий курил из

вилось и стало прочной традицией искусство оннагата,— появились актеры-мужчины, исполняющие женские роли. Оннагата невероятно искусны в изображении женщин, они анализируют характерные женские привычки, манеры, повадки и очень тонко их подчеркивают. В конце концов эта традиция стала такой прочной, что сделанная в прошлом веке попытка вернуть женщин-актрис на сцену «Кабуки» потерпела неудачу. Актрисы показались публике менее женственными, чем оннагата!

И действительно, вы не можете не изумляться, когда Накамура Утаэмон, мужчина средних лет с усталым лицом и грустными глазами, превращается в очаровательную, церемонно-кокетливую куртизанку Яцухаси в пьесе «Кагоцурубэ» или в обольстительную красавицу принцессу Кумонотаэмахимэ, перед прелестью которой не может устоять даже святой отшельник (пьеса «Наруками»).

Все движения оннагата, кажущиеся такими естественными, требуют огромного систематического труда. Актеры даже дома стараются носить женское платье, чтобы какой-то неловкий жест или инстинктивное движение рук, поправляющих платье, не выдало их на сцене...

В программу очень длинного спектакля «Кабуки» обычно включаются историческая драма, бытовая реалистическая пьеса и одиндва танцевальных номера, чтобы ведущие актеры могли свое искусство продемонстрировать в разных ролях, в разных планах. Итикава Энносукэ, крупнейший актер «Кабуки», возглавляющий труппу, которая едет в Советский Союз, появится перед нами в патетической роли опального буддийского священника высокого ранга (пьеса «Сюнкан»), затем в роли отшельника («Наруками») и, наконец, в красочной танцевальной пьесе «Рэндзиси».

Пьесы для «Кабуки» часто создавались по мотивам преданий и легенд. Мы увидим одну из таких пьес — «Додзедзи». В ней использована старинная легенда храма Додзедзи о буддийском монахе Антине и принцессе Киё-химэ. Постигая премудрости буддийской философии, принцесса без памяти влюбилась в своего юного наставника, но красавец монах был тверд. Спасаясь от искушения, он убежал в храм и там спрятался под колоколом. Разгневанная Киё-химэ, полная злобной страсти, превратилась в змею, проползла под колокол и насмерть ужалила юношу...

Одна из самых сильных сторон «Кабуки» — его яркая театральность. Декорации, костюмы, грим, музыка и пение, сопровождающие действие,— все это дополняет выразительную, несколько стилизованную игру актеров. И когда на широкой, до блеска отполированной сцене, залитой ярким светом, выстраивается своеобразный парад певцов и музыкантов, торжественно замерших в ожидании начала действия, сердце японского зрителя замирает, пораженное грандиозностью зрелища и сознанием важности всего происходящего... Впрочем, в залах театра «Кабуки» японцы чувствуют себя как дома. Они входят и выходят во время действия, едят, пьют, курят. Родители приводят с собой маленьких детей, если их не с кем оставить. Юные зрители ведут себя здесь свободно и непринужденно: что-то рассказывают друг другу, даже поют, и взрослые не останавливают их.

Искусство «Кабуки» известно не только в Японии. Интерес к этому театру велик во многих странах. Не раз «Кабуки» выезжал на гастроли в Америку, Китайскую Народную Республику. Приезд японских актеров в СССР — значительное событие в культурной жизни обеих стран.

Л. ГРИШЕЛЕВА

→
Попробуйте узнать Накамуру в церемонно-кокетливой куртизанке Яцухаси («Кагоцурубэ»).

нее... Буди гостя, Варенька! Завтра ему в дорогу!

И, посмотрев на жену, понял он вдруг, как напугана она этим ворвавшимся в их спокойную жизнь прошлым. И успокоил ее взглядом. Это не тот, сказали его глаза, это в самом деле его брат. Быть может, он не лучше того, но не тот.

Она кивнула ему в ответ, подошла к гостю и тронула его за плечо. Карпов проснулся.

— Лишнего выпил,— сказал он.— Простите.

— Идите отдыхайте.

— Пойду, пожалуй. Пора. Доброй ночи!

— Доброй ночи,— отозвался Семен.

В маленькой спальне было темно, поэтому нельзя было видеть лицо гостя, когда тот раздевался. Но, по-видимому, лицо не отражало никаких тревог по той причине, что не знала тревог душа. Так решил притаившийся за дверьми Семен, услышав мирный храп спящего. Человек с потревоженной душой не мог бы так скоро уснуть, как не мог бы он, линейный мастер Семен Тучкин, скажем, выбросить в снег кусочки мерзлой земли — монолиты.

А утром, когда Карпов проснулся, было уже светло.

Он отворил дверь и увидел Варвару Николаевну.

— Доброе утро, хозяюшка.— Голос его звучал приветливо.— А муженек где? Сбежать успел на труды праведные?

— Да.

Все умение не выдать себя вложила она в это короткое слово. Но умения не оказалось, голос выдал ее, ее ночные раздумья...

— Жаль! — пристально взглянул на нее Карпов.— Впрочем, я увижусь с ним на тропинке. Там и распрощаемся!

— Нет, на тропинке вы с ним не повстречаетесь. Он в другой стороне сегодня.

— Жаль,— повторил Карпов. Потянулся к вешалке за телогрейкой.

— Вы бы чайку выпили на дорогу...

— Благодарю, не имею времени. Собачка-то привязана?

— Привязана...

Он надел шапку.

— Послушайте,— сказала Варвара Николаевна, поднимаясь,— не уходите сегодня!

— Почему не уходить? — Взгляд его сделался колючим.

— Предчувствие у меня. Сон нехороший видела... Давно, давно, лет около двадцати назад, меня угоняли в Германию. У хозяина батрачила. Как мухи, дохли мы у этого хозяина... И вот приснилось мне сегодня, будто и вас, как там, увозят мертвым на скрипучей телеге... Ноги торчат из-под рогожи, голова болтается, и никто вас не провожает, никто по вас не плачет...

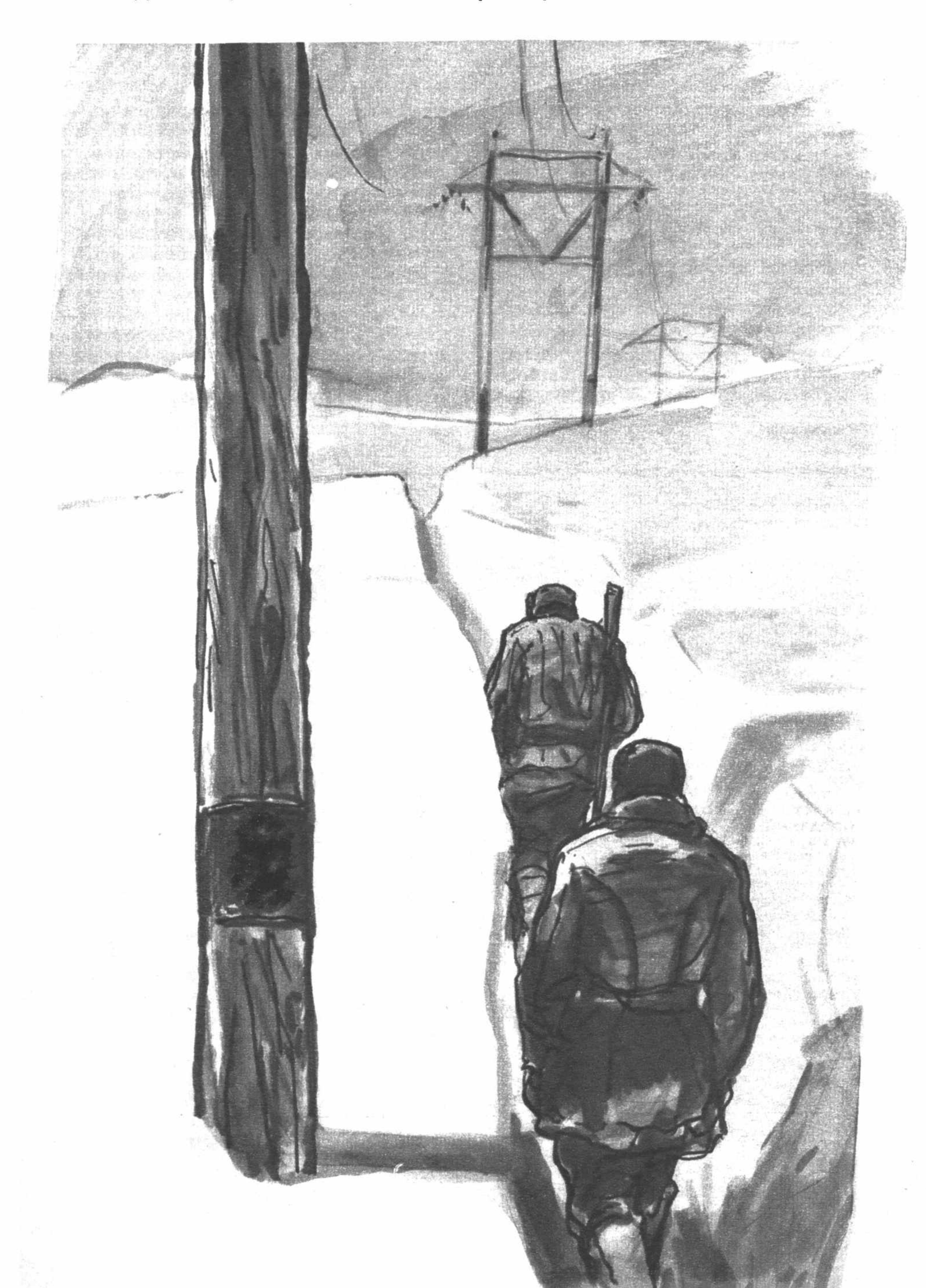
— Ха-ха-ха! Покойника видеть — к перемене погоды! Счастливо оставаться, хозяюшка! Привет передавайте муженьку, да, кстати, извинитесь за меня, пожалуйста, что не дослушал его рассказик вчерашний: сон одолел!.. А жаль, честное слово, жаль! Хотелось бы конец дослушать!.. Ружьишко-то мое куда запропастилось?..

— В сенях вы его вчера оставили.

Взяв двустволку, толчком ноги он распахнул наружную дверь. Собака в самом деле была привязана.

И он ушел, этот случайно забредший путник.

Ровно тянется тропинка. Так же ровно нависают над ней заиндевелые провода. Тропинка узкая, двоим на ней не разойтись. Путник бодро шагает, в руках он крепко сжимает двустволку. Недаром такой обычай у них, у изыскателей: идешь в тайгу, бери ружьишко, бери — пригодится.

У поворота, где сворачивает тропинка за сопку, он вдруг оглянулся, окинул последним взглядом приютивший его заснеженный сруб. Он оглянулся невольно, под влиянием чувства, будто преследуют его чьи-то глаза. И хотя никого позади не было, чувство это осталось. И к этому чувству прибавилось новое, что шевелилось все время в дальнем уголке души.

Он идет дальше, не смотрит по сторонам и не оглядывается больше — упорно смотрит вперед, все время вперед. А это новое чувство, которое не смог он на этот раз загнать в отведенный ему уголок, поднималось все выше и выше, добиралось до горла, охватывало его, словно цепкий мороз.

И когда он увидел впереди прислонившуюся к двуногой опоре человеческую фигуру, он машинально переломил ружье.

Стволы были пустыми.

Он судорожно вцепился в карман, но и там патронов не оказалось. Взгляд его метнулся по сторонам, но всюду лежал снег. Холодный, безучастный и непроходимый снег.

Назад?

Сзади тоже человеческая фигура, чуть поменьше той, что впереди, и не в черной беличьей шапке ее голова, а в сером шерстяном платке. И собака. Низкорослая лайка с вздыбленной шерстью на спине.

Назад пути нет давно, с того самого дня под Одессой.

Он снова пошел вперед. Он вспомнил лучистый взгляд и отпечаток былых страданий в лице и пошел вперед. Не идти вообще он не мог: мешал третий враг, такой же непреклонный — мороз. Много лет он пытался представить себе, как все это произойдет, но произошло совсем не так.

И вот они рядом — он и Семен Тучкин. В зубах у Семена — трубка.

— Курни разок, Игнат Синицын. Курни разок и передай по цепи.

В руках у Игната ружье. В нем нет патронов, но достаточно тяжелый приклад. Настолько тяжелый, что поднять его у Игната нет сил. Да, произошло это совсем не так.

— Кончай, Семен!

Семен усмехнулся.

— Иди вперед,— сказал он.— В Булганах!

Булганах — это тот самый поселок, на краю которого кирпичный завод. Промежуточный пункт на пути в Усть-Неру.

— Ты вот как!.. Но это ни к чему. Нас было двое!

— Мое дело сдать тебя куда следует. И, между прочим, второй убит. Ты, сволочь, убил его!

Тропинка — и над ней провода. Быстрым шагом идут двое. Казалось бы, куда спешить идущему впереди. Нéкуда ему больше спешить, он знает это, но гонит его мороз. Гонит его мороз, как гоняли всю жизнь по закоулкам страх, окровавленная совесть, открытые взгляды людей.

Внезапно оглянулся идущий впереди, и губы его искривились.

— Чему обрадовался? — спросил беззлобно Семен.

— А тому, что амнистия была!

— Не было для тебя амнистии. На тебе кровь!

Они снова идут. У того места, где выполз накануне путник, что-то темное лежит на снегу. Это выброшенный путником мешок с монолитами.

— Поднимай,— сказал Семен.— Не отмахивайся, поднимай, говорю! Не затем я тащился за ним спозаранку, чтоб он здесь оставался!

Идущий впереди поднял мешок.

— У тебя есть дети, Семен? У меня двое. Сыны. Кроме них, никого на всем свете! Я тебе адрес оставлю, напишешь... Я, мол, такой-то. Это я вас по миру пустил! Не мог, мол, давнишний рассказик без окончания оставить!

— Дай мешок,— сказал Семен.— Передохни. Дорога у тебя долгая еще.

— А знаешь ты, Семен, из-за чего мы повстречались с тобой? Из-за них, из-за сынов. Я в город шел, перевод им отправить...

— Нет, Игнат, не поэтому. Сыны тут ни при чем. И я ни при чем. Тот рассказик, что рассказывал я вчера, не мог неоконченным остаться! Потому что кровь, пролитая тобой,— народа твоего кровь. Земля, преданная тобой,— Родина твоя!..

Скрипит под их быстрыми шагами снег.

Текущий счет №1

Галина **ШЕРГОВА**

Фото **А. УЗЛЯНА.**

25 июля 1961 года в газетах появится такое сообщение: «Сегодня в Москве, в Колонном зале Дома союзов, открылся Всемирный форум молодежи. В его работе принимают участие 700 человек — представители более 90 стран».

Газеты сообщат точные цифры и все-таки допустят фактическую неточность. Потому что не 700 человек, а миллионы молодых людей заговорят на этом форуме, не московский Колонный зал, а весь земной шар станет аудиторией молодежной дискуссии.

Молодежь, которая чувствует себя ответственной за судьбу мира, должна сказать свое решающее слово. И, конечно, чтобы полно выразить мнение молодого поколения многих стран, будет даже недостаточно 60 докладов и содокладов, значащихся в повестке дня.

Если бы в форуме принимали участие люди одинаковых убеждений, то круг вопросов и тем был бы, несомненно, уже. Но в Колонном зале встретятся люди разных мнений. Сторонники религиозных учений будут спорить с атеистами, молодые английские консерваторы, например, будут отстаивать свои политические убеждения перед коммунистами Италии. Однако задача форума вовсе не в сталкивании убеждений и не в обострении противоречий. Поиски путей к единству в благородных делах века — вот что самое важное. Нужно, чтобы возникшее на форуме взаимопонимание молодых дало основу для дальнейшего сотрудничества полярных направлений. Поэтому Ассоциации молодых христиан США предложено выступить с докладом «Христианство, мир, молодежь»; молодым голландцам — «Проблемы морального воспитания», а организации лаосских студентов — поделиться своими мыслями о формах завоевания национальной независимости.

Кто же субсидирует это всемирное собрание молодости? Весь мир. Именно все. В советском Внешторгбанке есть текущий счет № 500107, куда ежедневно идут поступления. Раскройте счета, вы увидите: «Венесуэла — 1 000 долл., Гана — 1 000 фунтов, Кипр — 200 долл., ГДР — 2 000 долл.» и т. д. Иногда сами правительства вносят деньги, подчеркивая свою солидарность с идеями форума. Но так бывает не везде. И тогда... тогда он становится очень разноликим, этот фонд. В нем заработки молодых гвинейцев, работающих сверхурочно, деньги, собранные по подписным листам в Японии; Индонезия решила найти средства, издав материалы форума; Куба обещала помочь бесплатно провезти делегатов на своих кораблях; на острове Реюнион—у берегов Африки — девушки делают сувениры, чтобы выручку от продажи внести на счет № 500107.

Однако у форума есть еще один фонд. Фонд солидарности. На текущий счет этого фонда вносят страсти, надежды, стремления, клятвы в верности общему делу. Он для молодости мира — счет № 1.

Обо всем этом нам рассказал советский представитель в Постоянном секретариате форума — **Владислав Шевченко.**

Потом мы говорили и с посланцами других стран. Поскольку круг вопросов в таком разговоре мог быть не менее широк, чем на самом форуме, и наш журнал пришлось бы целиком заполнить рассказом об этой беседе, мы решили ограничить себя, задав нашим собеседникам только один вопрос: «Какая из проблем, обсуждаемых на форуме, больше всего волнует молодежь вашей страны?»

Надо сказать, что все наши собеседники были довольно единодушны, заявив, что нет такого вопроса форума, который не занимал бы их молодых соотечественников. Однако некоторые черты современности заставляли их особенно задумываться и горячиться.

Антонио Карседо, представитель Ассоциации молодых повстанцев **Кубы,** уверен, что сейчас главное — борьба за национальное освобождение народов. Его родина познала первую радость свободы, и Антонио кажется, что на форум придут молодые земледельцы, члены 100 тысяч некогда безземельных семей, чтобы рассказать крестьянам Латинской Америки, как земельная реформа объявила войну нищете. Придут молодые рабочие, чтобы рассказать, как впервые в истории Кубы не хватает рабочих рук. Кубинцы скажут и о том, какая это великая сила — солидарность. Они почувствовали поддержку всего мира в дни империалистической агрессии. Сам Антонио был тогда в Чили, он помнит подписи, которые поставили все члены исполкома Всемирной федерации демократической молодежи — люди разных языков и разных убеждений — под воззванием Фиделя Кастро. Да, о сплоченности нужно говорить на форуме.

Сумаре Гурейси, из Демократического объединения молодежи **Гвинеи,** согласен с Антонио Карседо. Ведь одним из самых сложных препятствий на пути Гвинеи, получившей теперь независимость, была разобщенность. Разумеется, колонизаторы тоже создавали кое-какие молодежные организации. Создавали в племенах, в селениях разные, мелкие, ничего не значащие друг для друга, порой враждующие между собой. И вот новая Гвинея вышла строить дороги, стадионы, заводы, театры. Молодые гвинейцы устраивают фестивали и празднества, они хотят поддержать в африканце мысль о полноценности и значительности его личности. Разве можно это делать врозь? Только вместе! А теперь вся Африка нуждается в единстве, ибо единство— путь к полной победе над тяжким наследием колониализма.

Конечно, борьба с колониализмом и его последствиями и есть главный вопрос форума для Африки.

Исао Нисикадзе, президент Лиги социалистической молодежи **Японии,** считает, что вопрос равенства между нациями,— безусловно, кардинальная проблема дня. Но все-таки первое, о чем думают японцы,— мир. Недаром тем, кто наследовал память о пепле Хиросимы, поручили сделать на форуме доклад о разоружении.

И когда представитель Японии поднимется на трибуну, за его спиной будут стоять 800 тысяч жителей Окинавы, японского острова, ставшего военной колонией американцев, где каждого, кто хочет пахать землю и смеет заявить об этом, швыряют в тюрьму. На трибуну поднимутся крестьяне острова Ниидзима, чью землю превратили в арсенал оружия. Выйдут миллионы японцев, чтобы рассказать, как американские базы, словно язвы, разъедают тело страны.

Мир — не вопрос теоретических исследований для японской молодежи. Это — ее право на жизнь. А форум должен думать о жизни.

Сюзетт Делон, ответственный секретарь организации «Международная дружба молодежи» **(Франция),** думая о жизни и молодости, тоже не может забыть о войне. Ведь в Алжире каждый из тысяч молодых французов в любую минуту может быть убит. Но Сюзетт, как и ее друзья, знает, что вовсе не веление сердца привело большинство ее соотечественников под знамена душителей свободы. И оттого не только физическая смерть стережет молодого француза в Алжире. Моральная смерть будет уготована поколению, если оно примет идеи вражды и подавления свободы. Ведь в окопах Алжира молодой француз должен отречься от идеалов, которые ему внушали с детства, готовя его к вступлению в жизнь. Где же французское свободолюбие, уважение других народов, гуманность? Разве ты можешь говорить о них, расстреливая женщин и детей и бросая в тюрьмы людей за естественное стремление к свободе?!

И, слава богу, французы поняли это. Ведь не пустили же они во Францию фашизм во время последнего путча «ультра»! Тогда все, даже студенты, которые обычно предпочитали «не вмешиваться в политику», провозгласили: «Мы с вами, молодые рабочие Франции».

Мир на земле и духовный мир человека — органически сплетенные понятия. Об этом и хочет поговорить молодая Франция, выступая на форуме с докладом «Мир и прогресс».

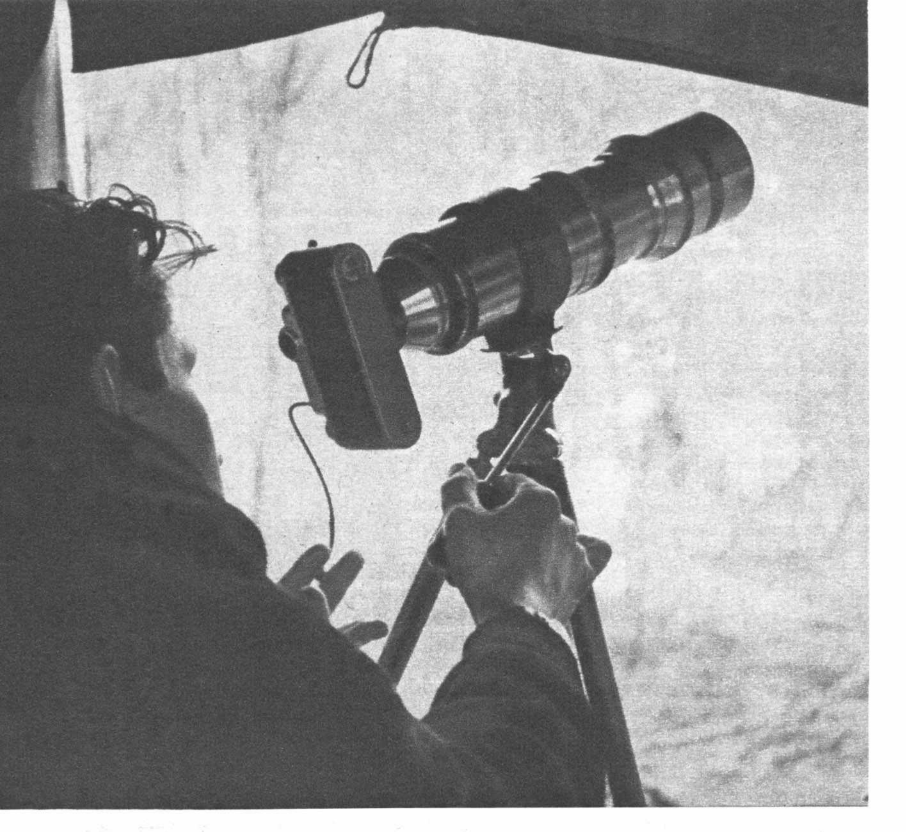
Говоря о том, что арена форума будет гораздо шире, чем очерчено в официальной программе, мы не просто прибегли к литературному образу. Это имеет и практический смысл. Кончатся заседания в Москве, и форум будет продолжен в среднеазиатских колхозах, украинских вузах, на ленинградских заводах, в крымских санаториях, куда разъедутся участники, чтобы воочию посмотреть, что же такое социалистический образ жизни. Участникам дискуссий много подобных выездов предстоит и во время работы форума. Но будет еще одно место, где возникнут дискуссии и споры, не предусмотренные повесткой дня,— клуб форума.

Работа клуба особенно интересует члена исполкома **Всекитайской** федерации молодежи **Ху Цили:**

— Разумеется, и основные проблемы форума не могут не занимать молодых китайцев. Но в клубе мы хотели бы встретиться с молодежью Соединенных Штатов, чтобы поговорить о многих интересующих нас делах. Прежде всего нам очень важно знать, что думает молодая Америка о Тайване, как она — не официальная, а живая и юная Америка — относится к событиям на Кубе, в Лаосе, Конго.

Та, «официальная» Америка препятствует народному Китаю задать эти вопросы со своего законного места в ООН. Поэтому мы хотим говорить с настоящей Америкой — лицом к лицу, с глазу на глаз, от сердца к сердцу. И мы верим, что поймем друг друга. Ведь в этом и смысл форума: чтобы все поняли друг друга.

К этому желанию и нам нечего прибавить. Пусть растет текущий счет взаимопонимания и солидарности. Счет № 1.

Б. ГРИГОРЬЕВ, Г. КОПОСОВ

Мы едем на Скалы. Скалы — это традиционное место сборов ленинградских альпинистов и туристов. Мы знаем, что первый сбор там организовали в мае 1949 года и было на нем тогда не больше тридцати человек. И вот уже двенадцать лет собираются на Скалы туристы, альпинисты и просто любители природы. С каждым годом их становится все больше. Они едут организованно и неорганизованно, большими коллективами и маленькими группами. Возвращаются загорелые и обветренные, с годовым запасом бодрости.

Итак, мы наконец тоже отправляемся на Скалы. В последнюю минуту к нам присоединяется Алик Березовский, инженер по холодильным машинам, который приехал на месяц в наш город из Одессы. Увидев наши сборы, он говорит, что еще ни разу не бывал в туристских походах. С минуту мы изумленно смотрим на него, а потом дуэтом доказываем ему всю неполноценность его предыдущего существования. Значит, нас будет трое в одной палатке. Двое из нас к этому путешествию более или менее подготовлены. Мы умеем ставить палатку и знаем, что для того, чтобы чай быстрее закипел на костре, надо сделать вид, будто ты его не ждешь.

В полночь садимся в поезд и шесть часов несемся на северо-запад до станции Кузнечная. Длинная вереница туристов тянется ранним утром от поезда и движется по узкой дороге. Мы идем вместе с ними, идем восемнадцать километров с мешками за спиной. Шагаем по обочине дороги мимо деревень и по лесу, проходим вдоль берега озера и пробираемся между валунами.

Скалы открылись внезапно. Это гранитный массив протяженностью в несколько километров, весь заросший лесом. Отвесными стенами массив обрывается к озеру и тремя гигантскими ступенями сбегает к лесу. На ступенях лежит палаточный городок. Словно кто-то бросил на скалы гигантскую перевернутую борону, и она лежит, уставясь в небо зубьями палаток.

Над палатками флаги: стяги спортивных организаций, полотнища с эмблемами заводов и институтов или просто куски узорчатой, пестрой ткани. Цветные ленты переброшены между палатками, слабый ветер играет разноцветными воздушными шарами. И всюду здесь шум, смех и песни. Здесь не ищут того уединения, к которому обычно стремятся люди, приехавшие в лес, чтобы отдохнуть от городского шума. На Скалах, наоборот, стараются быть ближе друг к другу, в коллективе.

После обеда мы отправляемся в путешествие по лагерю. Туристов здесь, наверно, не менее пяти тысяч, палаток — целые кварталы, костров столько, что если соединить их в один, то его пламя, возможно, будет видно из Ленинграда, гитар наберется на целый оркестр. Между палатками стоят березки, их, наверное, тоже хватит на десяток ансамблей.

Проходя по городу-лагерю, мы видим названия и эмблемы почти всех крупных ленинградских заводов: представители Кировского завода и заводов, выпускающих самые большие в мире турбины и генераторы,— Металлического и «Электросилы». Вот палатки завода, рабочие которого создали первый атомный ледокол, а рядом горит костер, у которого сидят инженеры и рабочие Оптико-механического завода. В городке представлены почти все крупнейшие учебные заведения Ленинграда. Наконец, тут много сборных групп под шутливыми названиями. «Дети лейтенанта Шмидта» на поверку оказываются ленинградскими политехниками, а на «Парнасе» в отличие от французских парнасцев проповедуют не «искусство для искусства», а «физкультуру для здоровья». Даже москвичей мы находим на Скалах. Их четырнадцать человек, и работают они на автозаводе имени Лихачева. Сюда они приезжают второй год подряд — это уже традиция.

Мы бродим между палаток до наступления сумерек. Всюду кипит работа: украшают «жилища», пишут лозунги, выпускают газеты. Один из плакатов рекомендует умеренность в еде: еще бы, аппетит в лесу великолепный, а ближайший магазин — за восемнадцать километров.

Здесь никто никого не упрашивает написать плакат или лозунг, нарисовать карикатуру, сочинить стихотворение. Это делается только по доброму желанию. Та самая активность, которую иной раз тщетно пытаются привить коллективу редакторы стенных газет, штатные и нештатные затейники, она присутствует тут в полном объеме. Вот сидит милая девушка, техник Женя Хребтукова, и с увлечением рисует карикатуры. Она долго не замечает нас, хотя мы успеваем несколько раз сфотографировать ее.

На Скалах, как и полагается у туристов, звучат песни. Особенно здорово поют у того костра, где слышится гитара Володи Лосева, инженера с Ижоры. Запас песен у него неисчерпаем. Веселая, озорная мелодия сменяет грустную, лирическую, и все больше и больше народу собирается около гитариста.

Ночью, когда мы засыпаем, прижавшись друг к другу в палатке, Алик вдруг приподымается на локте и говорит: «Между прочим, здесь нет ни одного милиционера и образцовый порядок».

И в самом деле, мы ни разу не слышали ссоры, не видели пьяных. Над входом в пустые палатки висят фотоаппараты, по всему лагерю искали человека, забывшего часы на берегу озера. Мелочи? Да, конечно, может быть, о них не стоило говорить. Но здесь таких мелочей много, из них складывается весь быт, вся атмосфера.

Раннее утро. Туман стелется в низине. Еще не распуганные шумом, заливаются птицы. Из соседней палатки кто-то охотится за ними, нацелившись длинным стволом телеобъектива. Первыми просыпаются дежурные по палаткам, им надо развести костер, принести воды, вскипятить чай. Проснулась наша соседка инженер Ленпроекта Валя Себелькова. Она смотрит в зеркало и улыбается.

Сегодня особенный день. В десять часов начинаются соревнования по скалолазанию на первенство Ленинградского областного совета спортивного общества «Труд». Все спешат. Быстрым шагом проходят парни в тапочках со связками веревок на плечах и девушки в узких спортивных брюках. Здесь мода полностью оправдана потребностями. Попробуй заберись на скалы в шароварах, необъятных, как Черное море. Мы идем мимо вытесанного из камня идола, который возвышается на скале, он носит звучное имя — Мамбо-Юмбо. У идола грозное лицо, но он добр, по местным поверьям, он покровительствует отважным и поощряет веселых. Как и полагается идолу, Мамбо-Юмбо молчаливо приемлет жертвоприношения: старые башмаки, консервные банки и ненужные железнодорожные билеты. Прямо за ним два веселых альпиниста вешают на березу лозунг к сегодняшним соревнованиям: «Бога нет, есть Гагарин». Ветер рвет у них из рук бумажную ленту, но они упрямо лезут с ней наверх. Бога нет, а есть Гагарин — это значит есть сильные, смелые и упорные.

У самого озера под углом встали две скалы: одна крутая, местами просто отвесная — для скалолазов, другая с пологими площадками — естественный амфитеатр для зрителей.

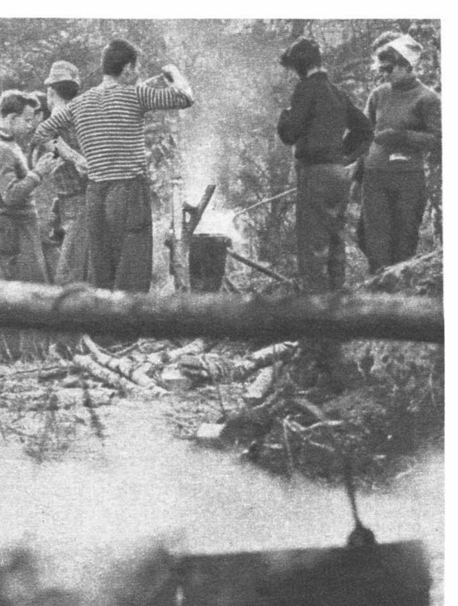
Двести человек участвуют в соревнованиях.

Скалолаз выходит на старт. Грудь его схвачена поясом или капроновым тросом, пропущенным под руки, к этой обвязке прикреплен страховочный конец, уходящий на вершину скалы. Здесь, на вершине, конец вытягивают три опытных альпиниста. Они не помогают взбираться, веревка не натянута, но если вдруг скалолаз сорвется, веревку быстро закрепят наверху руки товарища.

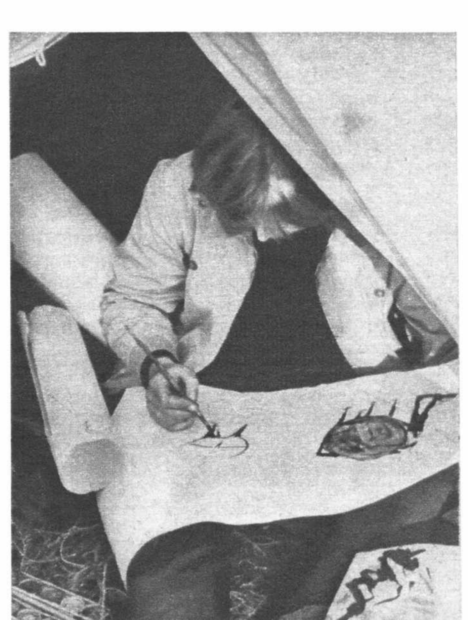
В соревнованиях победил механик Адольф Грачев. Он лез по скале так легко, словно перемещался не по вертикали, а по горизонтали. Наверное, альпинизм — это семейная страсть Грачевых, потому что накануне в соревнованиях женщин победила сестра Адольфа Вера Авдеева.

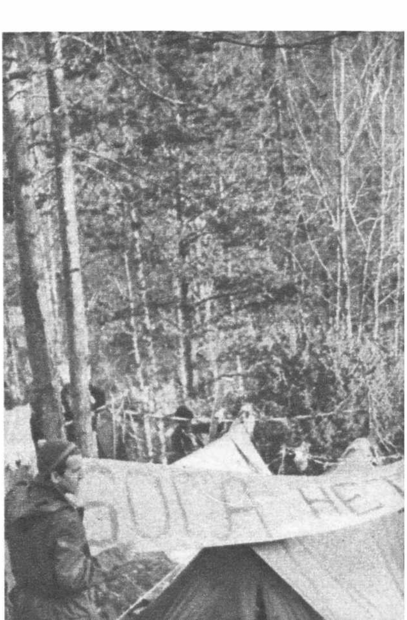
Можно еще много рассказывать об этом палаточном городе. О тех спортивных играх, которые мы видели, о больших кострах дружбы, зажигаемых вечером, о новых наших друзьях и, конечно, о влюбленных. Ведь там, где царит солнце, белые березы и молодость, там не может не быть любви. Через три дня мы уезжали со Скал, увозя с собой воспоминание об этом городе, как о хорошей сказке. Наверно, если бы жив был сказочник Шварц и если бы он побывал в этом лагере, то обязательно написал бы еще одну сказку. Сказку о городе веселых сердец, жители которого смелы, ловки и похожи на птиц: просыпаются с рассветом и сразу начинают петь. Деревянный Мамбо-Юмбо, обвеваемый всеми ветрами, правит этим городом, на улицах которого вместо фонарей вечерами зажигаются костры...

КОСТРЫ ВЕСЕ

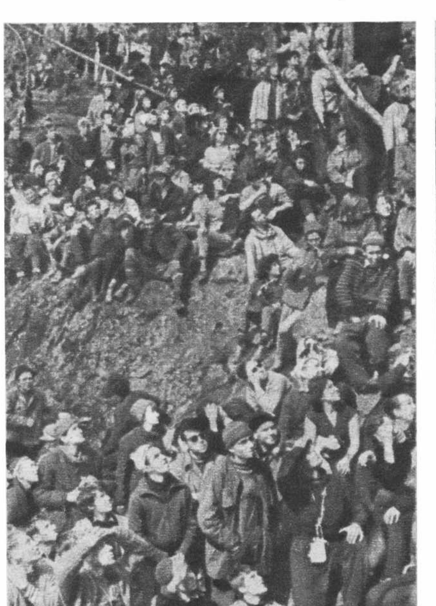

ЛОГО ГОРОДА

НЕ ДЛЯ МУЗЕЕВ, А ДЛЯ ЛЮДЕЙ

Студенты этого училища, как студенты всех художественных институтов мира, очень много занимаются живописью и рисунком. Зимой они пишут и рисуют натюрморты, портреты, обнаженную натуру, летом выезжают на этюды. Свои курсовые и дипломные задания они сдают в рисунках, живописи, скульптуре, чертежах. Но в отличие от многих и многих институтов проект или часть проекта студенты выполняют обязательно в материале. Они делают стулья, светильники, посуду, ювелирные изделия, модели машин...

В кабинете начальника учебной части Михаила Алексеевича Щербакова я заметила стулья, сделанные в мастерских училища. Это курсовые задания студентов. Статуи на фасаде училища, роспись на стенах, люстры в столовой, подставки для цветов, круглые аквариумы в вестибюле — все это сделано студентами в мастерских училища. В этих мастерских стоят самые современные станки. Здесь можно оглохнуть от лязга металла и от визга пил. Здесь свежо пахнет деревом, стоит древнейшее изобретение человечества — гончарный круг, а рядом — станки последних моделей. Здесь рождаются вещи...

Сергей Васильевич Герасимов, народный художник СССР, говорит:

— Посмотрите вокруг себя. Ко всему, что вы видите: столу, стульям, ковру, лампе, часам — словом, сплошь ко всему, что вас окружает, должны прикоснуться художники прикладного искусства. Если вам не нравится висящая у вас на стене картина, ее можно убрать! Но стул, на котором вы сидите, убрать нельзя, и чашку, из которой вы пьете, тоже: волей-неволей вы будете ими пользоваться. А сделать их по-настоящему красивыми и современными очень трудно, хотя это именно и есть основная задача Высшего художественно-промышленного училища. Здесь, в училище, несколько отделений: монументальной живописи и архитектурно-декоративной скульптуры; художественной обработки металла, дерева, пластмассы, стекла, керамики и ткани; внутренней отделки зданий...

Училище возникло сравнительно недавно— в 1945 году. Но оно возникло не на пустом месте, его воссоздали на базе Строгановского училища, основанного еще в 1825 году и просуществовавшего вплоть до самой революции. Преподавателями училища были Коровин, Врубель, Серов. Их ученики создавали вещи, с которыми Россия с гордостью выходила на мировые конкурсы, получая золотые и серебряные медали.

Московскому высшему художественно-промышленному училищу передали часть библиотеки и часть музейных экспонатов бывшего Строгановского училища, но главное не это; ему передали самую душу всемирно известного училища, его воинствующие реалистические традиции. Сюда пришли преподавать старые «строгачи»: профессора Николай Федорович Бавструк, Михаил Александрович Марков, Сергей Васильевич Герасимов... Они живой мост между дореволюционным Строгановским и новым Московским высшим художественно-промышленным училищем, слава которого все растет.

...Год назад я ездила в новорожденный город в Сибири. Прямо на черноземе, в чистом поле, где недавно рос овес, вставали высокие светлые пятиэтажные дома и выравнивались в просторные улицы. В мастерской архитекторов лежал проект — огромное административное здание с фреской в 11 этажей, рядом — большая роща корабельных сосен. В городе не было ни старых, навевающих меланхолию зданий, ни временных бараков. Город принадлежал молодости, будущему. Я испытала то, что испытывали здесь все: ощущение быстрого движения вперед, какой-то непривычной чистоты и просторности жизни, необычайной близости будущего... И когда я вошла в музей Московского высшего художественно-промышленного училища, меня охватило то же счастливое чувство, что и на далекой молодежной стройке в Сибири. Отчего оно возникло,— от созерцания чертежей каких-то необычайно прекрасных крылатых катеров; моделей стремительных длинных автомашин; от легкой сверкающей мебели, расставленной просторно и уютно?..

Дипломник отделения художественной обработки металла Дмитрий Терехов, по проекту которого на здании Дворца пионеров в Москве уже сооружаются солнечные часы, проектирует для парка Дворца Географический клуб. Самое интересное в нем — огромная, 48 метров в диаметре, карта мира из металла, стекла и пластмассы. Это будет волшебная карта. Пользуясь пультом управления, лектор сможет зажигать на ней изображения новых морей и рек, будущих городов, рисунки рыб и животных, населяющих морские глубины, зверей, живущих на разных материках земли. А слушатели разместятся на высокой галерее вокруг карты и будут слушать голос диктора, усиленный репродукторами. И высоко над картой поднимется легкая металлическая вышка с укрепленной на ней астрономической площадкой и флюгером, показывающим направление, силу и скорость ветра.

Майя Чушкина — дипломантка отделения художественной обработки пластмассы—тоже работает над частью проекта нового Дворца пионеров. Она оформляет комнату выдачи игрушек на дом. Посреди большой, просторной комнаты Майя спроектировала небольшой бассейн, частично отгороженный от комнаты прозрачной стеной из оргстекла. На этой сияющей стене выгравированы чайки, а в бассейне плавает большая яхта. Скольким детям этот удивительный водоем за прозрачной стеной, эти чайки и яхта покажутся волшебным окном в большой мир, мир романтики и путешествий, мир бескрайних морей, мир героев, мир отважных!..

Отделение пластмассы — может быть, самое интересное отделение Художественно-промышленного училища. Возможности этого материала безграничны; они полностью даже еще не изучены. Густав Мюллер — дипломник этого отделения — выбрал своей темой оформление электромузыкальных инструментов: камертонного пианино и кристадина. Перед тем как эти инструменты пойдут в массовое производство, надо заключить их в современную и красивую форму. Мюллеру она не сразу удалась. Вначале и кристадин и камертонное пианино были похожи на станки. Но ведь это музыкальные инструменты! Значит, при первом взгляде вам должно быть ясно: то, что вы видите, не станок, отсюда не выйдет сверло, а польется необычайная, непривычная еще для нашего слуха, прекрасная музыка. Мюллер упорно ищет лаконичную и изящную форму. Самая красивая часть камертонного пианино — клавиатура. Чтобы не прятать ее от глаз, Мюллер делает прозрачную крышку. И может быть, скоро ваш сын или дочь будет учить урок на таком пианино! Это вам очень понравится. Можно выключить звук, и ребенок будет разучивать гаммы и музыкальные пьесы в абсолютной тишине, слыша их звучание в наушниках, а вечером, когда соберется вся семья, вы услышите хорошо сыгранную ребенком пьесу.

А вот совсем другой проект — небольшой, ярко оформленный павильон со стеклянной стеной. Он похож на громадный аквариум или на клетку с тропическими птицами. Это дипломантка Марианна Гельфрейх проектирует оформление типовой булочной-пирожковой. Марианна проектирует не только мебель, но и посуду: синие, золотые внутри чашки; скрепленные между собой, ослепительно яркие, красные, черные и голубые стаканчики для бумажных салфеток; прозрачные подносики для бубликов... Я уверена: даже если вы каждый день будете завтракать в таком кафе, оно каждый день будет доставлять вам радость, как каждый день вас радует куст цветущих роз, сколько бы раз вы мимо него ни проходили...

В Московском художественно-промышленном училище не любят абстрактных дипломных проектов, как не любят здесь абстракции вообще. Все темы проектов конкретны, жизненны, реальны. Если они удадутся студентам, все они будут осуществлены. Некоторые студенты работают над формой заводских станков. Другие, связанные с предприятиями, работают над внешним видом почтового катера, внутренним оформлением вертолета, новым корпусом малолитражного автомобиля «Запорожец», над созданием осветительных приборов, оформлением аэропортов, учреждений, магазинов...

Поражает разнообразие тем.

Дипломант Владимир Коновалов занят работой над пультом управления счетно-электронной машины; он живет в строгом мире техники и математики, куда красота приходит лаконичной, стремительной. Дипломник Виктор Бардадын думает о красоте совсем другой— эта красота легкая, веселая, озорная. Бардадын делает большую комплексную игрушку для детей: смешные дома, машины, деревья, подъемные краны, люди и звери; их можно покупать по отдельности и по отдельности ими играть, но можно купить всю игрушку целиком, сразу. Это девяносто шесть предметов — целый город с улицей и прохожими, со строящимися зданиями, зоопарком, рекой и кораблями. Такой город займет «участок» полтора метра на полтора. И это будет радостный, сказочный город, и стоить он будет очень дешево: все игрушки деревянные, они выточены почти целиком на токарном станке и раскрашены яркими, стойкими красителями...

Новые вещи входят в мир, как входят в него новые люди. Недаром, представляя себе будущее, мы говорим не только о людях, но и о вещах, зданиях, машинах. Мы говорим о городах, построенных из алюминия и стекла, о сверкающих стремительных звездолетах, о легких, удобных одеждах, которые не стеснят свободных движений людей будущего, людей более сильных и ловких, чем мы. Недаром ведь, борясь с мещанством во взглядах, вкусах, идеологии, мы и сейчас боремся против мещанских вещей — комнат, загроможденных салфеточками, подушечками, плюшевыми шторами, где скопляется пыль; против неудобной, неестественной, претенциозной одежды, против бессмысленного подражания буржуазной моде...

Вещи живут с нами бок о бок. Они влияют на наше настроение и наше здоровье, они отравляют нас безвкусицей или приобщают нас к настоящему, большому искусству... В училище говорят с увлечением:

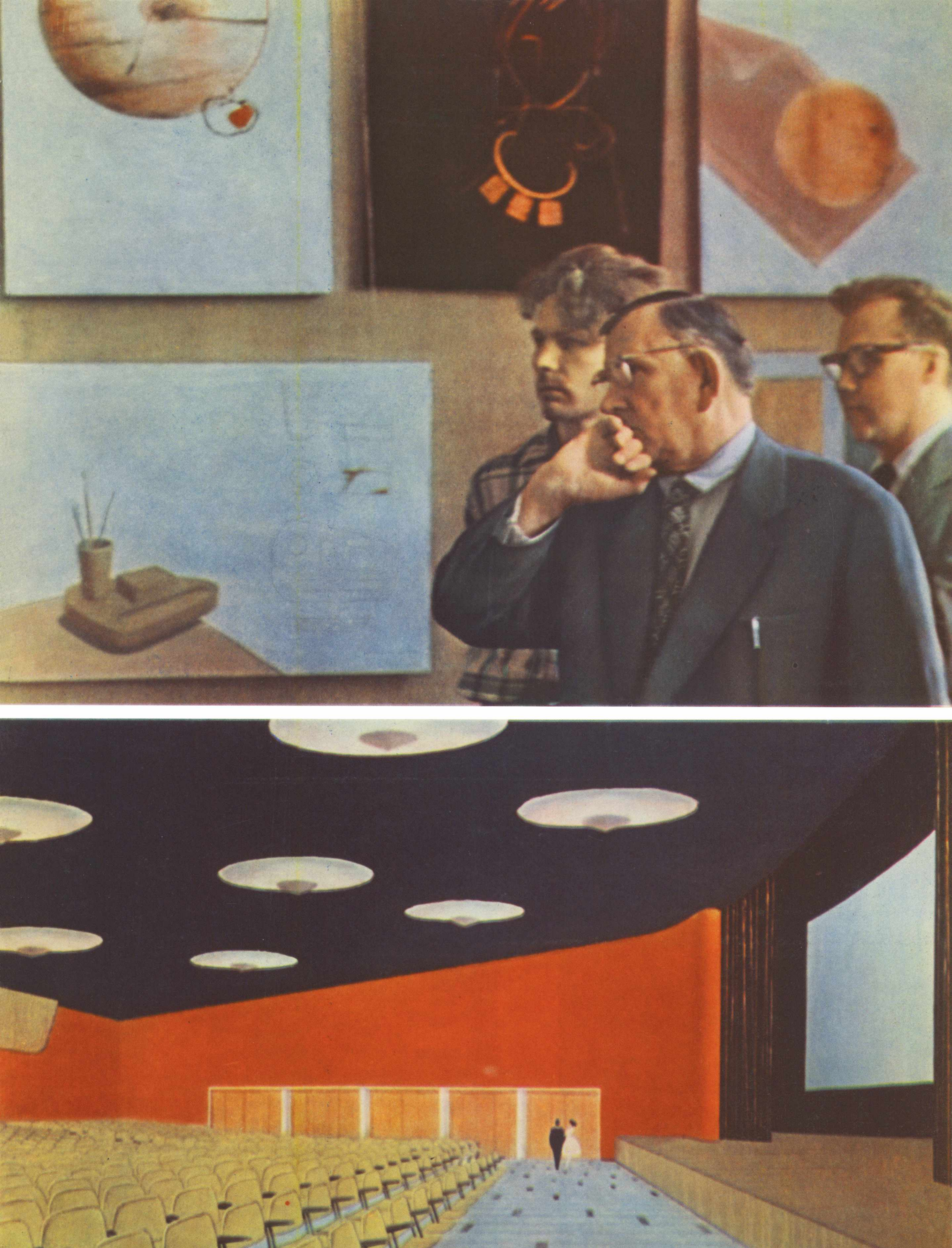
— Сколько раз в году человек бывает в музее? Ну, от силы десять, пятнадцать раз. А вещи окружают его всегда. Значит, вещи должны быть прекрасными.

А. ЖУКОВА

Народный художник СССР Сергей Васильевич Герасимов принимает работы студентов.

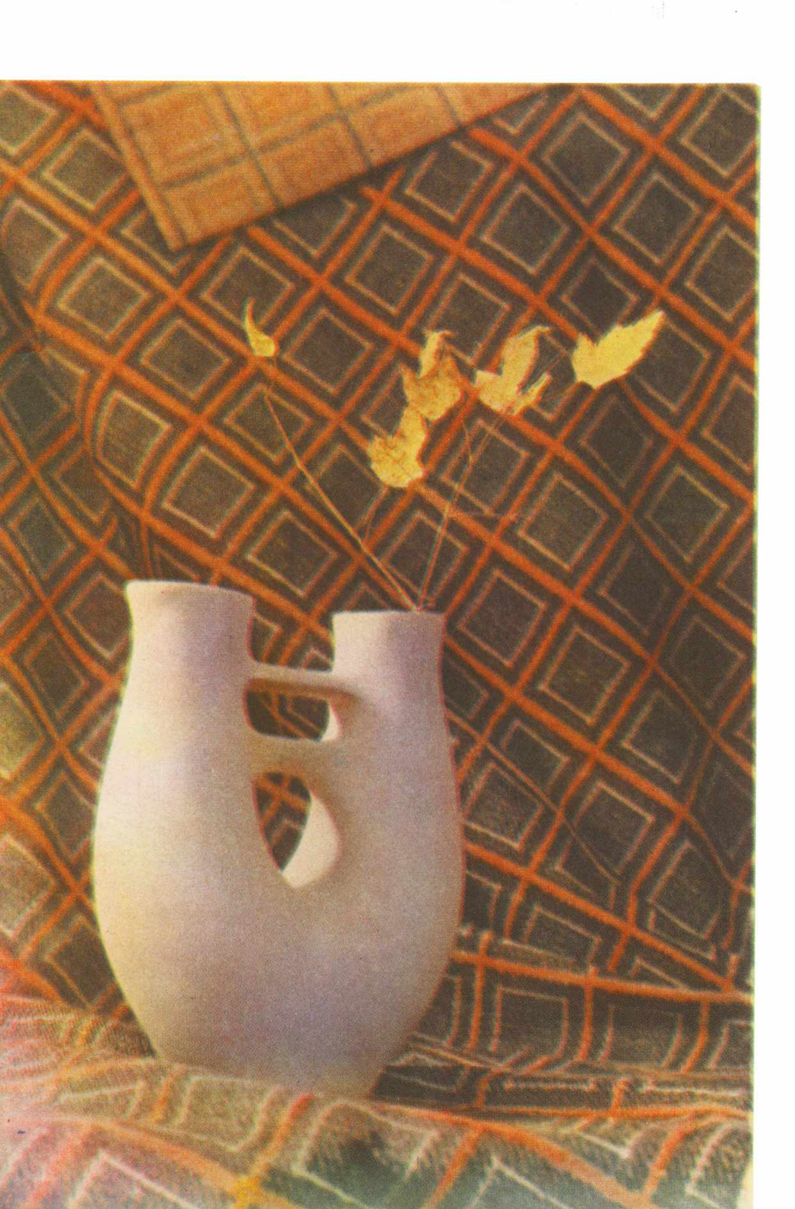
Этот проект отделки зрительного зала кинотеатра создал студент Лев Федоровский. Ничего лишнего, строгие плоскости, свежие краски, удобная планировка зала.

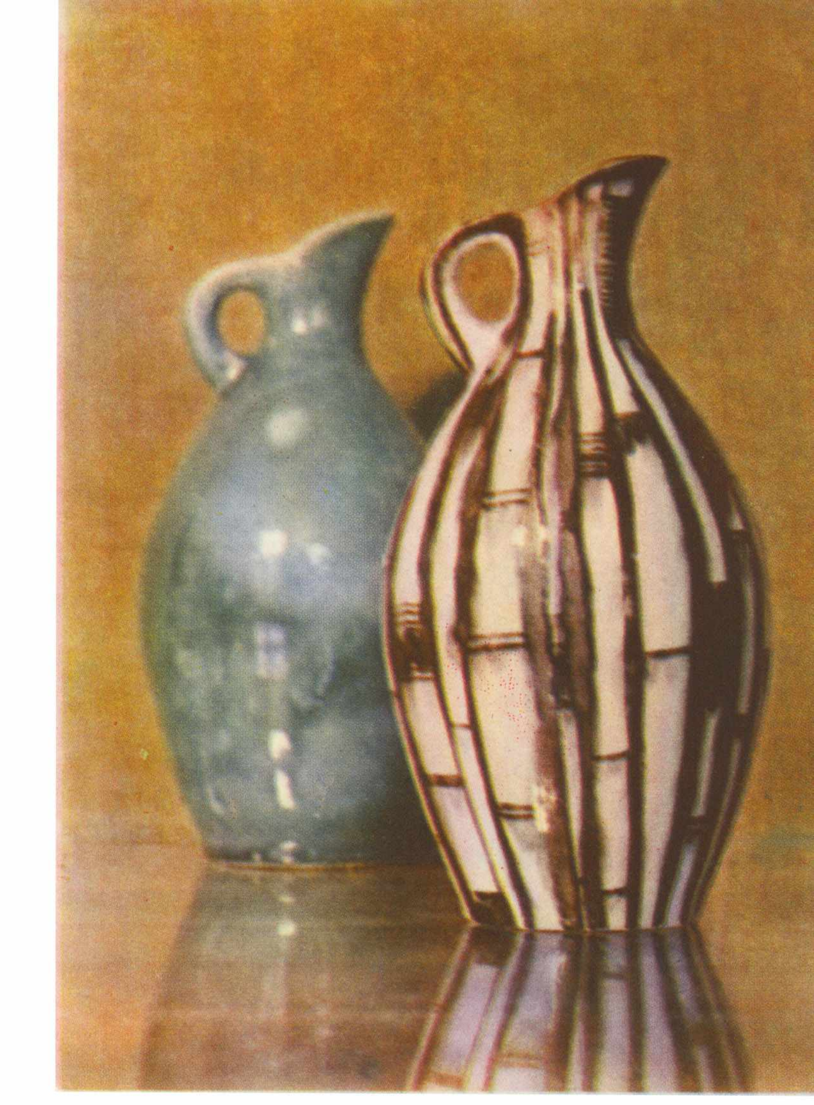
Фото И. ТУНКЕЛЯ.

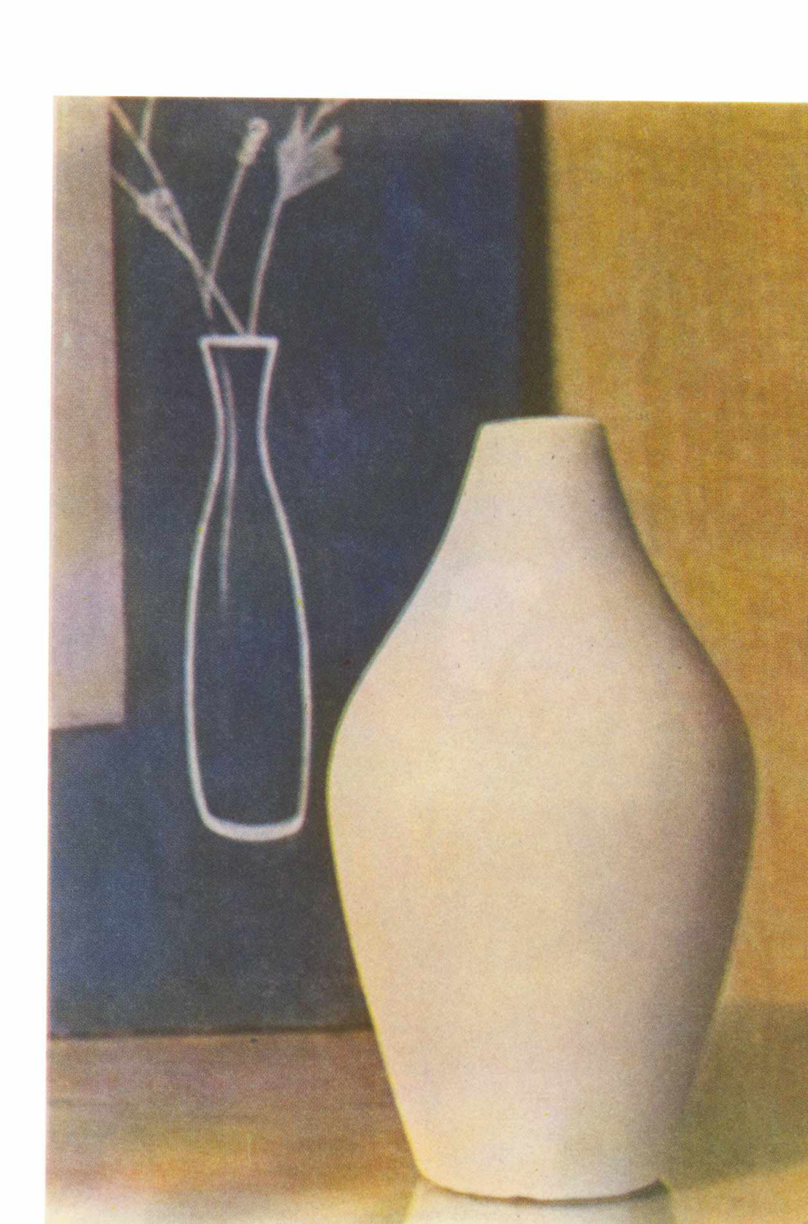

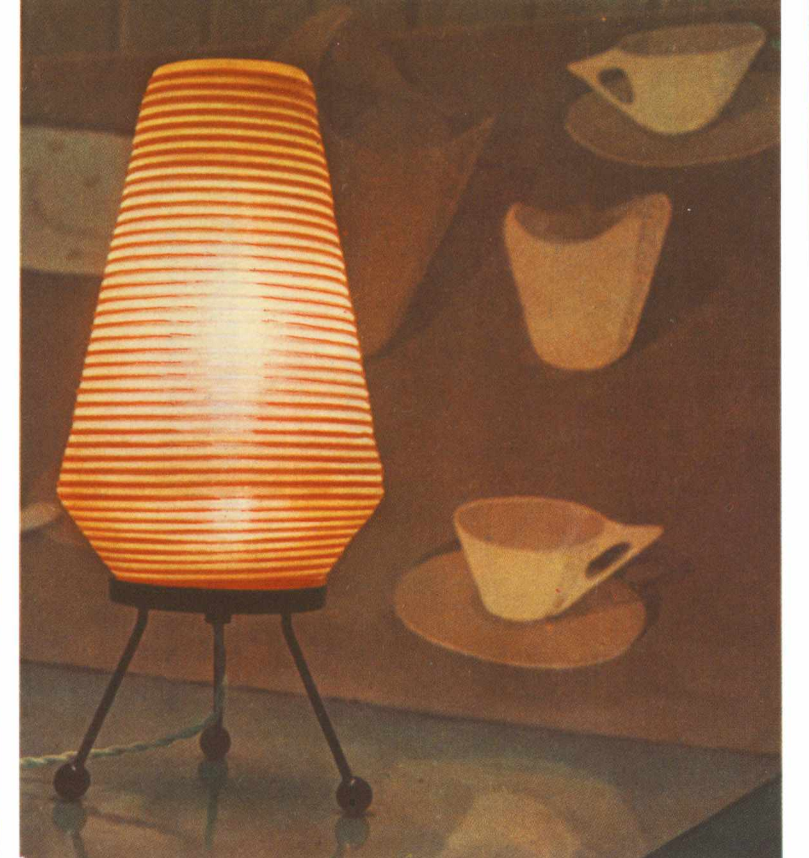
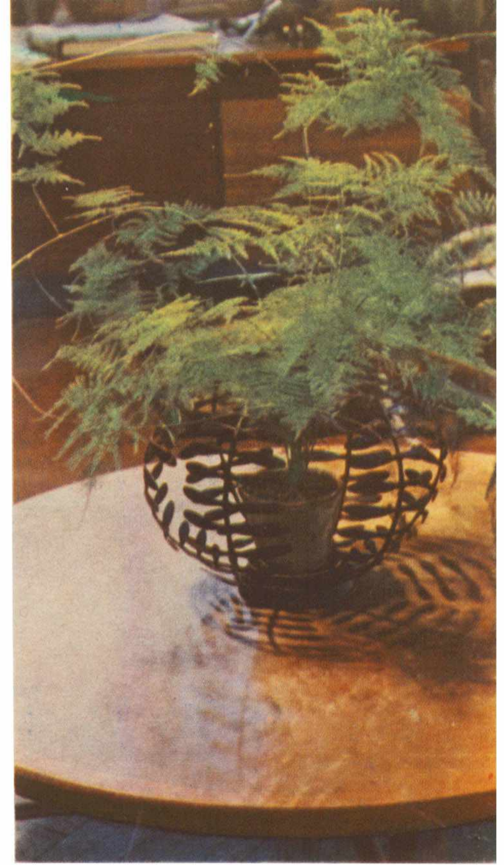
Древнейшее изобретение человечества — гончарный круг. На нем создавались и строгие античные вазы и веселые украинские кринки... Сейчас за таким же гончарным кругом работает студент Юрий Завьялов.

Несколько новых образцов современной керамики, сделанных в стенах Московского высшего художественно-промышленного училища.

СТУПЕНЬКА

Быль

Константин ФИНН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Полет советского человека в космос среди всех событий мира занимает особое место. День двенадцатого апреля 1961 года стал как бы зеркалом, в которое заглянуло человечество и увидело свой прекрасный образ. Это зеркало держит в своих руках могучий советский народ.

И вот в этот великий день мне захотелось рассказать о том, что произошло на одной из строек первой пятилетки и чему я был очевидцем.

1

Когда мастера, работавшего в 1930 году по монтажу мартеновского цеха на одном из крупных строительств, вызвали в райком партии, он знал, что разговор будет вестись о необходимости предельно сократить срок монтажа крана. Задержка с краном тормозила пуск первого мартена, выход первого металла.

Мастер, человек лет под тридцать, высокий, очень худой, в кавалерийской шинели, шел, насвистывая, по широкой улице между недостроенными кирпичными домами. Тут не так давно стоял лес, и хотя следов его уже не видно, земля еще не городская; покрытая снегом, смешанным с грязью, немощеная, она по-лесному проваливается под ногами. И запах леса еще не исчез отсюда: на перекрестках улиц и переулков, на ветру, он особенно ощутим.

В некоторых домах уже жили, и на железных балконах стояли детские коляски и какие-то ящики. С одного такого балкона мастера окликнули. Он поднял голову и увидел Полю, молоденькую учительницу ликбеза.

— Куда это ты направился? — спросила Поля.

— В райком! А ну-ка, «Шито-Крыто», выйди-ка на минутку!

Через минуту Поля, которую все звали «Шито-Крыто», так как она то и дело повторяла эти слова в разговоре, появилась в подъезде дома.

— Все из-за вас! — сказал ей строго мастер.— Всем же яснее ясного, что монтаж крана задерживают твои землекопы! Чему ты их только учишь, не понимаю!

На узких плечиках Поли коричневое пальтишко с беличьим воротником. Оно то и дело сползает, вот-вот упадет. На голове белый шелковый платочек. Он трепещет от ветра. Трепещут и длинные Полины ресницы. Даже голубые глаза тоже трепещут. Поэтому кажется, что Поля вот-вот улетит ввысь, к небу, где зажглись уже первые звезды, и тогда тут, в этом подъезде с заляпанными цементом стенами, с неокрашенными перилами лестницы, сразу станет невыносимо скучно.

— Учу, как умею,— огрызнулась Поля. По голубым глазам ее было отчетливо видно, что она в этот момент не думает о землекопах.— Никто, кроме тебя, никогда не обижается. Все шито-крыто!

— Душат они сейчас нас, твои землекопы, душат! — сказал мастер.

— Вовсе они не такие, как ты думаешь,— проговорила Поля.— Есть из них очень способные. Я с ними даже о марксизме беседую.

— Много ты сама еще в марксизме понимаешь,— сказал мастер грубовато-шутливо, как всегда говорил с девушками, которым нравился.

— Может, не меньше тебя! — рассердилась Поля.— Нас, знаешь, как марксизму учили на курсах? Обязательный предмет. Восемь часов в неделю. Да ты не оглядывайся! — Она рассмеялась.— Ох, как он своей жены боится. Это просто удивительно, чтобы мужчина так боялся женщины. Тем более что между нами ничего нет и не будет никогда!

— Ладно! — сказал сухо и решительно мастер.— Ладно! Вот что! Когда сегодня у тебя занятия?

— В восемь.

— Я со своими слесарями приду.

— Вы мне только урок сорвете.

— Ничего! Мы кое-что твоим ученичкам объясним.— Он расхохотался.— Они у нас запрыгают!

— Очень красиво ты смеешься,— как-то грустно сказала Поля.

— При чем это здесь — красиво, некрасиво? Вот мы с ребятами твоим ученикам и объясним марксизм, докажем, что это не мертвая догма, а руководство к действию.— Он хитро подмигнул.— И действия от них потребуем! Пока!

Притронулся к холодной Полиной руке и вышел из подъезда.

На улице было сейчас уже темно. Светились лишь окна магазинов, ярко сияла аптека. Низко над головой, с оглушительным криком и руганью носились вороны. Этот выросший среди лесов поселок по вечерам вызывал у них особенно злобное недоумение. Здесь когда-то были их гнезда, и, прилетая сюда на короткое время, вороны все еще ощущали себя хозяевами этих мест. Почему-то самую большую злобу они испытывали к аптеке. То ли на этом месте когда-то стояли сильно полюбившиеся им дубы и березы, то ли яркий свет из окон был им ненавистен, только бунт их тут порой становился настолько неистовым, что казалось, вот-вот будет предпринята организованная атака и с треском разлетятся зеркальные стекла.

Райком помещался в первом этаже каменного дома, далеко еще не законченного стройкой. В четвертом этаже только собирались настилать полы, а в первом уже стучали пишущие машинки; тяжелое зимнее небо служило крышей этому дому, а в комнате, которую занимал секретарь райкома Поливанов, уже лупилась штукатурка, перегретая сильным жаром железной печурки.

Мастер любил такие недостроенные дома. Они вполне соответствовали его представлению о жизни, где все, по его мнению, должно кипеть, торопиться, не дожидаться отстающих, рваться вперед. И то, что в таких домах люди поднимались вверх не по лестницам, а по доскам, тоже очень нравилось ему, так как не было скучным восхождением, а напоминало взлет.

Мастер не стал дожидаться, когда Поливанов начнет втолковывать то, что и без слов было ясно, и сразу сказал, что решил связаться с землекопами, в которых, как он выразился, «и заключен весь корень зла», что уже договорился с учительницей ликбеза и сегодня в восемь произойдет первая встреча, что, как это говорится, плыть да быть, а с мертвой точки дело сдвинуть нужно.

Поливанов слушал внимательно и, как показалось мастеру, вполне одобрительно, а когда мастер умолк, сказал:

— А я ведь тебя совсем по другому делу вызвал.

И стал излагать дело. Вначале он вкратце коснулся международного положения Советского Союза, которое, по его мнению, если и не было слишком хорошим, то не таким уж и плохим. Сколько времени международное положение будет именно таким, секретарь не знал, в чем чистосердечно и признался мастеру. Ухудшится ли оно или, наоборот, улучшится, думать об этом ни ему, секретарю, ни мастеру по монтажу сейчас не стоит, так как думают об этом в Москве, а у него и у мастера главная задача — строить. Здесь Поливанов сделал небольшой экскурс в прошлое и сказал, что от царской России досталось Советской стране никудышное наследство: одно только разорение и бедность. А строить надо на самом высоком техническом уровне. Для этого требуются высококвалифицированные специалисты. Советская страна таковыми пока еще не располагает в достаточном количестве и потому принуждена приглашать иностранцев. Иностранцы проживают сейчас и на этом строительстве. Есть среди них такие, что сочувствуют Советской стране, любят ее, относятся к ней с большим уважением, но есть и враждебно к Советской стране настроенные. Отвели иностранцам лучший пятиэтажный дом в поселке. И в настоящее время требуется для этого дома комендант. Трех комендантов пришлось сменить: не справились. Очень трудной оказалась эта должность.

Те иностранные специалисты, которые настроены враждебно, спят и видят, как бы придраться к чему-нибудь, уличить в невыполнении договора советскую сторону, получить крупную неустойку в валюте и уехать. Этого же допускать никак нельзя. А до чего доходит дело, можно понять хотя бы из конфликта, что возник из-за апельсинов. Апельсинов в Советской стране сейчас и дети не видят, но иностранным специалистам полагаются: так договорились; не могут они строить без апельсинов, не получается у них, как не могут строить и без икры, которая, кстати сказать, бывает и зернистая и паюсная, что не одно и то же, и что мастеру следует запомнить. Апельсины задержались доставкой. Бунт: «нарушен договор». Комендант, товарищ Трушин, принялся уговаривать. Его стали оскорблять. Он не стерпел. Пусть мастер не думает, что ему легкая должность достается. Он, Поливанов, много раздумывал, кого же поставить комендантом дома иностранцев. И решил: тут нужен рабочий человек. Так и Ленин учил: на трудные участки ставить рабочего человека. Конечно, жалко слесаря-монтажника использовать не по специальности, но что ж поделаешь. Мастер, наверное, думал, что его тут обучали политграмоте; нет, просто хотели дать понять, как важна его будущая должность. Отказываться мастеру от этой должности не рекомендуется, это будет бессмысленно: отказ не будет принят.

Мастер вышел от секретаря райкома, походил по улицам. У бараков, где жили землекопы, кто-то пел сильным голосом. Песня обгоняла суетливую гармонь, и мастеру показа-

Мебель, лампы, стулья и раковины из пластмассы, керамические украшения, отделка кузовов машин — все это создано студентами училища.

лось, что ее веселые слова обладают еще и другим, грустным смыслом. Мастер подошел ближе. Пел молодой парень, красивый и ладный; даже засаленный ватник сидел на нем щеголевато. Он пел для себя. Это сразу понял мастер. Но девушка, у которой из-под розового платочка выбивались светлые кудряшки, девушка, сидящая на скамейке рядом с парнем, была уверена, что поет он для нее. Очевидно, парню было безразлично, что ни петь, грустное ли, веселое, и мастеру понравилось, что вот есть такие люди, которые не дают никому становиться между собой и своими думами, своими песнями.

«Может, выпить?» — подумал мастер.

Он выпил совсем немного вина, но жена весь вечер молчала, сколько он ни заговаривал с ней. Уложив сынишку спать, жена ушла к соседке: там уже несколько дней шила она с сестрой соседки какое-то платье.

Мастер послушал, как тикают часы-бегунок; подошел к кроватке сына, с минуту наблюдал за спящим ребенком, поправил одеяло, покурил, накинул шинель и вышел на улицу.

Несмотря на поздний час, в райкоме был народ. Мастер, не спросив разрешения, вошел в кабинет Поливанова. У стола секретаря сидело несколько человек. Мастер остановился у двери. Поливанов маленькими острыми глазами посмотрел на вошедшего, покачал бритой головой и сказал одно только слово:

— Нет.

2

Первые несколько дней все шло не так уж плохо. Правда, в квартире Томсона, когда на мастера набросилась маленькая пушистая собачонка и он хотел оттолкнуть ее ногой, его заверили, что если он еще раз попытается бить собаку, то на него пожалуются самому главному директору. Собачонка, оказывается, была уже очень стара, объездила полмира, многое повидала в жизни, не менее хозяев своих тосковала по далекой и культурной Америке, и коменданту посоветовали лучше и не пытаться наладить с ней отношения: она не простит, такой уж у нее сложный характер.

Но это было сущим пустяком по сравнению с тем, что случилось с ним на пятый день его пребывания в должности коменданта. Ему сообщили: фрау Дэмбот категорически отказывается платить за квартиру. Дэмбот был крупнейшим специалистом по металлосварке, получал большой оклад в иностранной валюте, и в отношении его следовало быть особенно предупредительным. Трушин, передавая дела новому коменданту, заметил:

— Ты с этим Дэмботом поосторожнее, смотри, моргнуть даже не смей! В нем самом столько веса не содержится, сколько золота ему отваливают. А уж характер... ну не дай бог! Да он-то еще что... супруга!

Присутствовавший при этом счетовод Сережа, юноша с черными насупленными, как у старика, бровями, наморщив лоб, добавил:

— Мне это известно более чем кому-либо.

Сережа хорошо владел немецким и английским языками, происходил из некогда знаменитой дворянской семьи и вот уже некоторое время пытался подавлять в себе врожденную угрюмость тем, что отзывался буквально на все, что происходило вокруг. Это раздражало окружающих, да и выражался Сережа при этом не очень понятным, книжным языком, иронически, а то и насмешливо. Но благодаря знанию иностранных языков Сережа был человеком весьма полезным.

Комендант с Сережей вошли в квартиру в тот момент, когда фрау Дэмбот что-то громко говорила мужу. Ее голос как бы раскалывался на два звука, которые подолгу не могли слиться воедино. Один звук был звонкий, рассыпчатый, хохочущий; другой — скрипучий, металлический. Он и преобладал. Дэмбот изредка вставлял басом свои замечания.

— Ругаются? — спросил комендант Сережу.

— Нечто очень напоминающее.

Потоптавшись в нерешительности с полминуты в передней, комендант постучал в дверь. Ему никто не ответил. Все так же скрипел в комнате женский голос.

— Времени у нас с тобой, что ли, много? — спросил комендант Сережу и хотел толкнуть дверь.

— Усиленно не рекомендую,— остановил его Сережа.

— Вот еще! — буркнул комендант.

Дэмбот, высокий пожилой человек, сидел в кресле, откинув назад голову, и с интересом следил за своей дородной супругой, которая с сигаретой в желтых зубах, непрестанно дымившей, ходила по комнате. Трудно было сказать, что больше интересует Дэмбота — слова супруги или то, что дымок сигареты неотступно следует за ней. Может, Дэмбота удивляло некое сходство его супруги с паровозом.

Фрау Дэмбот поглядела на появившихся в дверях коменданта и Сережу, но хождения своего из угла в угол не прекратила и продолжала что-то говорить мужу. Дымок спешил за ней. Наконец фрау Дэмбот что-то сказала вошедшим.

— Пойдемте! — предложил Сережа коменданту.

— То есть как? — удивился тот.

— Надо подождать. У них так не принято. Я же пытался вам внушить.

В передней сесть было не на что, комендант прислонился к стене, закурил. Сережа подошел к деревянной вешалке, покачал ее, потом заглянул в зеркало: Сереже тоже было скучно.

На стене висела гравюра, изображающая молодую, ослепительно красивую женщину в шляпе-котелке, в амазонке, верхом на ослепительно красивой лошади с человеческими глазами. Следом за лошадью бежала ослепительно красивая собака; глаза у нее тоже были человеческие, даже более человеческие, чем у женщины в амазонке. Густое синее небо, слегка надавливая, сдвигало чуть вбок шляпу-котелок на голове женщины, и это придавало красавице лихость, которой не обладали ни лошадь, ни собака, весь вид которых выражал лишь радостную покорность судьбе.

Комендант стал рассматривать гравюру.

— Хороша Маша, да не наша! — сказал он про амазонку.— Непонятно, почему господа капиталисты на таких-то не женятся? При их-то возможностях! А то поглядишь: господи, боже мой, желтые, старые, рыжие жены у них. А сами-то вроде ничего мужички... ладные!

— Соединение капиталов,— заметил Сережа.

— Это правильно,— согласился комендант.— Что правильно, то правильно. Ну, а ты, Сережа, на девушек-то поглядываешь или стороной обходишь?

— Не это сейчас в планах моей жизни.

— Да разве тут планы, чудак? — рассмеялся комендант так громко, что Сережа с опасением покосился на дверь, ведущую в комнаты.— Жалко, я тебя раньше не знал, а то бы я тебя с Соней познакомил! Ну, Соня, ну, слесарь, ну, девушка! И ты бы ей понравился, голову кладу: она именно задумчивых таких и любит. Хочешь, шепну? Может быть, у нее кто-нибудь уже и есть, но попытаться можно! Ах, Соня! И сама работает горячо и ребят вовлекает. К двадцать пятому смонтируют кран. Это теперь ясно.

В это время дверь из комнаты отворилась, и с порога фрау Дэмбот сказала несколько слов.

Пока фрау Дэмбот что-то объясняла Сереже, комендант рассматривал Дэмбота. Серые глаза Дэмбота какие-то усталые, видно, ничему уже давно они не удивляются, хотя специалисту по металлосварке нет еще и пятидесяти. Время от времени в глазах появляются блестки, и тогда Дэмбот точно просыпается от сна. Кадык на длинной шее начинает шевелиться, твердый белый воротничок уже не в состоянии сдерживать его, упрятывать, узкие плечи вздрагивают, и кажется, что внутри Дэмбота начал работать какой-то механизм и будет работать этот механизм, пока не иссякнет завод, а когда иссякнет, снова уснет Дэмбот. Вот и сейчас блеснули глаза Дэмбота, задергались плечи, и он что-то сказал Сереже в добавление к тому, что говорила его супруга.

Сережа мотнул головой в знак того, что все понял, и обратился к коменданту:

— Причина вот в чем. Отказ от уплаты за квартиру вызван отнюдь не материальными соображениями или чем-либо иным в плане...

— Ты покороче,— нетерпеливо перебил его комендант.

— Их оскорбили! — сказал Сережа.

— Что?!

— В списке на квартирную плату,— пояснил Сережа,— Дэмботы стоят на девятом месте, а Рошфельды на первом. Дэмбот великий инженер, а Рошфельд даже не дипломированный инженер, другими словами, просто техник.

— Ты что, с ума сошел? — грозно спросил комендант Сережу.— Это же списки на квартирную плату. Рошфельд живет в первой квартире, он на первом месте, Дэмбот — в девятой, он на девятом месте.

— Все равно,— пожал плечами Сережа,— Дэмбот везде должен быть на первом месте. Вам не приходилось слышать, как Дэмбот разговаривает с Рошфельдом? А я слышал. Дэмбот никогда не скажет Рошфельду: пойди и принеси то-то. Нет! А «идется и приносится!» то-то. По-русски это перевести точно нельзя. Безличную форму употребляет Дэмбот с такими, как Рошфельд. Дэмбот — это Дэмбот! — Сережа говорил уже так, как будто сам был Дэмботом.— Крупнейшие заводы мира обязаны Дэмботу. Это великая честь для нашего строительства, что он согласился приехать сюда!

— Но ведь списки на квартиру...— попытался оправдаться комендант, сам несколько подавленный величием Дэмбота.

— А они, Дэмботы, видят в этом очень многое,— пояснил Сережа с иронией, которой мог бы позавидовать и сам Дэмбот.— Как в капле воды, тут отразилось недостаточное уважение к ним.— Вот вы, например, им не кланяетесь!

— Я всегда с ними здороваюсь,— пробормотал комендант.

— Это не называется здороваться: кивнули головой им, и все! Дэмботы требуют другого

отношения. Ведь какому-нибудь Рошфельду вы тоже киваете головой?

— В три погибели гнуться перед ними? — спросил комендант, уже с трудом сдерживая себя.

— Ну, я не знаю, только фрау Дэмбот утверждает, что вчера, когда они входили в дом, вы стояли неподалеку и не открыли перед ними дверь.

Дэмбот опять стал что-то говорить. Сережа слушал, и по мере того как голос Дэмбота становился резче, уши Сережи все больше краснели.

— Что еще? — спросил комендант, когда Дэмбот умолк и откинулся на спинку кресла.— Что еще не устраивает?

— Просто не знаю, как вам сказать,— потупился Сережа.— Он вообще недоволен. Считает, что народ у нас темный и недостаточно умный, что мы вообще никогда не сумеем освоить завод высокой техники.

— Зачем же он тогда приехал сюда, к нам, спроси его.

— Этого я могу и не спрашивать,— печально пробормотал Сережа.— Его интересуют большие деньги.

Дэмбот опять что-то стал говорить.

— Даже не понимаю, чего это он так обозлился,— сказал Сережа, выслушав Дэмбота.— Говорит, теперь он понял, что мы затеяли все здесь для того, чтобы покрасоваться перед Европой, пустить пыль в глаза. Очень сожалеет, что легкомысленно согласился нам в этом помогать. Он бы мог получить не меньше в другом месте.— Сережа насмешливо улыбнулся.— Ну это-то он врет,— добавил он от себя.

— Ты передай ему, что завод мы наш освоим,— сказал комендант,— что какие мы ни на есть темные, а еще им посветим.

— Не будем так говорить,— умоляюще произнес Сережа.— Это не входит в наши обязанности. Надо урегулировать вопрос с квартирной платой, и все!

— Передай!

— Не стоит, честное слово, не стоит!

— Стоит! — повысив голос, сказал комендант и для убедительности тихонько шлепнул ладонью по спинке кресла, на котором сидел Дэмбот.

Дэмбот вздрогнул, обернулся и отчетливо произнес:

— Хам!

— Вон! — рассыпчато выкрикнула фрау Дэмбот.— Свыния!

Это было все, что она смогла выговорить по-русски.

Комендант что-то хотел сказать, но губы его дрожали, и он никак не мог справиться с ними.

Холодный ветер на улице не освежил его. Он шел быстро, точно торопился куда-то к сроку. Через некоторое время поселок был уже позади. В поле ветер дул еще сильнее. Метались крупные хлопья снега, и все было бело вокруг. Вдалеке чернел лес, и чернота эта то проступала, то пропадала, а когда пропадала, то казалось, что во всем мире ничего больше нет, кроме этого необъятного белого поля и метели. Не было неба над головой, не было пространства впереди, нельзя было понять: то ли сейчас день, то ли утро, то ли ночь. Ноги проваливались в снег, а комендант все шел, и быстро заносило снегом следы его ног. В лесу голос ветра был хриплым. Ветер прилетал с полей, полный звонких сил, но тут разбивался о стволы деревьев, которых не мог столкнуть с места, о густой обледеневший кустарник, который не в состоянии был вырвать. Из леса обратно не было ветру пути. Тут он погибал, в предсмертных судорогах пытаясь насмерть согнуть тонкое деревце, сорвать с ветвей сорочье гнездо.

Комендант вошел в лес, и тут впервые холод пронизал его. Он заметил, что на нем нет шинели, но это не смутило его; прислонившись к дереву, он закрыл глаза.

3

С детства его звали гордым, и не зря звали так. После смерти отца двенадцатилетний мальчуган, помимо того, что работал подручным слесаря на большом заводе, поступил на летний сезон к маляру для того, чтобы подкопить деньжонок и выдать замуж семнадцатилетнюю сестренку, выдать замуж так, чтобы «не пришлось краснеть». Для этого требовалось пятьдесят рублей. Деньги немалые, но по самой скромной описи необходимых вещей меньше не получалось. Ну и сама свадьба — рублей двадцать. Он никак не мог допустить, чтобы свадьбу устраивал жених. Это считалось позором.

— Потерпи до осени,— сказал он сестре,— я эти семьдесят целковых добуду!

Сестра не поверила ему, но он действительно добыл эти деньги. После работы на заводе он бежал к маляру и вместе с ним и другими мальчуганами до поздней ночи, а то и до утра красил, белил, шпаклевал стены в разных квартирах. И все же пятнадцати рублей не хватало, когда сезон малярных работ окончился. Тогда он поступил в ресторан «Золотой якорь» на кухню и все ночи напролет мыл посуду. Непостижимо, как достало у него сил, как не свалился он с ног в это лето, но как бы там ни было, осенью состоялась свадьба его сестры, и отпраздновали ее так, что краснеть не пришлось. На вечеринке все, несмотря на малый его возраст, обращались с ним почтительно; он же от непривычной для него хорошей еды, от пива быстро осовел и под переливы гармоники заснул за столом впервые за много месяцев спокойно.

4

Остро закололо в раненом плече, и комендант очнулся. Он открыл глаза и поплелся в поселок.

Придя домой, он отказался от ужина, разделся и лег. Спать он не мог, как не мог ничего рассказать жене. Из школы пришел сынишка. Комендант слышал его шаги в коридоре; жена, очевидно, что-то сказала ему, и сынишка не вбежал, как обычно, в комнату, а вошел тихо и несколько минут с горестным видом стоял у постели отца. Потом мать позвала его к столу. Коменданту хорошо было видно курносое личико сына, освещенное настольной лампой.

Он заметил на гвозде свою шинель.

«Наверное, Сережа принес. Интересно, как он все обрисовал? Мало того, что сам слышал, так, наверное, жене и всем соседям рассказал!»

И коменданта передернуло от стыда и гнева.

— Я хочу врача вызвать,— сказала жена.— Ты, по-моему, больной. Разве можно в одной гимнастерке зимой... гулять?

— Не надо врача,— сказал комендант.— От моей болезни лекарств еще не выдумали.

Ломило голову, тело, трудно было дышать, он задремал, а когда очнулся, увидел, что у стола сидит Поливанов.

— Вот и гость у нас,— сказала коменданту жена.

— Да, гость,— произнес Поливанов. Он подошел к постели.— Ну, как самочувствие твое?

— Лучше не бывает,— отозвался комендант.

— Понятно,— сказал секретарь и присел на край постели.— Врача я тебе все равно вызвал, а вот до его прихода хочу, если ты в состоянии, перекинуться с тобой.

— «В состоянии»,— усмехнулся комендант,— уж я такую проверку сегодня прошел — кинь в огонь, не сгорю!

— Нет, не прошел ты еще проверку,— ска-

зал Поливанов,— еще предстоит она, проверка. Дэмбот чемоданы складывает. А отпустить мы его не можем. Он нам сейчас, этот Дэмбот, милее самого милого друга. То, что произошло, ему на руку, давно искал придирки, наверное, где-нибудь за морем на две копейки больше обещают! Но мы-то его отпустить не можем. Это исключается.

— А что ты от меня-то хочешь?! — спросил комендант.— Не я сюда Дэмбота этого приглашал, не я и заплачу, если он отсюда уберется ко всем чертям!

— Не ты приглашал? — усмехнулся Поливанов.— А мне-то казалось, что и ты в этом участие принимал. Ну, не будем забираться в дебри. Сейчас доктор придет, а договориться следует.

— А что ты от меня хочешь? — опять спросил комендант.

— Извиниться тебе перед этим Дэмботом надо,— сказал Поливанов.

— Что?!

Комендант даже привстал на постели.

— Лежи, лежи,— тихо сказал Поливанов.— Я с тобой, как с коммунистом... Можешь мне поверить, что не потому я тебя убеждаю, что ответственности страшусь, хотя, конечно, если Дэмбот этот уедет отсюда, ох, не похвалят меня! Ты же мастер. Ты же понимаешь, что такое для нашего строительства металлосварка! Все! А сн-то, Дэмбот, в этом деле бог. Найдем ли другого бога? Да сколько времени искать станем? Иди и извиняйся!

— Да за что же, товарищ Поливанов, я должен извиняться?! — закричал комендант.— За то, что он меня подлейшими словами обложил? Меня, который никому куска хлеба не задолжал, потому что с восьми лет его трудом своим добываю, меня, который в конном строю от шкуровцев Харьков отбивал и дважды ранен...

— Да, да, да,— кивал в такт этим словам бритой головой Поливанов.— Вот именно за все за это! Убеждай меня, убеждай! Где же мне самому разобраться?

Он отошел от постели, походил по комнате, заглянул в окно. Он подыскивал самые убедительные слова. И, кажется, он не нашел таковых.

— Этап,— сказал он не очень решительно, подходя к постели.

— Какой еще этап? — с раздражением спросил мастер.

Но Поливанову вдруг понравилось это слово.

— Именно этап! — произнес он почти торжественно.— Ступенька! Ерундовая ступенька, но без нее наверх не поднимешься! А наверху нам обязательно надо быть. На самом верху! Чтобы наша техника стала первой в мире! Наступать-то, конечно, больше в нашем характере, чем отступать. Но разве во имя великих задач нельзя чуть отступить?

— От чего отступать-то? — спросил мастер.— От достоинства своего? А если хотите знать, я еще не насладился достоинством своим! Хозяйские синяки и побои еще на мне. И «хам» и «свинья» хозяйские в ушах еще звенят!

Он долго еще говорил на эту тему. Поливанов слушал внимательно, не перебивал; могло даже показаться, что он вполне согласен с доводами мастера, но чем больше говорил мастер, тем яснее ему становилось, что Поливанов не отступит и что извиняться к Дэмботу идти обязательно придется. И когда мастеру стало окончательно ясно, что именно так оно и будет, он спросил:

— Ну, а кто-нибудь когда-нибудь узнает, как нам подчас приходилось?

— Как тебе сказать,— отозвался Поливанов,— может, художественная литература и обрисует нечто подобное. Только вряд ли она такими эпизодами станет заниматься. Героическое больше на себя обращает внимание. Ну, а героического в первой нашей пятилетке полным-полно.

Стукнула входная дверь, из коридора послышались голоса. Это жена мастера беседовала с врачом.

— Ну вот мы и договорились,— сказал Поливанов, протягивая мастеру руку.— Поправляйся, выздоравливай!

Мастер понял, что Поливанов сейчас не думает ни о Дэмботе, ни обо всей этой истории, а мысленно уже вернулся в райком, где его ждало много трудных, сложных дел.

ХОСЕ РИСАЛЬ, ПОЭТ И ХУДОЖНИК

Мариано КАСТРО

Хосе Рисаль (1861—1896) — национальный герой филиппинского народа. 19 июня отмечалось столетие со дня рождения поэта. Одним из первых на Филиппинах он начал борьбу против испанского колониального владычества. Особенно известны два его романа «Не касайся меня» (Берлин, 1887) и «Заговорщики» (Гент, 1891). За участие в революционном движении Рисаль был арестован и утром 30 декабря 1896 года расстрелян. Он был выдающимся врачом-окулистом, лингвистом, владевшим более чем двадцатью языками, историком, поэтом, скульптором, философом.

Если бы Хосе Рисаль выбрал только поэзию и искусство, он мог бы стать одним из крупнейших в мире художников конца XIX века. Но борьба, которую он выбрал, требовала от него всех сил. Этого требовало прежде всего освобождение родной страны от четырехсотлетнего колониального ига Испании.

Во всех работах Рисаля чувствуется пламенный темперамент правдивого художника. И хотя он сам не придавал большого значения своим поэтическим и художественным созданиям (по сравнению со своей революционной деятельностью, по сравнению со своими политическими рассказами и статьями), стихи, скульптуры и рисунки Рисаля и сегодня остаются живым воплощением души, борющейся за национальное освобождение, за победу науки над суеверием, просвещения над невежеством, за победу свободного труда, за утверждение человеческого достоинства.

Он был гуманистом, мечтавшим о всеобщем братстве, свободном от угнетения.

Рисаль начинал как поэт и художник и завершил свой путь как поэт и художник. Видя свою страну лишенной родного языка, он пишет поэму о любви к своему языку. Поэма открывается следующей строфой [1]:

Когда народ умеет сохранять
Язык, дарованный его стране,
То никогда его свободу
не отнять,
Как не поймать орлицу
в вышине.

. . . .

Тагальский наш не хуже, чем
латынь,
Чем говор Англии, чем ангелов
язык;
Его нам дал среди других
святынь
Бог, милостиво к нам склонив
свой лик.

Развивался талант Рисаля очень быстро. Когда он не писал стихов, он лепил из глины, вырезал из дерева или высекал из камня все, что привлекало его внимание. Одной из первых попыток четырнадцатилетнего скульптора был бюст отца.

В период учения в Манильском университете восемнадцатилетний Рисаль на поэтическом состязании в 1879 году завоевал первую премию за свою патриотическую поэму «К филиппинской молодежи», написанную под девизом «Расти, о робкий цветок!». Поэма утверждала мысль, что Филиппины — страна филиппинцев. Это в корне противоречило тому, что пытались внушить испанские колонизаторы жителям островов. Мысль о родине, порабощенной испанскими колонизаторами, навсегда овладела Рисалем.

В поэме он обращается к молодежи:

Заколосись, посев,
На ниве молодой,
Предстань во всей красе,
Пускай ликуют все,
Кто любит край родной!
О юношество, встань,
Яви свой светлый гений,
В уверенную длань,
Не знающую лени,
Возьми судьбу творенья.

И вот последние две строфы:

Приди, и пусть лик твой бледный
Увенчается лавром победным,
Вновь зажжешь ты огонь
священный
И прославишь по всей вселенной
Человечества гений нетленный.

[1] Все цитируемые стихи переведены на русский язык Леонидом Седовым.

Космическая уха

Закончив свои записки «Дорога в космос», Юрий Гагарин поехал в родные края, на Смоленщину, в Гжатск.

Земляки радушно встретили космонавта. Они украсили город флагами, собрались на торжественный митинг.

Юрий Алексеевич встретился в родном городе со своим школьным учителем физики Львом Михайловичем Беспаловым, который первым познакомил будущего космонавта с трудами и мечтами К. Э. Циолковского.

А наутро Юрий Гагарин вместе с братьями Борисом, Валентином, сестрами и земляками поехал на рыбалку.

...Раздольные поля Смоленщины, широкая, поросшая у берегов камышом, глубокая

Иногда дорога на рыбалку бывает потруднее дороги в космос...

О Филиппинская земля,
Путь к счастью пред тобой
открыт,
Благослови же, возлюбя,
Святую волю, что тебя
Такой надеждою дарит.

Члены жюри, испанские профессора, не знали, кто автор поэмы, и до тех пор, пока не вскрыли конверты, полагали, что написал ее испанский студент. Узнав автора, напуганные профессора стали присматриваться к «дерзкому индио», который осмелился назвать Филиппины своей родиной.

Продолжая заниматься наукой и скрывая свои взгляды от испанских властей, Рисаль 3 мая 1882 года уезжает из Манилы в Европу.

28 мая он увидел африканскую землю, которую приветствовал таким восклицанием: «Привет тебе, негостеприимная, но знаменитая земля! Как много крови пролито твоими сынами! Сколько завоевателей вторгалось в твои пределы!» Пять дней он плыл на лодке по Суэцкому каналу. Рисаль побывал в Порт-Саиде, слушал музыку, многоязычный портовый говор... Его поразила здесь «Марсельеза», которую он назвал «грозным, торжественным гимном подлинных энтузиастов».

В годы странствий поэт часто задумывался над судьбами родного народа. Своим первым долгом он считал организацию филиппинцев, которые жили вдали от родины, были разобщены и мало думали об отечестве. Рисаль верил, что проповедь патриотизма избавит их от дремотного, самодовольного существования. В Мадриде он встретил небольшую колонию юных филиппинцев, приехавших продолжать свое образование в колледжах Мадрида и Барселоны. Рисаль предложил своим соотечественникам написать большую книгу, обличающую зло испанского владычества. Не встретив сочувствия, Рисаль решил писать книгу один.

Так появился роман «Не касайся меня», положивший начало современному реалистическому роману в филиппинской литературе.

Друзья и соратники Рисаля немедленно откликнулись на выход этой книги. Антонио Регидор, в частности, писал:

«...Если «Дон-Кихот» сделал его автора бессмертным, потому что он показал миру страдания Испании, то Ваш роман принесет Вам такую же славу...»

Незадолго до опубликования романа Рисаль создал поэму о цветах Гейдельберга — одно из самых проникновенных своих произведений. Оно начинается следующими словами:

Плывите в край отцов, цветы
Германии,
Что из того, что вас сорвал
не немец,
Плывите и под небом голубым,
Где все когда-то было мне
родным,
Поведайте, как любит чужеземец,
Как верит он в страны своей
призвание.

В заключительных строках — тоска по родине, дума о народе:

Быть может, вам удастся
удержать
Ваш нежный цвет и прелесть
очертаний
Вдали от родины, где мирно
доцветать
Вам не судил жестокий бог
скитаний.
Но запах ваш все ж будет здесь
витать,
Как и душа, что вечно там
живет,
Где солнце детства свет
лучистый льет.

Поэт увидел в Германии много интересного и не раз в письмах к родным и друзьям в Европе выражал любовь и восхищение немецким народом, его великими писателями. Не случайно роман «Не касайся меня» предваряли стихи Шиллера.

Рисаль, руки которого были одинаково искусны в живописи и в литературе, в годы странствий много рисовал. Недавно в Вильгельмфельде найдено несколько рисунков, выполненных Рисалем по пути из Гейдельберга в Лейпциг в 1886 году: «Греческая женщина», «Лампа в синагоге», «Бюст Гете».

После пятилетней разлуки Рисаль вернулся на родину, но не прошло и полугода, как снова покинул ее. Перед отъездом друзья попросили поэта написать гимн по случаю торжественного провозглашения городом деревни Липа. Рисаль создал гимн труду. Два хора стоит привести здесь:

МУЖЧИНЫ:

Вот восток уже зарделся,
Труд дневной свершать пора нам,
Лишь трудом добыть возможно
Людям жизнь, величье странам.

ХОР:

Для отчизны своей,
Для любимой земли
Филиппинец живет,
А коль надо, умрет.

ЖЕНЩИНЫ:

Так идите и трудитесь,
Мы же дома ждать вас будем,
Ребятишек наставляя
Добрым истинам о людях.
Ночью вас усталых встретит
Мир и радость в ваших семьях,
Но, случись беда нежданно,
И беду разделим все мы.

ХОР:

Для отчизны своей,
Для любимой земли
Филиппинец живет,
А коль надо, умрет.

В Лондоне, кроме ежедневных занятий в Британском музее, кроме изучения старых рукописей по древней истории Филиппин, Рисаль работал как скульптор. Там он создал в дереве и камне такие значительные произведения, как «Подвиг Прометея», «Триумф жизни», «Власть науки над смертью». В Генте Рисаль опубликовал свой второй роман, «Заговорщики».

Не слушая советов друзей, поэт опять возвращается на родину, прямо в лапы врагов.

Арестованный и заключенный на одном из южных филиппинских островов, Минданао, поэт ожидал своей судьбы. Там, в испанском застенке, он писал научные исследования, замечательные поэмы, одна из которых, «Мое убежище», не уступает по своей силе «Цветам Гейдельберга». На том уединенном острове Рисаль создал несколько скульптур. Портрет своего бывшего профессора в Маниле скульптор вылепил по памяти.

Рисунки Рисаля.

Военный суд — эта постыдная инсценировка, разыгранная монахами-иезуитами,— обвинил Рисаля в подготовке августовского восстания 1896 года на Филиппинах и приговорил к расстрелу.

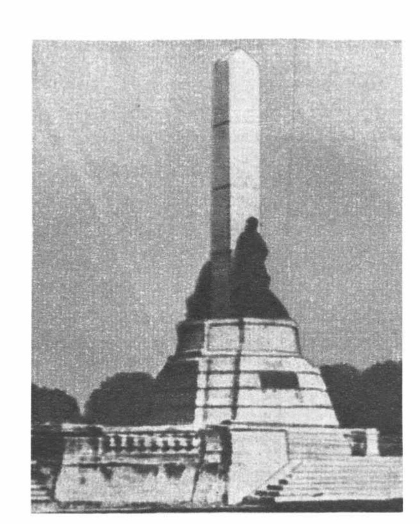
За два дня до казни Рисаль написал свою последнюю поэму — одно из самых прекрасных своих произведений.

Мы приводим здесь строфы из поэмы, названной «Мое последнее прощание»:

В чистом поле,
где битвы пылает жар,
Умирают другие,
забыв осторожность и страх.
Разве важно, как... кипарис ли,
терновник иль лавр,
Лязг глухой топора
или пули мгновенный удар?
Важно родины имя
на помертвевших губах.

Я скоро умру, чуть только
прохладный рассвет
Пробьется сквозь тьму,
возвещая пришествие дня;
Если будет он бледен,
ты увидишь, что яркости нет,
Возьми мою кровь — это мой
последний завет —
И раскрась его
в яркие краски огня.

И в детские годы,
что уже не вернутся назад,
И в буйном разбеге
несдержанной юности дней

Мавзолей Рисаля в Маниле.

Мечтал я увидеть тебя
не в тоске и слезах,
Без вечной печали,
застывшей в любимых глазах,
Отчизна моя,
сокровище южных морей.

Рукопись поэмы Рисаль спрятал в пустой спиртовой лампе, которую ему принесла сестра для работы в тюрьме. В то утро перед казнью Рисаль, возвращая лампу сестре, сказал: «Там внутри что-то есть».

Перевод с английского.

Гжать спокойно катит свои воды под лазурным небом, где далеко-далеко в вышине застыл ястреб.

— Хороши лини у нас в Гжати,— говорит Юрий Алексеевич.

Вместе с братьями он с разбегу бросается в воду, размашистыми саженками переплывает на тот берег и, вдоволь наныряявшись, принимается за рыбную ловлю. И вот уже первые лини влажно поблескивают на зеленом ковре прибрежного луга. Братья весело смеются. Улов хорош!

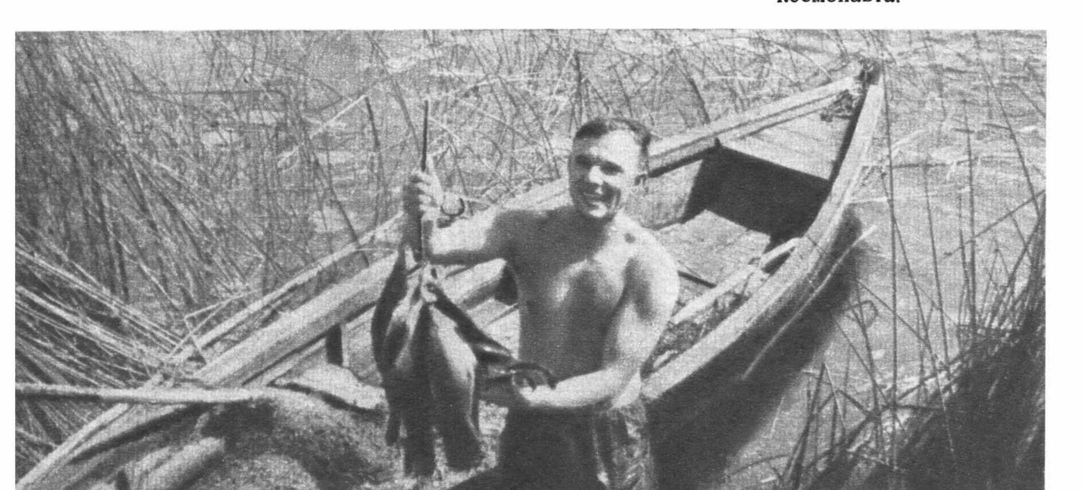
Разводится костер, заманчиво булькает в котле вода, начинается торжественный ритуал приготовления ухи. «Космической ухи», как шутливо замечает старший брат, Валентин.

Уха готова! Она, правда, чуть попахивает дымком, но что может быть лучше наваристой ухи из словленной тобой же рыбы и большого ломтя ржаного хлеба!

Д. САШИН

Фото автора.

↓ Добрая будет уха, космическая!..

→ «Шеф-повар по ухе» — новая специальность космонавта.

УЧЕНЫЙ И ВАТИКАН

Профессор Петруччи.

Внимание мировой научной общественности, в особенности медицинской и биологической, снова привлечено к работам итальянского профессора-хирурга и физиолога Петруччи. Как известно, в январе нынешнего года он сообщил, что после шестилетних экспериментальных работ ему удалось в искусственной (внетелесной) среде и в лабораторных условиях вырастить человеческий эмбрион, который развивался в течение двадцати девяти дней. Дальнейшее развитие эмбриона было профессором приостановлено.

Средой для искусственного внетелесного развития зародыша служила плазма крови, лишенная красных кровяных шариков. Эта плазма окислялась посредством пропускания пузырьков кислорода через фарфоровую трубочку, выполнявшую роль искусственного материнского легкого.

Утробу матери зародышу заменяла чашечка — своеобразная «биологическая люлька» с искусственной средой, в которой плавала плазма. В последующих опытах «биологическая люлька» уже состояла из искусственной пористой стерилизованной кожи, которая как бы являлась стенкой матки, и на ней образовывалась и развивалась плацента.

Смелый эксперимент итальянского ученого вызвал живейший интерес во всем мире, так как предвещал новые, далеко идущие открытия в области медицины и биологии.

Но еще не успели затихнуть восторженные отзывы ученых, как профессор Петруччи подвергся жесточайшим атакам со стороны Ватикана и ученых-скептиков, которые отнеслись недоверчиво к самому эксперименту и к идеям, высказанным профессором Петруччи.

Церковь заявила, что эксперименты по искусственному (внетелесному) выращиванию живого существа не что иное, как попирание божественного начала рождения человека. За такое богохульство католик должен быть отлучен от церкви и предан анафеме.

Профессор Петруччи оказался верующим. Он прекратил опыты.

Но ожесточенные нападки некоторых ученых-скептиков заставили исследователя выступить с доказательствами своих научных экспериментов и выводов.

Во время недавно проходившей медицинской недели в Италии профессор Петруччи показал короткометражный, заснятый в лаборатории фильм, в котором запечатлены основные стадии нового эксперимента, длившегося шестьдесят дней. На экране постепенно возникал и развивался эмбрион живого существа, обозначались очертания его различных жизненных органов. Фильм произвел большое впечатление на присутствующих. Оказалось, что профессор Петруччи производил подобные эксперименты и с зародышами животных. Киноаппарат зафиксировал эмбрион теленка со всеми присущими ему органами.

Профессор Петруччи избегает делать заявления относительно планов дальнейшей экспериментальной работы. Но в одной из бесед с коллегами он заявил, что считает выращивание человеческого плода до двухмесячного возраста пределом, дальше которого идти не собирается. В этом возрасте эмбрион уже располагает железами внутренней секреции, которые можно пересаживать больным, нуждающимся в такой пересадке. При большем возрасте эмбриона железы могут не приживаться.

На ближайшем Международном медицинском симпозиуме, который соберется в Турине летом этого года, профессор Петруччи собирается сделать доклад о своих работах.

И. РОБИН

В этом аппарате зарождалась жизнь.

Редакция журнала «Огонек» обратилась к известному советскому ученому, действительному члену Академии медицинских наук СССР профессору Василию Васильевичу ПАРИНУ с просьбой прокомментировать опыты своего итальянского коллеги.

Опыты профессора Петруччи являются прежде всего большим достижением в области экспериментального изучения раннего эмбрионального развития человека. До сих пор никому еще не удавалось создать вне организма, в искусственной среде все сложные условия, необходимые для сколько-нибудь длительного роста человеческого эмбриона.

Конечно, наука развивается более или менее единым фронтом, и успех опытов профессора Петруччи в значительной степени обусловлен теми достижениями в области создания так называемых искусственных органов, которые характеризуют современный этап развития медицины. Достаточно широкое применение получил, например, за последние годы аппарат искусственного кровообращения (машина сердце — легкие), позволяющий хирургу во время операций на сердце временно выключить его работу, сохраняя при этом нужный уровень кровоснабжения всего тела.

Столь же ценной для лечебной медицины оказалась и искусственная почка — аппарат, в котором кровь больного с острой почечной недостаточностью проходит через целлофановые трубки, погруженные в солевой раствор определенного состава, и при этом освобождается от конечных продуктов азотистого обмена, выводимых обычно здоровыми почками.

При разработке этих аппаратов пришлось решить ряд вопросов общего характера, имеющих значение и для создания систем, моделирующих функции других внутренних органов.

Понятно, что создание таких предпосылок, успешно примененных в аппарате искусственного кровообращения и в искусственной почке, должно было стимулировать мысль исследователей в отношении создания аналогов других внутренних органов.

Херлуф Бидструп: СТАРАЯ ИСТОРИЯ

Смелый эксперимент профессора Петруччи — успешный шаг в создании того, что можно назвать искусственной маткой. Наиболее сложным специфическим требованием к такой системе является создание поверхности, к которой могла бы прирасти плацента эмбриона, так как во всем своем дальнейшем развитии плод черпает из крови матери все необходимые для него вещества и отдает в материнскую кровеносную систему все конечные продукты своего обмена только за счет плацентарного кровообращения. Технические детали решения профессором Петруччи этой задачи нам пока неизвестны, но, судя по сообщениям прессы, ему удалось найти мягкую пористую пластмассу, к которой хорошо прикреплялась плацента. Это, по существу, и обеспечило успех опыта.

Проведение дальнейших опытов по методу Петруччи сулит интересные перспективы. Целый ряд вопросов раннего эмбрионального развития человека, особенностей обмена веществ эмбриона, возможностей химического, гормонального, лекарственного влияния на его развитие и предотвращение врожденных дефектов и уродств может быть успешно решен в условиях таких опытов. Ведь в эксперименте, проводимом вне организма, все многочисленные факторы находятся полностью в руках экспериментатора. Их можно в соответствии с задачами исследования широко варьировать как порознь, так и в различных сочетаниях.

Я не берусь предсказывать, до какого возраста удастся обеспечить в искусственных условиях развитие человеческих эмбрионов, но уже полученный итальянским профессором предел — 60 дней — является очень существенным. К этому времени образуются функционирующие и способные к дальнейшему развитию зачатки большинства жизненно важных органов, в частности желез внутренней секреции.

Это обстоятельство придает опытам профессора Петруччи большой практический интерес. Дело в том, что успехи хирургии в области пересадки тканей и органов жестко лимитируются в настоящее время далеко идущей индивидуальной биохимической специфичностью их. В результате этого пересаженные от одного человека (донора) к другому (реципиенту) ткани и органы вызывают в организме реципиента ряд сложных биохимических реакций, ведущих в конце концов к полному рассасыванию трансплантатов.

Удачными оказывались до сих пор только пересадки от одного из близнецов другому. В одном таком случае удалось, например, спасти жизнь одному близнецу пересадкой ему почки от другого.

Упомянутая индивидуальная биохимическая специфичность тканей возникает на поздних стадиях эмбрионального развития. Ткани эмбрионов ранних периодов развития лишены этих свойств. Поэтому они могут служить поистине универсальным материалом для пересадок. Эти ткани обладают вместе с тем большими возможностями в отношении дальнейшего развития и роста. Вот почему опыты профессора Петруччи должны заинтересовать хирургов, стремящихся найти решение проблемы биологической несовместимости тканей — основное препятствие на пути успехов пластической хирургии.

В заключение хочу отметить и еще одну сторону работы итальянского ученого: она являет собой яркий пример могущества материалистического подхода к изучению жизненных явлений. Исследователи, стоящие на твердой почве материалистического мировоззрения, с каждым годом получают все более и более глубокие возможности для проникновения в самую сущность сложнейших биологических процессов и сознательного управления ими. Все передовое человечество радуется таким успехам науки и гордится ими.

Прогрессивные ученые всех стран ждут от продолжения таких исследований важнейших практических плодов. А клерикальная реакция, возглавляемая Ватиканом, заявляет, что эксперименты Петруччи являются богохульством, и требует их прекращения. Нужно ли комментировать этот новый акт саморазоблачения католической церкви, еще раз пытающейся преградить путь науке и прогрессу?

Профессор В. В. ПАРИН

Анна Рёльц и ее муж Макс. Лето 1957 года.

ДЕЛЕГАТЫ ИЗ ФОГТЛАНДА

Елена СЕРЕБРОВСКАЯ

Утро 1 мая 1931 года. Ленинград. Мы, школьники-комсомольцы, встречаем на Московском вокзале юношескую делегацию — гостей из Германии. Из вагона выходят пятеро в голубых блузах: два паренька, девочка-пионерка, девушка с густыми кудрявыми волосами и молодая женщина — член компартии, руководитель делегации. Машина привозит нас на Дворцовую площадь, гости подымаются на трибуну.

А площадь играет всеми красками весны! Алые флаги, цветы, макеты, дети на плечах у отцов и матерей, музыка, песни...

Кто они, наши гости? Младшая, Фрида Рюль,— дочь безработного водопроводчика, Хорст Шнайдер — безработный маляр, Герберт Гекель — безработный слесарь, Ванда Рёльц — безработная швея. Старшая из всех, Анна Рёльц, — член коммунистической партии из Фалькенштейна.

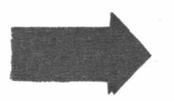
Все они из области Фогтланд в Саксонии. Приехали по приглашению комсомольцев и пионеров Ленинграда, собиравших на это средства. До их приезда у нас была с ними переписка, шло соревнование. Мы брали обязательства лучше учиться, старательно работать, помогать выполнению пятилетки, участвуя в субботниках; они — вести разъяснительную работу среди соотечественников, разоблачать нацистов, бороться за свои права, помогать компартии. Пятеро друзей были наиболее активными в этом соревновании. Поездка в Советский Союз стала для них своего рода премией.

Гости были в нашей стране два месяца — в Москве, Ленинграде, Одессе. Я ездила с ними, переводила, знакомила с нашей жизнью. Мы подружились. Вернувшись домой, они продолжали писать нам, рассказывая о своих радостях и горестях. Некоторые из писем заканчивались словами: «До свидания в свободной, социалистической Германии!».

В 1933 году нацисты захватили власть. Начался террор. Переписка с немецкими друзьями оборвалась: посылать им письма после прихода Гитлера к власти означало бы подвергать угрозе их свободу и жизнь. Последним оттуда я получила письмо от Ванды с вложенным первомайским значком 1933 года, который храню до сих пор.

Спустя какое-то время на мой адрес пришло письмо из французского города Ля-Рошель. Писал

С НОВЫМ ОКОНЧАНИЕМ

Делегаты из Фогтланда среди ленинградских школьников. В верхнем ряду (слева направо): второй — Хорст Шнайдер, пятая — Ванда Рёльц. В нижнем ряду: второй слева — Герберт Геккель, рядом — Фрида Рюль и Елена Серебровская, в ту пору ученица 75-й школы. Июнь 1931 года.

кими. В 1933 году меня арестовали. Отпустив, обязали ежедневно отмечаться в полиции. В 1935 году я нелегально перешла в Чехословакию. Там вышла замуж. Муж мой был чешский коммунист. В 1938 году мы снова должны были скрываться от немецких фашистов. По поручению партии переехали в Прагу. Вскоре после появления фашистских войск я была арестована гестапо. Освободившись, была принуждена жить у родителей в деревне под суровым контролем гестапо. В последние годы перед концом войны я нередко пользовалась возможностью завязать дружбу с советскими людьми. Это были советские военнопленные и угнанные в Германию советские граждане...

Что же рассказать тебе еще, милая подруга? С 1945 года нам всем пришлось много поработать. После 12 лет фашизма надо было убирать не только множество развалин и обломков,— гораздо тяжелее было преодолеть идеологические остатки фашизма в сознании наших людей».

Я читала эти письма и радовалась тому, что не ошиблась в друзьях. Делу своему, дружбе своей не изменили! Радостной новостью хотелось поделиться с теми, кто встречался с нашими делегатами, — членов этой делегации мы так и называли впоследствии делегаты из Фогтланда. Я позвонила старой учительнице, ныне пенсионерке Лидии Михайловне Буровой, бывшему школьнику, ныне рабочему завода полиграфических машин Виктору Решкину. Мы порадовались вместе. Мы, наверное, встретимся снова с нашими старыми друзьями из Германии. Они зовут нас к себе, мы приглашаем их в Ленинград.

Будущее зреет в настоящем, прошлое подготовило настоящее... В январе — феврале этого года, еще ничего не зная о старых друзьях, я побывала в Германской Демократической Республике в качестве гостя на национальном конгрессе в защиту мира в Веймаре. Из Берлина в Веймар ехали на машине. Я проезжала неподалеку от районов, где в юности жили наши «делегаты», мимо дымивших химических заводов Лейна-верке, о которых они нам рассказывали и пели. Проезжала по землям, по которым когда-то водил свои рабочие полки молодой Макс Гельц,— о нем и сейчас здесь, в народе, поют песни. Фогтланд — место, где он в свое время жил и работал, а брат моей Ванды, Макс Рёльц,— его близкий товарищ. Рёльц немало поработал в Фогтланде для объединения двух партий — коммунистической и социал-демократической. Сплав получился надежный, крепкий. Я открываю присланный из Ауэрбаха апрельский номер местного журнала «Культуршпигель» и вижу седоголового Рёльца рядом с советским подполковником — снимок сделан вскоре после окончания войны. Это тоже товарищи, друзья.

Силы распада, разъединения, силы предательства и лжи отступают перед силами объединения, человеческой дружбы, верности и правды. Отступают и совсем отступят, чтобы в конце концов исчезнуть навсегда.

Хорст. Он рассказывал о гитлеровском терроре в Германии и судьбе товарищей по делегации. О младшей из них, Фриде из города Цвиккау, я уже знала из другого письма,— она погибла раньше, еще до 1933 года. Ее безработный отец не выдержал. Семья его голодала долгое время, надежды на работу не было, и однажды ночью он включил на кухне, не зажигая, газ. Утром соседи нашли трупы троих детей и родителей.

Хорст писал об остальных. Герберт был болен, когда его схватили и бросили в концлагерь. Ванду и Анну обязали ежедневно являться в полицию. Сам Хорст бежал через границу в Чехословакию, а оттуда — во Францию. На письмо я ответила, но больше никто из немецких друзей мне не писал. Наша связь оборвалась.

В прошлом году, встретившись с участниками германского поезда дружбы, я поделилась воспоминаниями о своей юношеской переписке с немецкими комсомольцами. «Отчего бы вам не поискать их? Напишите в Карл-Маркс-Штадт в Фогтланде, вложите фотографию, если есть. Общество дружбы поможет найти следы ваших старых знакомых»,— посоветовали мне товарищи.

И вот на моем столе несколько писем. Пишут из общества дружбы «Германия — СССР», пишет Анна Рёльц, пишет Ванда (теперь у нее другая фамилия — Бауэрфайнд). По-разному сложились судьбы членов делегации. Хорст погиб в годы войны, где и как — пока неизвестно. Герберт сидел в концлагерях. Сейчас работает на ответственной должности в Берлине. Анна с мужем были высланы в деревню и находились под надзором гестапо. В деревне Анна нередко общалась с угнанными в Германию людьми из Советского Союза и других стран. Но предоставим слово ей самой. Вот отрывки из ее письма:

«Я познакомилась с советской девушкой Верой, жившей в соседней деревне и вынужденной выполнять очень тяжелую работу у богатого крестьянина. Она жаловалась, что испытывает острые боли в пояснице и животе, и боится, что рассерженный ее болезнью и слабостью хозяин отправит ее в концентрационный лагерь на верную смерть. Я встретилась с ней тайком на вокзале Бергена и отвезла ее в Вайхлиц к практиковавшему там доктору медицины Прешелю. Заболевание девушки было серьезным. Без медицинской помощи о выздоровлении нельзя было и помыслить.

Когда я встретила Веру несколько недель спустя, она рассказала мне, сияя, что дело идет на поправку. Известно, как строго преследовалась тогда всякая помощь «иностранным рабочим»: врач рисковал потерять всю свою практику».

Анна рассказывает и о другом эпизоде: «Вскоре после нападения на Советский Союз я услыхала, что в сосе́дней деревне устроен лагерь для советских военнопленных. Они голодали настолько, что ели траву. Я познакомилась с конвоиром и попросила хоть когда-нибудь привести их в мою квартиру, обещав ему отдать свою порцию папирос. Он был человечен, он пришел с пленными. Я накормила их.

При входе в комнату я попросила пленных оставить верхнюю одежду в прихожей. Я привязала в рукава, изнутри, пакеты с едой. В беседе узнала, что пленных всего 32 человека. Надо было накормить по-человечески и остальных. Прощаясь, я сказала конвоиру, чтобы он приходил регулярно за папиросами, потому что ни я, ни мой муж не курим. Он стал появляться с пленными каждую неделю.

Тем временем мы организовали своих товарищей, чтобы постоянно иметь какие-либо продукты для помощи русским. Особенно активно поработал товарищ Аренс из Фалькенштейна. Много сделали и товарищи Отто и Луис Мюллеры — обоих уже нет в живых. Конечно, помогала и вся родня семьи Рёльц. В Грюнбахе сборы продуктов вела Ванда, сестра моего мужа. В результате сборов, мы снабжали пленных и папиросами».

А вот письмо от Ванды:

«Не могу выразить, как рада я услышать, что ты жива и нас не забыла.

В годы тяжелого испытания, особенно в то время, когда немецкие фашисты пытались сломить гордый, героический Ленинград, мысли наши очень часто и подолгу были с вами.

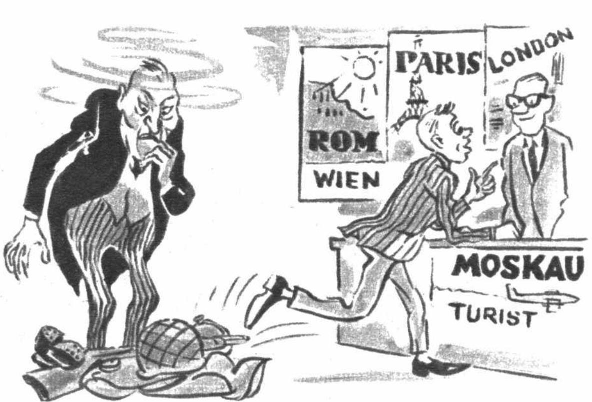
Разве мы, имевшие счастье 30 лет назад посетить Советский Союз, могли мечтать, что так скоро настанет время, когда социализм будет строиться и в нашей стране! Если это произошло, то благодаря прежде всего героической борьбе советских народов и вашей прославленной армии. Я считаю большим счастьем для своего народа и для себя лично дружбу с советскими людьми.

Для меня, как и для многих моих друзей, годы фашизма были тяж-

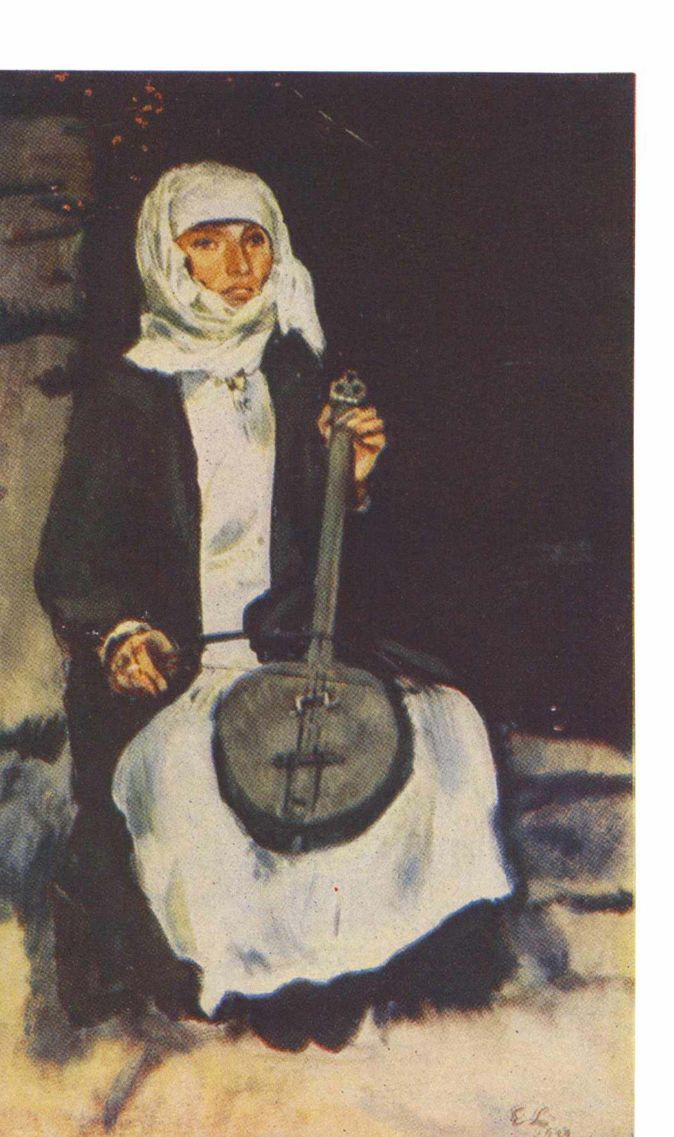
Е. Лансере. БОТИК ПЕТРА ВЕЛИКОГО. 1903 год.

Государственная Третьяковская галерея.

НИКОЛЬСКИЙ РЫНОК В ПЕТЕРБУРГЕ. 1901 год.

Е. Лансере. ВЕРХНЯЯ СВАНЕТИЯ. ВИД НА СЕЛО ЧАЖАШ 1929 год.

Государственный музей Грузии имени академика С. Н. Джанашиа. Тбилиси.

ВЕРХНЯЯ СВАНЕТИЯ.
ЖЕНЩИНА С ЧИАНУРИ.
1929 год.

АДЖАРЕЦ.
1921 год.
Собрание О. К. Лансере

НАДЕЖДЫ И МУКИ ИСПАНИИ

Пьер ГАМАРРА

Бедняки Кордовы

Прозрачен и зноен воздух Кордовы. Словно жидким медом, обволакивает он почтенные камни мечети, известной на весь мир своим великолепием и удивительной сохранностью. В центр этой огромной мечети — 175 метров на 140,— самой большой после знаменитой Каабы в Мекке, словно вписан собор. Католическая церковь посреди мечети не лучшая часть ансамбля. На мой взгляд, самое красивое в мечети — ее обширный двор с апельсиновыми деревьями и внутренняя колоннада — лес колонн с почерневшими боками и переплетающимися вверху арками, красными, желтыми... Я опустился на скамью, стоящую в отдалении, в тени, и долго смотрел на этот лес из камней, увенчанный листвой арабских арок.

В мечети Кордовы около тысячи колонн — зеленых, розовых, сиреневых, серых! Снопы света — белые, красные, всех цветов радуги — возникают внезапно в сумерках. Мне рассказывали, что мрамор, гранит, яшма этих колонн были привезены из многих мест средиземноморского бассейна — из нашего Лангедока, Африки, Константинополя. Их добывали в каменоломнях или снимали с древних храмов.

В саду царит покой. Старинный фонтан с четырьмя железными клювами в центре. Глубокие и узкие канавки делят поровну землю между деревьями. Дорожки усыпаны мелким гравием, привезенным, наверное, с берегов Гвадалквивира. Вокруг желтые и белые стены. Маленькие девочки играют в углу сада. Несколько человек болтают вполголоса, сидя на каменной скамье. Какой-то мальчуган подходит к фонтану. Сначала он пьет, потом наполняет водой глиняный кувшин. Где-то вдали слышится крик осла. Хрупкий звон одинокого колокола наполняет воздух. В каком веке мы живем?

Но достаточно было поговорить мне с людьми во дворе старой мечети Кордовы, чтобы обрести реальность времени. То была группа крестьян, приехавших в Кордову в поисках работы. Двое из них — так я понял — были уверены, что найдут место чернорабочих на стройке. У других ничего, кроме смутной надежды, не было.

— В Кордове под мостом протекает много горя! Это такая поговорка, сеньор, она очень верная!

— Сколько же зарабатывает сельскохозяйственный рабочий?

— Кладите тридцать три песеты в день в среднем. В разгар работ немного больше, а иногда чуть меньше. Женщины зарабатывают похуже. Те, которых нанимают для сбора маслин в декабре, получают двадцать — двадцать пять песет...

— В день?

— Да, сеньор. «Доить» маслины нелегко... Притом в это время не всегда бывает тепло.

Здесь говорят: «доить» маслины. Движение руки сверху вниз, чтобы оторвать плод и опустить его на полотно, расстеленное на земле, очень напоминает работу пальцев доярки.

Мы курим, любуемся фонтаном и затем вместе входим в мечеть.

— Очень красиво,— говорю я тихо.

— В Андалузии много красивого,— отвечает мой молодой спутник.— Но красиво кажется лишь тому, кто путешествует, а не живет здесь. Земля очень богата. Она удивительно плодородна. Еще со времен арабов наша земля дает много хлеба, овса, маслин, апельсинов, не говоря уж о хлопке и свекле.

— Собирать хлопок, должно быть, тяжело,— говорю я.

— Очень. За спиной у тебя мешок. Идешь, нагибаешься, срываешь — и в мешок. Так с утра до ночи. Вообще-то предпочитают брать женщин. Они дешевле обходятся.

— А с ирригацией как у вас? Тоже трудно?

— Шагай себе, согнувшись, по колено в грязи, в оросительных канавах. Здесь откроешь, там закроешь. Проталкиваешь грязь какими-нибудь инструментами. Целый день ноги в воде и грязи.

— Что же едят рабочие?

Мои спутники молча глядят на меня в упор. Затем они пожимают плечами. Вопрос не в бровь, а в глаз.

— Чем мы можем питаться на наши заработки? Две селедки и кусок хлеба. А вечером окунешь хлеб в растительное масло. Рабочий не может теперь сварить себе похлебку, как прежде. Он всегда голоден.

И кто-то сквозь зубы цедит:

— Суп! Это было возможно, но только до Франко.

— Вы видели витрины в городе, месье? Видели, какие цены на обувь, одежду? Как же мы можем что-нибудь купить? То же самое с едой. Зимой готовят рагу из картофеля и трески, летом — из помидоров и картошки. Оливковое масло дорого. Хотят, чтобы мы ели соевое масло. По этому поводу острят: хорошо еще, что американцы не изобрели для нас вино из сои! Во всяком случае, два раза в день поесть как следует невозможно. Я не имею в виду безработных. Вы их видели, безработных?

Да, я их видел. В городах и в деревнях. Они стоят, сидят, сгорбившись, у своих порогов или чего-то ждут возле кафе. Если не знаешь, кто они, их можно принять за бездельников, за лентяев. «Очаровательная праздность юга»...

— Надо же чем-нибудь питаться, и люди идут в лавчонку, клянчат в кредит. Залезают в долги. Не знаешь, как и выпутаться. Зарабатываешь только, чтобы расплачиваться с долгами. Остаешься без гроша. Надо уходить. Тогда оставляют деревенские «чаболас», чтобы отправиться в «чаболас» города. Вы видели «чаболас»?

Да, я видел. Я видел их в Барселоне, в Валенсии, в Гранаде, в Севилье... Я увижу их еще и в Мадриде.

Разве люди согласны с этим режимом голода и жесточайшей несправедливости? Это был вопрос, который жег мне уста, и я задал его.

— Нет, сеньор, они не согласны. Наперекор тюрьме и полиции. За последнее время недовольство часто выражалось открыто, было много бурных протестов. Сельскохозяйственные рабочие пришли на фермы, чтобы наняться на работу. Им предложили нищенскую плату. Тогда они ушли. Хозяева оповестили об этом власти. В деревни бросили отряды. Было схвачено около трех тысяч человек. Их отправили в городские тюрьмы. А когда они возвращались в свои деревни, крестьяне им оказывали почетный прием. Мелкие собственники, владельцы лавочек и кабачков на нашей стороне. Если у рабочего ничего нет, он ничего не будет покупать. Когда Франко приезжает в Севилью, повсюду на его пути появляются листовки и надписи, требующие освобождения заключенных.— Мой собеседник рассказал, что в его деревне, вблизи Пинос-Пуэнте, богатая помещица забавы ради держит псарню — сто собак. В деревне только в 1924 году была сломана виселица. Повалены столбы с перекладинами, но остались железные оковы. Трудящиеся Испании накапливают силы, чтобы навсегда порвать их.

«Смерть интеллигенции!»

Поезд медленно шел через долину Ла-Манча. У самого горизонта различаются серые и белые пятна деревень, словно прилипших к земле. Я пытаюсь себе представить, как по этим заброшенным дорогам, тянущимся меж полей и рощ, отважно продвигались навстречу неведомым злоключениям Дон Кихот и Санчо. Вряд ли с тех пор очень изменился пейзаж!

Мой сосед, улыбаясь, наклонился ко мне:

— Взгляните только! Ветряные мельницы. Они все еще машут крыльями. Вы читали «Кихота»?

Человек лет пятидесяти с седыми висками показывает своей жене куда-то вдаль. Кто-то из его семьи погиб там во время войны. Рядом сидящая женщина вступает с ними в беседу.

— Война, сеньор. Война причинила нам много бед. Нет семьи, которая их не знала. У меня было два двоюродных брата: один — с красными, другой — с Франко. Оба погибли. Таких примеров...— И он махнул рукой.

— Мой зять,— говорит женщина из Севильи,— заведует отделом в банке. У него ответственный пост. Знаете, сколько ему платят? Две тысячи песет. По вечерам он берет счетную работу, чтобы коекак дотянуть до конца месяца.

— Мой муж,— говорит жена моего соседа,— работает в министерстве. У него оплата не из маленьких. И все-таки мы не сводим концы с концами.

Седоголовый человек согласен с женой, но считает, что она слишком громко говорит. Он украдкой бросает взгляд в конец вагона. Только что здесь прошел полицейский в штатском. Он проверял удостоверения личности.

— Посмотришь газеты, так все идет прекрасно! — восклицает севильянка.

Служащий министерства берет меня за руку и шепчет:

— Вы понимаете, надо все же остерегаться. Такие высказывания могут довести нас до полиции, а там...

— Будет все труднее и труднее,— ворчит женщина.— В полицию придется водить все больше людей.

Человек невесело ухмыляется.

— По числу неграмотных мы первая страна в Европе.

— У меня,— подхватывает дама из Севильи,— есть работница, которая мне готовит. На днях она попросила меня написать письмо ее жениху. Я ее спрашиваю: «Но ты хотя бы сумеешь подписаться?»,— а она мне отвечает: «Конечно, сеньора. Большим пальцем».

— Знаете, сколько нам не хватает школьных учителей? — говорит мне служащий министерства.

— Сколько?

— Пятьдесят восемь тысяч! Могу вам сделать подсчет. В настоящее время не хватает 13 тысяч. Но имеется 800 тысяч детей от 6 до 12 лет, которые не охвачены школой. Для них потребуется 20 тысяч учителей. Не посещают школу около миллиона детей от 12 до 14 лет. Для них нужно приблизительно 25 тысяч учителей. Итого: не хватает 58 тысяч! Это не удивительно. Начинающий учитель зарабатывает что-то около тысячи песет. К концу карьеры перед отставкой,— не более двух тысяч. Вот они и меняют профессию: становятся полицейскими агентами, секретарями, счетоводами.

— Я католичка,— говорит моя соседка из Севильи.— Политикой никогда не занималась и не хочу в это вмешиваться. Но все же я должна сказать, что наша страна не свободная. Газеты только и пишут, что о корриде и футболе.

Ее перебивает министерский служащий:

— Занятные вещи происходят с цензурой! Вот, скажем, издатель просит разрешения напечатать такую-то книгу. Вам не отвечают определенно: отказано в издании такой-то книги, такого-то автора. Нет, вам пишут в письме: вы найдете ответ на прилагаемом

Окончание.
См. «Огонек» №№ 24, 26.

листе. И на отдельном листе бумаги, но не на бланке вы читаете: «В разрешении отказано». Каково! Ну, что вы скажете на это лицемерие, месье?

В этот вечер я приехал в Мадрид. Было тепло. Мягкая коричневая дымка оседала на город. Я поднялся вверх по шумной улице Аточа к Пуэрта дель Соль, оставляя позади себя огромный парк Эль Ретиро, откуда тянуло свежестью.

Мадрид, с энтузиазмом утверждали мои дорожные спутники,— это ни с чем не сравнимый город. По своему образу жизни, по той манере, с которой сочетается здесь прошлое с настоящим, по строгой красоте памятников и пестроте своей толпы. И действительно, в Мадриде чувствуется темп большого города. Бесконечно много таверн и бесчисленное множество мелких профессий. Чистильщики сапог, торговцы папиросами поштучно, торговки семечками и засахаренным миндалем, старухи, предлагающие билеты в метро, чтобы не стоять в очереди, уйма слепых с лотерейными билетами, приколотыми к рваной одежде. На больших проспектах и в маленьких переулках постоянные контрасты Испании — ее роскошь и страшная нищета.

Я долго брожу по Мадриду. Я свернул под арки Пласа Майор и прошел в чудесную старую часть города, которая окружает площадь. Потом я заблудился в отдаленных кварталах «чаболас». Я видел желтую, облезлую, выскобленную землю, в которой люди роют логовища, ужасающие человеческие норы. У ворот Мадрида женщины шли по воду с кувшинами на плече. Торговцы питьевой водой толкали свои повозки. Рабочие этих предместий зарабатывают в день столько, сколько стоит один иллюстрированный журнал!

Библиотеки центральной части Мадрида очень хороши, и полки их заполнены книгами в великолепных переплетах. Но среди них трудно найти Вольтера, Руссо, Дидро, Гюго, Золя, Стендаля. Эти «дьявольские» книги вы получите только с помощью хитрых уловок владельца книжного магазина. Иногда каким-то крамольным авторам удается все же проскочить таможенный барьер, но их книги стоят дорого и, следовательно, поступают в продажу в весьма ограниченном количестве [1].

Я искал в Мадриде и в других городах школы, которые во Франции еще и поныне составляют традиционную часть сельского и городского ансамбля.

В каком-нибудь убогом предместье я останавливал мальчугана:

— Где здесь школа?

— Школа? Вот там, сеньор! Это школа Святого духа... Это школа Санта Мария дель...

Почти всюду только религиозные школы. Они поглотили все кредиты. Они посылают детей собирать пожертвования на улицы и в дома. Они рьяно ведут кампанию против декрета, обязывающего преподавателей сдавать профессиональные экзамены.

Кто-то мне говорил:

— Если я не хочу, чтобы мой ребенок получил образование с этой специальной церковной ориентировкой, я должен найти для него частную школу. Это очень дорого. Надо быть очень богатым, чтобы в Испании отделиться от церкви.

Я поверг одного испанца в глубочайшее изумление, спросив у него, возможен ли в Испании гражданский брак.

— Вы смеетесь! Чтобы вступить в гражданский брак, надо прежде всего отречься от закона, пойти к нотариусу и уплатить за это. Отречение, объявленное в церкви, поставит вас вне общества. Атеист — это страшнее всего!

Однажды вечером я неожиданно остановился на одной из улиц Мадрида. Маленькая голубая неоновая вывеска среди прочих сверкающих надписей гласила: «Teatro Realista».

Что это за реалистический театр и что в нем ставят? Сегодня идет современная пьеса молодого драматурга Карлоса Муниса «El tintero» [2]. Вхожу. Театр маленький, но битком набит. Я умудряюсь проскользнуть куда-то в угол. Герой спектакля, этот «tintero»,— чернильная душа, какой-то жалкий служака. Он пытается бороться с голодом, мракобесами, противопоставляя худосочный голубой цветок своей мечты о счастье бездушным манекенам, которые служат его эксплуататорам.

Горькой и страшной иронией проникнут весь спектакль. Мне не нравится конец — самоубийство героя, но в этой сатире есть патетическое изображение нужды и голода Испании.

«Реалистический театр» был создан драматургом Альфонсо Састре, имя которого нам знакомо, и он, как мне кажется, человек честный и талантливый. Театр показал «Сеть» — пьесу Сартра, поставленную большим режиссером Хуаном Антонио Бардемом — всемирно известным режиссером испанского кино. «Сеть» — это драма о нашей сегодняшней войне в Алжире, об ужасах ее, о чести тех, кто ей противится. Как можно показывать такое в стране, где свирепствует полиция и цензура?

Я скажу вам главное: дух Испании жив. В этой стране есть борющаяся интеллигенция с вечно светлой душой. Мне не хватит места, чтобы рассказать вам о богатстве и красоте испанской современной поэзии, наследнице Мачадо, Мигеля Эрнандеса, Лорки; обнадеживающем современном испанском романе. Многого можно ожидать от этого неукротимого духа.

Прошлой осенью был написан манифест против цензуры. Под ним поставили свои подписи 227 представителей испанской интеллигенции, среди них семь академиков и наиболее выдающиеся деятели современной испанской культуры.

В начале войны в Испании, в почтенном университете Саламанки, франкистский генерал Миллан Астрай крикнул философу Унамуно: «Смерть интеллигенции! Да здравствует война!»

«Смерть интеллигенции» — это непостижимая скудость школ современной Испании, ее нынешняя цензура, книжный голод, бессмысленность некоторых фильмов, это интеллигенция, замурованная в тюрьмах, это замученный на каторге поэт Эрнандес.

Но разум Испании не сломлен, он восстал и будет неудержимо крепнуть. И мы, мы должны ему в этом помочь. Честь и интересы Испании — это наша честь и наши интересы!

Цитадель смерти

Я вышел из Мадрида по мосту через маленькую мелководную речушку Мансанарес. Осталось позади шоссе дель Коронь, началась извилистая и живописная дорога к Сьерра-Гвадаррама. Очаровательное весеннее утро в испанской деревне. Накануне я видел корриду — только открывался сезон. Народу было полно, но зрелище оказалось не из приятных. Я вспомнил слова одного моего попутчика: «В Испании быки пасутся на огромных участках земли, лучше было бы отдать ее под хлеб».

Дорога ведет в Эскориал. Миндаль, акации. Вокруг Эскориала, массивного дворца-монастыря испанских королей, выстроенного Филиппом Вторым, раскинулось тихое селение. Красивые дома. Почти пустынные улицы.

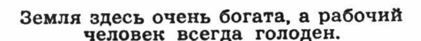
Я никогда не забуду день моего прихода сюда. Нет, не из-за Эскориала. Не из-за красоты сьерры, снежных вершин и прозрачного воздуха. Я расскажу вам о том, что навсегда останется в моей памяти.

В нескольких километрах от Эскориала есть и другой пантеон. Он был построен и вырыт в самой сьерре. Это «Долина смерти», гигантская подземная церковь, увенчанная огромным и уродливым сооружением, поддерживающим крест высотой в сто пятьдесят метров и сорок восемь метров ширины. За много километров отсюда виден этот крест, простирающий свои тяжелые каменные длани над скалами и соснами. Это, как объясняют гиды, «памятник, задуманный главой государства во славу павшим фалангистам».

---

[1] В католическом журнале «Nuestro Tiempo» за январь 1961 года (цена 35 песет!) одна читательница спрашивает, правда ли, что недавно издали «Отверженные», занесенные святым престолом в список запрещенных книг. Да, отвечает редакция, словно извиняясь, но это издание выпущено с многочисленными примечаниями, где подчеркнуты все пункты, противоречащие католической морали. Церковь не хочет осуждать, она лишь исправляет.

[2] «Чернильница».

Земля здесь очень богата, а рабочий человек всегда голоден.

Учителей в стране не хватает, зато блюстители порядка — на каждом углу.

Это я тоже видел в Испании.

Дороги Испании несовершенны. Но сюда — великолепная автострада до самого подножия базилики.

Я поднимался по ступеням гигантских лестниц, переступал порог огромных дверей с коваными позолоченными решетками, шагал по роскошным плитам входной часовни, прошел до огромного главного нефа в сорок два метра высотой. Все это высечено в твердой горной породе. Алтарь, отягощенный шитьем, канделябрами, позолотой. Святые плавают в золоте. Свод над головой расписан золотом. Нагромождения золота, это давящее величие, страшное выставление напоказ сумасшедшей конструкции душат вас. Где же церковь смирения, милосердия и благости? Где истинное христианство?

Пантеон фалангистов был построен в 1940—1941 годах, когда Испания находилась в самой страшной нужде. Люди прокладывали в сьерре дороги, долбили скалы, разрушали взрывчаткой великолепный пейзаж, чтобы соорудить этот памятник. Памятник, о котором я бы сказал, если бы был верующим, что это — творение дьявола.

Среди голодных и оборванных людей, вгрызавшихся в гору и подтаскивавших глыбы, были политические заключенные. Омерзительный памятник ложному величию делали люди, закованные в цепи за поистине бессмертные идеи.

Когда я находился у подножия креста, я думал только об одном: о тюрьмах Испании, обо всех Бургосах и Карабанчелах этой страны, о людях, которые томятся в них десять, пятнадцать, двадцать, тридцать лет. Я думал о детях, родившихся в тюрьмах, об ослепших в заточении, о сыновьях, которые не услышали последнего вздоха матерей.

В Бургосской тюрьме есть осужденные на шестьдесят лет, на пятьдесят, на тридцать, на двадцать... В тюрьмах Испании есть люди, лишенные света и воздуха, истерзанные душевно и физически мучительными пытками.

Испанские священники-баски имели смелость написать: «Люди были арестованы за то, что распространяли листовки, в которых не говорилось ничего противоречившего правде, справедливости, но там было сказано такое, о чем государство само обязано заявить или дать возможность сказать другим, а не замалчивать это в течение нескольких лет, как оно делает. И закон, который эти люди нарушают, следовательно, несправедливый закон».

Эти камни, эта груда цемента, этот страшный символ угнетения, не могут противостоять подлинной человечности, солидарности смелых людей. Я говорю о коммунистах, о социалистах, либералах — о всех тех, кто просто и искренне хочет справедливости. Крест высотою в 150 метров, возвышающийся над «Долиной смерти», не символ христианского милосердия, а тяжкий меч даже для тех, кто до сих пор стоял в рядах поборников современного режима. Несколько месяцев назад во время торжественной мессы в подземном соборе молодой 22-летний фалангист Хозе Роман Урдиалис крикнул присутствующему здесь Франко: «Каудильо, ты предатель!» Он был схвачен и приговорен к двенадцати годам тюрьмы.

Этот крест и бесформенные скульптуры, примостившиеся у его подножия, весят более двухсот тысяч тонн! Но сколько весят слова дружбы и солидарности с Испанией, сказанные в защиту ее людей в кандалах? Скромная посылка, отправленная из далекой французской деревни в тюрьму Испании, весит куда больше! И каждая подпись, поставленная под воззваниями протеста,— удар по этим чудовищным памятникам, цитаделям и решеткам. Не будем забывать этого!

Тысячи подписей — очень крупные имена в Испании и очень крупные во Франции и Западной Европе — поддержали Парижскую конференцию этого года по вопросу амнистии испанским заключенным. Самые знаменитые художники современности отдали свои произведения для того, чтобы оказать им материальную помощь. Это усилие было бы немыслимо без поддержки масс, многих партий и воззрений.

Я иду в сторону Сеговии, оставив позади крест и мрачный фараоновский собор. Как трудно вдыхать воздух деревьев и гор Испании, когда думаешь об узниках ее тюрем, о нужде ее народа, страдающего на этой плодородной земле! И мне вспоминаются стихи Мигеля Эрнандеса, посвященные людям, павшим в боях за Испанию:

Оливковые ветви,
Прорастая из ваших костей,
Обнимут всех людей планеты.

* * *

Через несколько дней я пересеку границу и унесу с собой воспоминания.

В который раз я задаю себе все тот же вопрос — он гложет мою душу долгие недели: куда идет Испания? Чего хочет этот народ? Что он будет делать и что станется с ним? У меня такое ощущение, словно я присутствовал одновременно при распаде и рождении страны. С одной стороны, загнивающий режим, который покоится на обскурантизме и полицейском насилии, феодальное всемогущество, мелкопоместная знать и банкиры. С другой — трудящиеся, которые, не дожидаясь даже, чтобы их очень расспрашивали, сами рассказывают о своей нужде, нисколько не таясь, выражают свое стремление покончить с этой обездоленной жизнью. Режим трещит по всем швам. Это великолепно чувствуешь здесь. Я говорю не только о листовках, которые раздают на улицах и в университетах, афишах, расклеенных на тумбах, об открытой борьбе с хозяевами, полицейскими и тюремщиками. Я говорю о сопротивлении, которое проникло в самую глубь души лучших представителей этого народа...

Демократическое движение крепнет. Я не рискую пророчествовать, однако, я почувствовал, что этот народ все более и более сплачивается. Вернувшись оттуда, я думаю о мощи социалистических стран и представляю себе, какой энтузиазм вызвала победа Юрия Гагарина среди крестьян Андалузии и шахтеров Астурии.

Я побывал в Испании не как турист, и это, вероятно, помешало мне полностью насладиться красотами ее земли, ибо я видел невзгоды и страдания народа. Но я покинул Испанию без грусти, уверенный в ее победе.

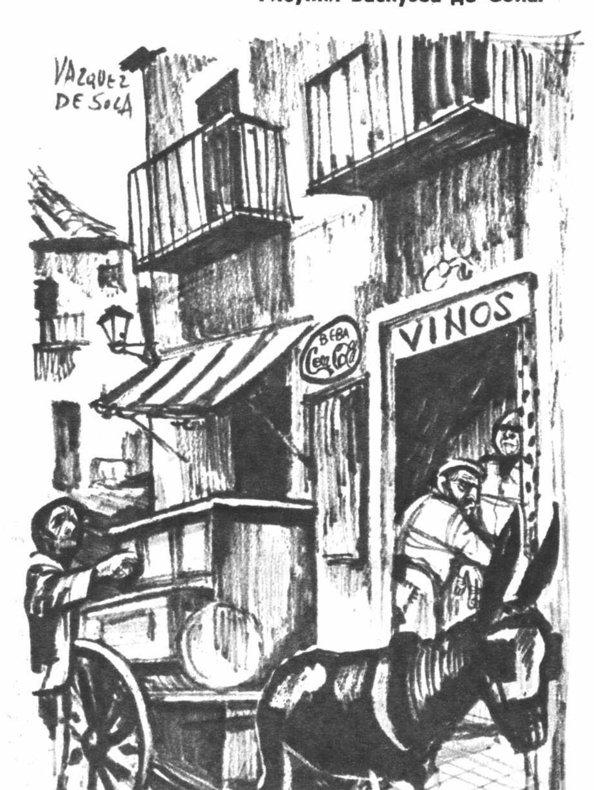
Перевод с французского
Э. и А. ЛАЗЕБНИКОВЫХ.

— Купите билетик на счастье, сеньор!

На улице.

Рисунки Васкуэза де Сола.

ПО БЕЛУ СВЕТУ

В целях «большей объективности»

Парижская полиция не раз выражала сожаление «по поводу физического воздействия», от которого пострадали и «понесли материальный ущерб» представители прессы. Дело в том, что при разгонах демонстраций блюстители порядка обрушивали удары резиновых дубинок и на корреспондентов. В конце концов незаинтересованная в конфликтах с прессой полиция изыскала надежное средство. Представителям прессы будут выданы большие опознавательные знаки вроде автомобильного номера. На нем изображен герб Парижа, порядковый номер журналиста и фосфоресцирующими буквами написано: «Пресса». Полиция надеется, что журналисты, которые будут наблюдать сцены избиения, не подвергаясь при этом побоям сами, станут «более объективными» в своих репортажах.

Всего лишь «безвредный обман»

«Консервированная морская вода — радикальнейшее средство от рака, ревматизма и выпадения волос!» — безапелляционно заявила одна американская фармацевтическая фирма, рекламируя свою продукцию.

Разочарованные клиенты вскоре возбудили дело против фирмы-обманщицы. Но суд оправдал фирму. Ведь по американским законам привлекать к уголовной ответственности отдельных лиц и фирмы можно лишь в том случае, если они распространяют «вредные товары». А морская вода, по заключению экспертов, совершенно безвредна. Мешать же продаже «безвредных товаров» — значило бы причинять ущерб частному предпринимательству.

Новый педагогический прием

В законодательное собрание штата Пенсильвания (США) школьная комиссия внесла проект закона, который предусматривает для школьников и студентов, «уличенных при выполнении письменных заданий в использовании помощи третьих лиц», штраф в размере 50 долларов или арест на 30 суток.

По-видимому, столь необычными мерами школьная комиссия рассчитывает ликвидировать серьезные недостатки в системе образования.

Приемлемая замена

Многие религиозные объединения Запада имеют свои футбольные команды. Однако занятия спортом не всегда легко совместить с религиозными обрядами. Существуют посты, дни траура и дни поминовения усопших, когда «пускаться в веселые игры грешно».

По этой причине в Англии сборная англиканской церкви отказалась от участия в одном матче. Дело осложнялось тем, что матч должен был транслироваться по телевидению. Отмена игры подрывала доход и престиж телевизионной компании.

Как всегда, выручила предпринимательская находчивость: вместо служителей культа на поле вышла сборная арестантов тюрьмы святого Льюиса.

ПОЧАЕВНИ

Ия МЕСХИ

Письмо из Ханьчжоу

«Первая чашка увлажняет мои губы и горло, вторая уничтожает одиночество, третья исследует мои внутренности, четвертая вызывает легкую испарину, все печали жизни уходят через поры; с пятой чашкой я чувствую себя очищенным, шестая возносит меня в царство бессмертия, седьмая... Но я уже больше не могу. Я чувствую лишь дыхание прохладного ветра, которое поднимается в моих рукавах...»

Слова эти принадлежат поэту династии Танга. Но если вы собрались в Чакву, к Ксении Ермолаевне Бахтадзе, можете заранее подписаться под ними. Нет большего наслаждения, как сидеть на веранде ее уютного сельского дома и, удивляясь собственной неумеренности, пить и пить чай.

Ксения Ермолаевна, маленькая, тихая, быстрая, любит потчевать. Разговорную часть берет на себя муж ее, Владимир Андреевич. Лет тридцать пять назад оба они, молодые агрономы, приехали в Чакву. Владимир Андреевич участвовал в организации первых чайных плантаций в колхозах, выискивал любителей, пионеров чайного дела, ходил по селам с кинопередвижкой, с лопатами и мотыгами, лишь бы приучить, склонить людей к чаю, не питавших к нему тогда еще никакого интереса.

Ну, а Ксения Ермолаевна? Она погрузилась в селекцию. Вывела один опытный селекционный сорт, другой, третий. Сейчас их двенадцать. Стала профессором, действительным членом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина. Два созданных ею сорта чая — грузинский № 1 и № 2 — прошли все испытания и приняты с высокой оценкой. Внешне отличает их высокий куст и крупный лист, что очень удобно для сбора. Три фабрики перерабатывают бахтадзевский чай...

По существу, это наш первый советский чай. Тот, который мы употребляем ныне, приготовлен из китайских и индо-китайских сортов, привезенных и акклиматизировавшихся в наших субтропиках. Вот почему пить чай Ксении Ермолаевны у самой Ксении Ермолаевны — удовольствие особого порядка, хотя важнее всего, конечно, то, что он просто-напросто вкусный. К сожалению, его у нас еще очень мало, на фабриках он идет в купаж как «улучшитель», и попробовать его можно только в Чакве.

Чаква — особое местечко, дорогое сердцу каждого советского чаевода. Правда, столицей в чайных делах является Анасеули. Там, в центре чайных земель, обосновался Всесоюзный институт чая и субтропических культур. Позже от него «отпочковался» Институт чайной промышленности. И теперь делегации, приезжающие из разных стран в Анасеули, называют его «мировым центром науки о чае».

Иное дело Чаква. В Чакве появилась первая на грузинской земле промышленная плантация чая, первая чайная фабрика. В Чакве работали первые китайские мастера чая, и одного из них, Лао Чжан-чжау, ЦИК Аджарской республики в свое время наградил орденом Трудового Красного Знамени. Хоть это и не имеет отношения к чаю, но интересно, что старший сын китайского мастера, Лю Цзе-жун, в дни Октября был председателем Союза китайских рабочих в России и членом Петербургского Совета рабочих и солдатских депутатов. А одна из многочисленных внучек ныне покойного Лао приехала недавно из Пекина учиться в Тбилисской академии художеств.

В Чакве все овеяно далеким и близким прошлым. Вот чайный совхоз. Он ровесник Советской власти в Грузии. В тот 1921 год на плантациях собирали с гектара по 430 килограммов листа, сейчас же — почти по 5 тысяч килограммов. Для таких хозяйств, каким является чаквинское, это очень большой урожай.

В Чакве есть филиал Анасеульского института. Именно сюда, в отдел селекции, прислал недавно китайский ученый чаевод Чжуан Вань-фан свою книгу «Культура чая». В ней написано: «Громадные успехи СССР в развитии чаеводства являются для нас наглядным примером. Сегодняшний день Советского Союза — наше завтра».

Что же в самом деле произошло? Как будто совсем недавно шли по морям, океанам к берегам Чаквы корабли с кустами невиданного чайного растения. И вот уже из Чаквы в город Ханьчжоу, в исследовательский институт чая, путешествуют они обратно. Не по воде — по воздуху, на быстрокрылых «ТУ» следуют в Китай семена и десятки кустов нового селекционного растения...

Письмо из Ханьчжоу:

«Четыре сорта чая, посланные вами, сейчас посажены на опытном участке. Саженцы развиваются хорошо и показывают прекрасные качества по сравнению с местным сортом. Все это для нас очень дорого...»

И для нас все это очень дорого, друзья!..

Женщин надо беречь!

Ветер с моря гонит тяжелый, влажный туман, развешивая его на деревьях и кустах. Туман скрывает все, что делается за обочиной дороги. Гудки автомобилей, скрип телег, человеческие голоса доходят до слуха приглушенными, почти нереальными. Кажется, еще немного — и мир погрузится в сплошной белый кисель...

Мы едем в грузовике и, бряцая фотоаппаратами, подпрыгиваем на ухабах. Девушки, набившиеся в кузов,— это сезонницы, едут наниматься на сбор чая.

Приехали. Участок звеньевой, «чайной героини» Татьяны Чхаидзе. Мы уже с ней знакомы. Были у нее вечером дома, видели, как, вернувшись с плантации, усталая, промокшая, она быстро справилась с ужином на целую ватагу гостей. Слушали, как поет она под гитару тихим, грудным голосом. И лицо у нее умное, значительное, мягкое. Но погода, погода...

Прячемся под навес. Где же Татьяна? В серой пелене по междурядьям движется на нас глыба клеенок и платков. Одни глаза Татьянины улыбаются и блестят. Несколько минут — и происходит полное перевоплощение: сбрасывается одна шаль, за ней — другая, затем — теплая кофточка. Разматываются клеенки. Ноги высвобождаются из резиновых сапог, на которые налипли тяжелые комья земли. Снимаются еще напальчники, по два плотных напальчника на каждой руке. Они нужны, чтобы мокрый лист не царапал. И вот, наконец, Татьяна снова статная, в красивом платье, сшитом со вкусом. Кто-то услужливо набрасывает на нее традиционную широкополую шляпу. Даже туман чуть рассеивается...

Как-то в разгар сбора чайного листа я осталась на плантации. Земля была нагретая, небо низкое, молодых побегов на кустах много. Сборщицы не пели песен, как это делают в плохих документальных фильмах. Спины у них были потные, корзины, в которые сбрасывается чайный лист, приторочены к поясу без всякого кокетства. И все же в напряженных, неизящных этих позах, и особенно в быстрых, почти неуловимых движениях рук было что-то завораживающее, какое-то колдовство, как в руках Святослава Рихтера, на которые все время хочется смотреть.

В кончиках пальцев пианиста поселяется чудовищная музыкальная память. В кончиках пальцев сборщицы — зрение орлиц. Каждой хочется собрать листья высшего качества. Это и лучше оплачивается. А листья высшего качества?.. Впрочем, об этом поэтично сказано у одного древнего китайского мастера чая. Он сказал, что такие листья «должны иметь складки, как на сапогах татарского всадника, должны загибаться, как губа быка, развертываться, как туман, поднимающийся из оврага, блестеть, как озеро, тронутое зефиром, и быть мягкими и влажными, как земля, недавно омытая дождем».

На плантации медлить нельзя. Дорог не то что день — час! Стоит молодому побегу чуть загрубеть, как из него уже не сделаешь хороший чай. Иная сборщица обходит свою плантацию за сезон с мая до октября по 25 раз. А у куста надо быть круглый год: перекапывать, удобрять, подстригать, уничтожать вредителей-насекомых. Правда, некоторую часть труда осенью и зимой могут брать на себя машины: чаеподрезочные, чаеформовочные и прочие. А может ли быть на свете машина, которая из множества мелких листьев, составляющих крону куста, выдергивала бы именно те, что имеют складки, как на сапогах татарского всадника, загибаются, развертываются, блестят?

Да, оказывается, может быть!

Тридцать таких машин двигались минувшим летом по плантациям Ингирского чаесовхоза, обнимая своими навесными аппаратами чайные кусты. Шевелюру куста прочесывали механические резиновые стержни, и как только в зажим попадал нежный чайный стебелек, он надламывался и падал в аппарат, а если грубый — оставался на кусте.

Таким образом был собран чай с площади 150 гектаров. В Ингири шло широкое хозяйственное испытание чаесборочных машин, созданных коллективом Государственного специального конструкторского бюро при Совнархозе Грузии. Было подсчитано, что машина снимает в час 44 с половиной килограмма листа, тогда как сборщица успевает за то же время собрать 2 с лишним килограмма. Иначе говоря, «механические пальцы» одной машины заменили пальцы 22 сборщиц. Это производило впечатление.

Правда, не весь «машинный лист» фабрика принимала первым сортом. Прочесывая куст, аппарат не подчистую забирал все пригодные для сбора побеги, и кое-где прикосновения машины повреждали чайный куст. Но какое рождение не сопровождается муками?

Тревожит другое. Эта машина может работать только на ровном месте. А как же холмы? Сколько чая на холмах!..

И тут хочется обратиться к конструкторам: а что если существует иная, не механическая сила, способная отделить от куста хрупкие побеги? Что если пришло время пригласить к чайному кусту физику, химию и другие науки, ставшие в наш век такими вездесущими и всепроникающими?

Земель под чаем становится все больше. Только в нынешнем, третьем году семилетия будут заложены в Грузии еще две тысячи гектаров чайных плантаций. Чайный куст прочно поселился и на теплых берегах Каспия и на юге Краснодарского края. Растение оно нужное, красивое, нежное, а сил и здоровья забирает у наших женщин много. Надо бы им побыстрее помочь!

Широкий роллер

В тридцати странах мира делают чай, но до сих пор считается, что искусственное завяливание чайного листа — это бог знает что... У нас же давным-давно машины завяливают лист в сроки,

ЧАЕМ...

укороченные в несколько раз. А если б уповали на солнышко да на ветер, всю маленькую Западную Грузию, зажатую между высокими горами и морем, пришлось бы уставить стеллажами. И кто бы стал насыпать и ссыпать с них чайный лист?

На наших фабриках сконструирована первая в мире поточная линия для производства зеленого чая, того, который пьет Средняя Азия. Созданная академиками А. Н. Бахом и А. И. Опариным биохимическая теория чайного производства позволила управлять технологическими процессами не на глазок. И что же? Удельный вес высших и первых сортов готового чая возрос в десять раз.

В прошлом сезоне чайные фабрики Грузии переработали почти на 20 тысяч тонн чайного листа больше, чем в 1959 году.

Несоизмеримо возросло и производство самого чая. В позапрошлом году чаеводы сделали резкий скачок вперед, получили большой сверхплановый урожай. Зеленый лист «развернутым строем» пошел в наступление. В главном штабе «обороны» — тресте «Чай-Грузия» — создалось угрожающее положение. По нескольку раз в день сам «чайный фельдмаршал», управляющий трестом Антон Варламович Хуродзе, связывался с директорами каждой из 65 чаеперерабатывающих фабрик:

— Как сегодня?

— Не успеваем, лист портится...

— Организуй транспорт, перебрось часть сырья соседу. У него сегодня легче...

Разговор с другой фабрикой:

— Да, знаю, роллерный цех держит. Скручивайте не три, а два раза. Не гнить же сырью, черт возьми!

А что значит таскать хрупкий, ранимый лист с фабрики на фабрику, скручивать его вместо трех два раза? Это значит заведомо выпускать продукцию более низкого качества, чем она могла бы быть.

Кстати, о скручивании листа и о том, почему у чаинки такой сморщенный, жалкий вид. Да оттого, что ее немилосердно давили, разрушали клетки. Без такой «экзекуции» лист не выдаст в заварку все те вещества, которые он в себе содержит. Происходит скручивание в специальном аппарате — роллере. Цилиндр, в который поступает уже завяленный лист, вращается, и сверху на лист давит пресс. Проделывается такая операция трижды. И вот оказалось, что она — самое узкое место на производстве. Предыдущий, завялочный цех способен при надобности увеличить пропускную способность во много раз, последующий, ферментационный — тоже, а средний между ними, роллерный, не может. Цилиндр невозмутимо вращается на узаконенных скоростях, рабочие неторопливо подбрасывают в него, как в топку, очередные порции зеленого листа, и поток захлебывается на середине.

И вот «фельдмаршал» приказывает немедленно вмешаться в работу роллеров.

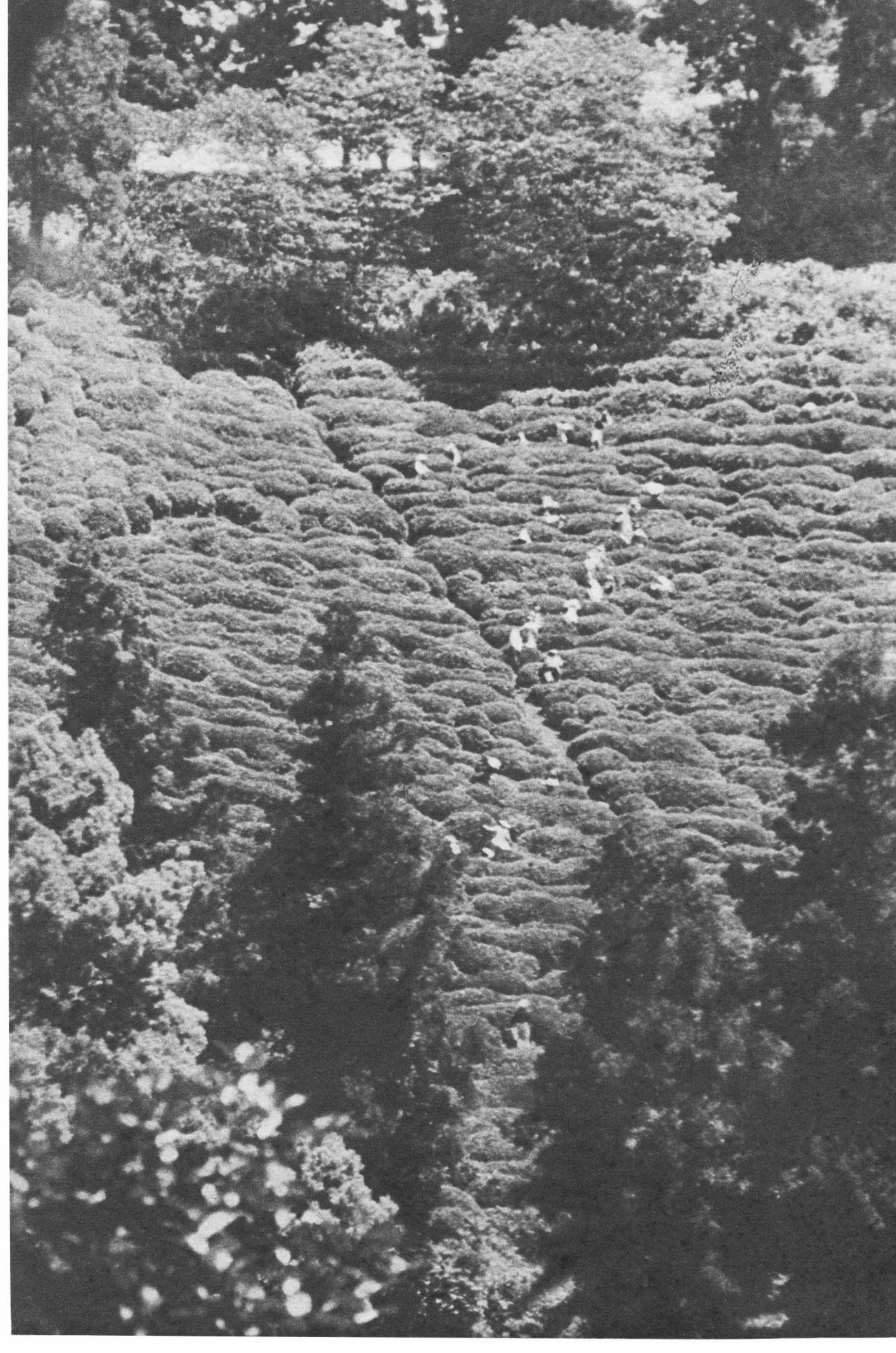
— В самый разгар «боя»? — удивленно переспрашивают на фабриках.

— Именно в самый... В следующее лето будет еще труднее.

Задумались технологи, инженеры и механики и нашли выход. Установили, что если число оборотов цилиндра увеличить, то улучшится аэрация, проветривание листьев в цилиндре, а значит, и качество самого листа. Оказалось, что и пресс вовсе не нужен: можно просто загружать в цилиндр больше листа, и он сам «давит» и «жмет» собственным весом. А раз нет пресса, то и загрузку можно производить сверху, грейферными тележками...

Так к концу трудного, небывалого по напряжению сезона в чайной промышленности произошел полный переворот — родилась механизированная роллерная линия. Она уже создана на одной из фабрик. У пульта управления сидит всего лишь одна девушка и управляет работой 20 роллеров. Подобные линии появились на двадцати семи фабриках черного чая и создаются еще на двадцати пяти. А за ними пойдут и «зеленые» роллеры.

Из «узкого» места роллер превратился в «широкое», и на иных фабриках скручивать лист стали не три, а четыре и даже пять раз. Чаинке это только на пользу. А что касается масштабности «операции», ей подвел итог лаконичный и не склонный к эмоциям Госплан Грузинской ССР. В докладе на заседании Верховного Совета республики было сказано: «Осуществление механизации производственных процессов на 27 чайных фабриках... равносильно постройке 10 новых чайных фабрик стоимостью не менее 12 миллионов рублей, тогда как на механизацию производственных процессов указанных предприятий было израсходовано 2 миллиона рублей за счет банковских ссуд».

Чайная плантация в совхозе «Чаква».
Фото Дм. Ухтомского.

О «культе» чая

Трудно назвать человека, который за всю свою жизнь не выпил стакана чаю.

Интересны цифры роста «подушного» потребления чая в Советском Союзе. В 1958 году каждый советский гражданин в среднем употребил 248 граммов чая. В 1959 году — 275 граммов, в 1960 году — 304. Предполагается, что «душа» наших сограждан еще шире откроется навстречу чаю. И это неплохо.

Известно, что Япония — страна самого развитого «культа» чая, сохранившегося и по сей день. Тут пьют «усучу» — пенящуюся зеленую заварку, приготовленную из более молодых побегов, и «койчу» — чай густой, как шпинатный суп.

Перенимать традиции, сложившиеся в течение многих веков в другой стране, не следует. Но в какой-то степени можно над ними задуматься. Хотя бы потому, что многие из нас пьют чай бездарно, пьют даже не чай, а какой-то брандахлыст, который принимается за чай.

Отчего это происходит? Некогда? Спешим? Нет.

Мы снабжены любыми советами: как растереть горчицу, сварить кофе, приготовить клубничное желе. Но как сделать настой чая, заварку, — эта элементарная, каждодневно совершаемая процедура носит у нас чисто самодеятельный характер.

А много ли надо? Маленький вкладыш в пачку чая: так, мол, и так. И тут же несколько слов от имени медицины, чтоб развеять непонятно откуда взявшуюся легенду о вредности чая.

Напрашивается вопрос о Доме чая или Клубе чаелюбов. Почему его нет до сих пор в Тбилиси, на родине отечественного чая? Почему не создать его в столице нашей, Москве? В таком Доме человек мог бы увидеть своими глазами, как приготавливается чай, как он сервируется. Тут можно было бы заказать чашку чая и выпить его по старинке, из самовара, или черного, или зеленого — из пиалы, можно было бы попробовать лаочай. Тут же легко организовать продажу чая полюбившегося сорта, книг о чае и даже давать консультации и советы. И, кстати, познакомиться с новым, бахтадзевским чаем. Мало ли что еще можно изобрести, если с любовью и знанием взяться за дело? И, между прочим, не только в Тбилиси и Москве, но и в каждом городе.

А чай — это дело хорошее. Давно вошли в обиход слова: «за чашкой чая», «зайдите, почаевничаем». Это значит: поговорим. Чай располагает к беседе. Писатели тоже любят поговорить за чаем на разные темы. А о самом чае? О людях, которые его делают? О наших славных женщинах, чьи пальцы прикасаются к каждому — буквально к каждому! — чайному листку?..

Может быть, такие разговоры и ведутся за чашкой чаю в литературных кругах, но ни стихов хороших, ни книг хороших на эту тему нет. Этот упрек в первую очередь в адрес поэтов и писателей Грузии, обильно, со знанием предмета воспевших вино и цветущую виноградную лозу... Чай пьют и москвичи и ленинградцы. Если верить советам древних, питье его помогает умственной деятельности, отгоняет сон, облегчает тело, просветляет взор.

За чем же дело стало?

Посвяще

* * *

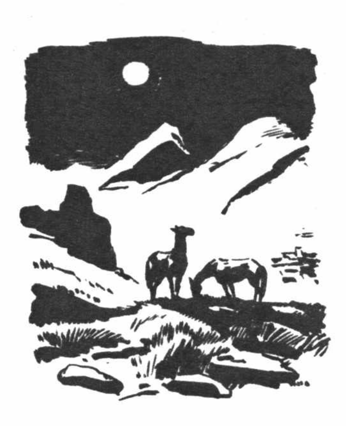
К дальним звездам в небесную рóздымь
Улетали ракеты не раз.
Люди, люди — высокие звезды,
Долететь бы мне только до вас!

У МАКСОБСКОГО МОСТА

Эту ночь позабудешь едва ли:
На траве, что была голубой,
Мы вблизи от аула лежали
У Максóбского моста с тобой.

Кони трáву щипали на склоне,
А луна серебрила холмы.
И сведенные в пальцах ладони
Положили под головы мы.

Вдохновенно,
как дети лишь могут
Слушать тех, кто снежком убелен,
Горной речки мы слушаем клекот,
Шелест трав, колокольчиков звон.

Мир при этом
безмолвье венчало,
Было все так волшебно вокруг,
Так прекрасно и так величаво,
Что восторг охватил меня вдруг!

И, как горец,
приметивший гостя,
Зажигает все лампы тотчас,
Небо полночи
полною горстью
Одарило созвездьями нас.

Я на звезды не мог наглядеться,
Надышаться от счастья не мог.
Показалось:
лишь вспомнил я детство,
Будто теплый подул ветерок.

И о Родине думал я снова,
И по этой причине простой,
В мыслях зла не касаясь людского,
Любовался людской красотой.

Думал я, как мы пламенно любим,
Презирая и фальшь и вранье...
До биенья последнего
людям
Посвящается сердце мое.

МАТЕРИ

Мальчишка горский,
я несносным
Слыл нéслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли,
и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой.
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме,
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову мою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты!

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь, но вдруг опять
Сожмется сердце: «Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты с любовью, не с упреком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнешь как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полет.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладет.

В АХВАХЕ

Другу Мусе Магомедову.

Чтоб сердце билось учащенно,
Давай отправимся в Ахвах:
Узнаем, молоды еще мы
Иль отгуляли в женихах.

Тряхнем-ка юностью в Ахвахе
И вновь,
как там заведено,
Свои забросим мы папахи
К одной из девушек в óкно.

И сразу станет нам понятно,
В кого девчонка влюблена:
Чья шапка вылетит обратно,
К тому девчонка холодна...

...Я вспоминаю месяц тонкий,
Поры весенней вечера
И о любви лихие толки.
Все это было не вчера.

В тот давний год
подростком ставший,
Не сверстников в ауле я,
А тех, кто был намного старше,
Старался залучить в друзья.

Не потому ли очутился
С парнями во дворе одном,
Где, как мужчина, отличился
И не раскаиваюсь в том?

Листва шуршала, словно пена,
Светила тонкая луна.
Мы долго слушали, как пела
Горянка, сидя у окна.

Про солнце пела, и про звезды,
И про того, кто сердцу мил;
Пусть он спешит, пока не поздно,
Пока другой не полюбил.

Что стала трепетнее птахи
Моя душа, не мудрено,
А парни скинули папахи
И стали целиться в окно.

Здесь не нужна была сноровка.
Я, словно жребий — да иль нет,—
Как равный, кепку бросил ловко
За их папахами вослед.

Казалось, не дышал я вовсе,
Когда папахи по одной,
Как будто из закута овцы,
Выскакивали под луной.

И кепка с козырьком, похожим
На перебитое крыло,
Когда упала наземь тоже,
Я понял: мне не повезло.

А девушка из сострáданья
Сказала:
— Мальчик, погоди.
Пришел ты рано на свиданье,
Попозже, милый, приходи.

Дрожа от горя, как от страха
Ушел я, раненый юнец,
А кто-то за своей папахой
В окно распахнутое лез.

Расул ГАМЗАТОВ

ние сердца

Промчались годы, словно воды.
Не раз листвы кружился прах.
Как через горы, через годы
Приехал снова я в Ахвах.

Невесты горские...
                    Я пал ли
На поле времени для них?
Со мной другие были парни,
И я был старше остальных.

Всё, как тогда: и песня та же
И шелест листьев в тишине.
И вижу,
        показалось даже,
Я ту же девушку в окне.

Когда пошли папахи в дело,
О счастье девушку моля,
В окно раскрытое влетела
И шляпа модная моя.

Вздыхали парни, опечалясь.
Ах, отрезвляющая быль:
Папахи наземь возвращались,
Слегка приподнимая пыль!

И, отлетев почти к воротам,
Широкополая моя
Упала шляпа, как ворона,
Подстреленная из ружья.

И девушка из состраданья
Сказала будто бы в укор:
— Пришел ты поздно на свиданье.
Где пропадал ты до сих пор?

Всё, как тогда, всё так похоже.
И звезды видели с небес:
Другой, что был меня моложе,
В окно распахнутое лез.

И так весь век я,
                    как ни странно,
Спешу,
        надеждой дорожу,
Но прихожу то слишком рано,
То слишком поздно прихожу.

* * *

Прыгнув в поезд с перрона ночного,
Укатить бы мне в Грузию снова.

В первый день, как положено другу,
Я попал бы к Ираклию в дом.
И стихи мы читали б по кругу:
Я вначале,
            Ираклий потом.

Вслед за первым
                день новый — не так ли? —
Озарил бы вполнеба восток,
И поэтов бы кликнул Ираклий,
Чтобы с ними я встретиться мог.

Обнял всех бы —
                я им не кунак ли? —
Через сутки залез бы в вагон,
И меня провожал бы Ираклий,
Передав Дагестану поклон.

Все дела мне хотелось бы снова
Суток на трое вдруг позабыть,
Прыгнуть в поезд с перрона ночного
И в Тбилиси к друзьям укатить.

В БО́ТЛИХЕ

Я в Бо́тлихе.
            Как сладко дышится,
И ветки клонятся к плечу,
И чуть лукавое мне слышится:
— Чу-чу-чу-чу, чу-чу-чу-чу.

Но от меня певунья прячется,
А я догнать ее хочу.
И вдалеке мелькает платьице:
— Чу-чу-чу-чу, чу-чу-чу-чу.

Звезда с небес упала замертво,
Как будто кто задул свечу.
Вдруг дождь пошел, и сразу замерло;
Чу-чу-чу-чу, чу-чу-чу-чу.

А на заре с моей рубахою
Она отправилась к ручью,
Стирала, распевая птахою:
— Чу-чу-чу-чу, чу-чу-чу-чу!

Рубашку, чтоб скорее высохла,
Повесила на алычу.
Я выглянул, и сердце высекло:
— Чу-чу-чу-чу, чу-чу-чу-чу.

* * *

Приснилось мне, что умер я.
Ладонь на грудь кладу с тоскою
И чувствую, что у меня
Гнездо пустое под рукою.

Куда ж девалась птица та,
Что обливалась кровью жарко?
Хочу кричать, что жизни жалко,
И не могу разжать уста.

Я мертв.
        Я холоден, как лед,
А рядом с гор летят потоки,
Осенний полдень слезы льет,
И у листвы в слезинках щеки.

Печаль мне видится в очах:
Друзья,
        идти стараясь в ногу,
Меня в последнюю дорогу
Несут, сутулясь, на плечах.

У злого сна на поводу,
Я, к смерти собственной в придачу,
За гробом медленно бреду
Как провожающий и плачу.

Я плачу, словно наяву,
Но в первый раз я слез не прячу.
О жизни ли ушедшей плачу
Иль в честь того, что я живу?

* * *

И люблю малиновый рассвет я,
И люблю молитвенный закат,
И люблю медовый первоцвет я,
И люблю багровый листопад.

И люблю не дома, а на воле,
В чистом поле на хмельной траве,
Задремать и пролежать, доколе
Не склони́тся месяц к голове.

Без зурны могу и без чунгура
Наслаждаться музыкою я,
Иначе так часто не к чему бы
Приходить мне на́ берег ручья.

Я без крова обошелся б даже,
Мне не надо в жизни ничего,
Только б горы, скалы их и кряжи
Были возле сердца моего.

Я еще, наверное, не раз их
Обойду, взбираясь на хребты.
Сколько здесь непотускневших красок,
Сколько первозданной чистоты!

Как форель,
            родник на горном склоне
В крапинках багряных поутру.
Чтоб умыться, в теплые ладони
Серебро студеное беру.

И люблю я шум на дне расселин,
Туров, запрокинувших рога,
Сквозь скалу пробившуюся зелень
И тысячелетние снега.

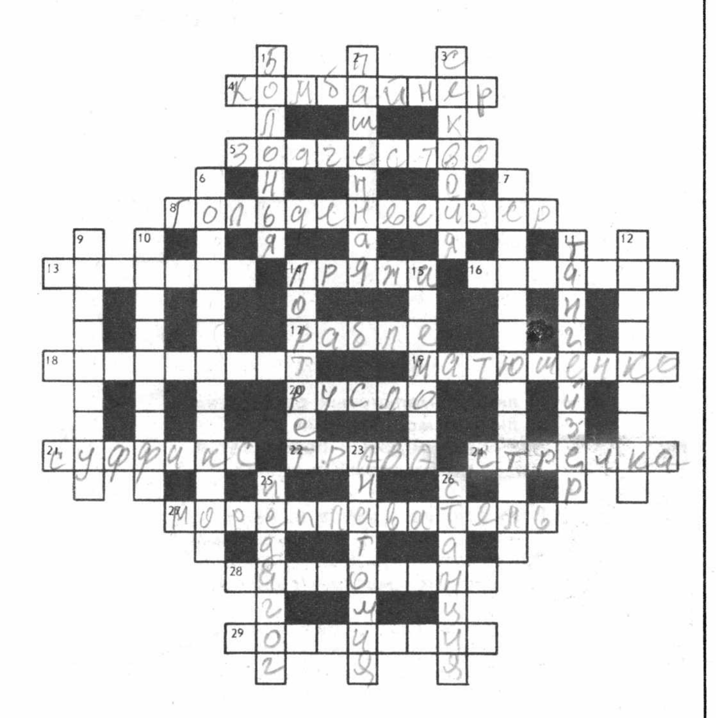
И еще боготворю деревья,
Их доверьем детским дорожу.
В лес вхожу, как будто к другу в дверь, я,
Как по царству, по́ лесу брожу.

Вижу я цветы долины горской.
Их чуть свет пригубили шмели.
Сердцем поклоняюсь каждой горстке
Дорогой мне сызмальства земли.

На колени у речной излуки,
Будто бы паломник, становлюсь,
И хоть к небу простираю руки,
Я земле возлюбленной молюсь.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ.

Рисунки В. Высоцкого.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Водитель сельскохозяйственной машины. 5. Искусство проектирования и строительства зданий. 8. Советский пианист, профессор. 13. Густой соус. 14. Нити, используемые для изготовления тканей. 16. Садовые ножницы. 17. Автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль». 18. Материк. 19. Один из руководителей восстания на броненосце «Потемкин». 20. Ложе реки. 21. Часть слова. 22. Зеленый покров земли. 24. Деталь часов. 27. Путешественник на корабле. 28. Музыкальный инструмент. 29. Разменная монета.

По вертикали:

1. Город в Италии. 2. Актриса Малого театра. 3. Гигантское хвойное дерево. 6. Персонаж пьесы В. Маяковского «Баня». 7. Электротехнический прибор. 9. Овощ. 10. Сельскохозяйственная машина. 11. Опера Р. Вагнера. 12. Рассказ Л. Н. Толстого. 14. Произведение живописи. 15. Лесной цветок. 23. Наука о строении и развитии живого организма. 25. Работник школы. 26. Пункт остановки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали:

5. Эскудо. 7. Флобер. 8. Славяне. 10. Тара. 11. Тост. 12. Обелиск. 13. Пятов. 16. Автор. 21. Умбра. 22. Ангрен. 23. Языков. 24. Жулан. 25. Дакар. 27. Халва. 29. Арктика. 30. Рапс. 32. Крит. 33. Пузанок. 34. Игуана. 35. Апогей.

По вертикали:

1. Эстамп. 2. Дуга. 3. Болт. 4. Реестр. 6. Остов. 7. Феска. 9. Волейболистка. 14. Яичница. 15. Острота. 17. Волынка. 18. «Обломов». 19. Сунжа. 20. «Гаянэ». 25. Джанга. 26. Рампа. 27. Ханка. 28. Аникет. 31. Скат. 32. Крот.

На первой странице обложки: Студентка Московского высшего художественно-промышленного училища Валентина Яшкина в мастерской моделирования.
На последней странице обложки: Керамические фигуры, вделанные в обычную оштукатуренную стену.

Фото И. Тункеля.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление Л. Шумана.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05242. Подписано к печати 28/VI 1961 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1214. Заказ 1604.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

С БАЯНОМ ИДУ...

Стихи Юрия КАМЕНЕЦКОГО.
Муз. Бориса МОКРОУСОВА.

С баяном иду я поселком рабочим.
Акации в белом дыму.
Вздыхают девчата, а мне, между прочим,
Их взгляды совсем ни к чему.

Я в эту весеннюю пору хмельную
Ничем им помочь не могу.
Я сам по одной здесь девчонке тоскую,
Любовь для нее берегу.

Когда я завижу заветный платочек,
Печально и радостно мне.
Кругом все танцуют, она, между прочим,
Одна лишь стоит в стороне.

Свет глаз этих карих поймать я пытаюсь,
Душевного полный огня.
Она на баян мой глядит, улыбаясь,
И словно не видит меня.

С баяном иду я поселком рабочим.
Акации в белом дыму.
Вздыхают девчата, а мне, между прочим,
Их взгляды совсем ни к чему.

Быть может, она и не очень приметна.
Подружек своих поскромней.
Давно уж люблю я ее безответно,
Ну как мне понравиться ей?!

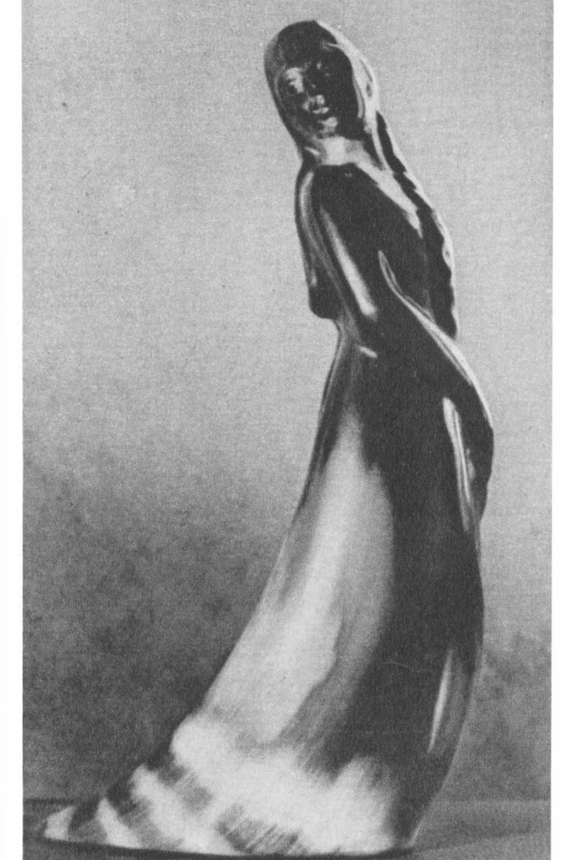
— Напрасно сидите, здесь одна мелочь!
Рис. А. Волкова.

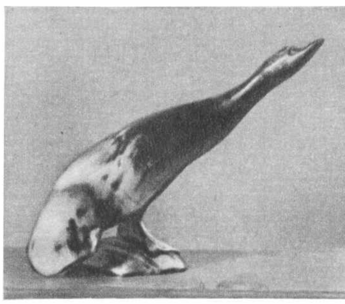
Настойчивый грибник.
Рис. Ю. Наумова.

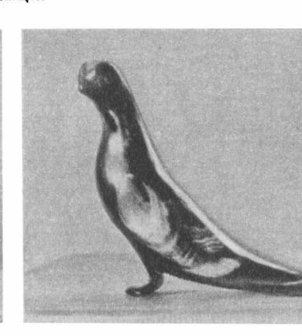
— Автобус идет, но полный. Может быть, подождем?
Рис. В. Воеводина.

Танцовщица.

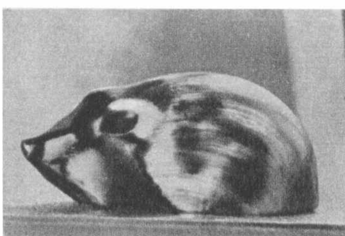

Куница.

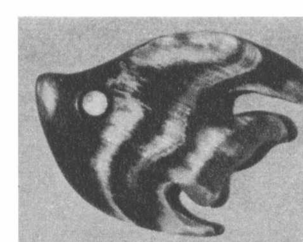

Дикая утка.

Голубь.

Ежик.

Рыбка.

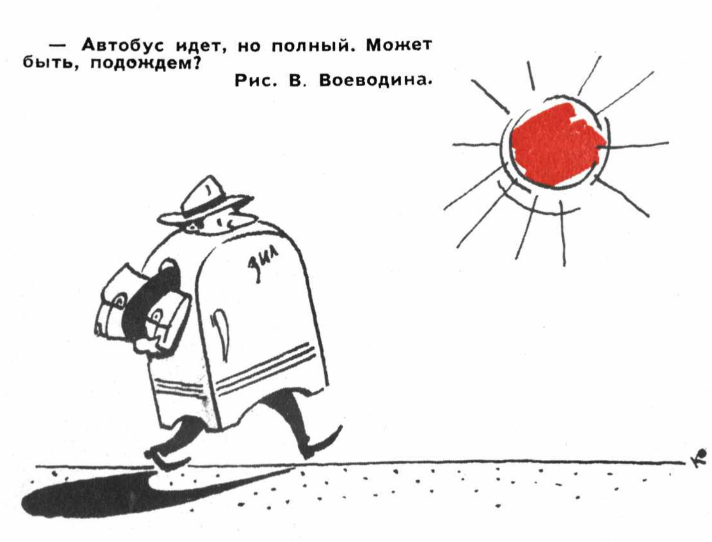
Изделия из рога

Изделия из рога хорошо сочетаются с современной мебелью. При изготовлении сувениров можно применять две отделки — перламутр и пластмассы. Обрабатывается рог бормашиной и специальными фрезами, затем — наждачной бумагой и полируется.

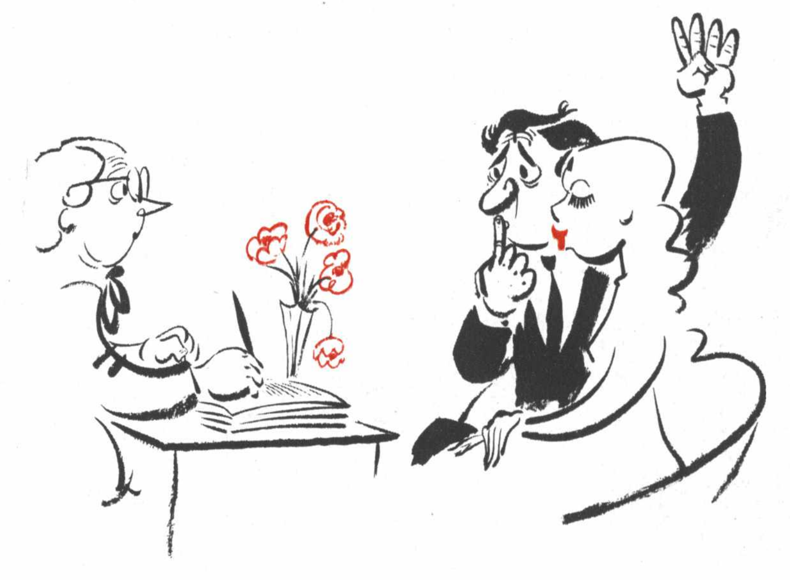
А. КАРАСЕВ

— Я осуществляю общее руководство номером. Отдельные поручения выполняют мои заместители.
Рис. К. Невлера.

В жару.
Рис. А. Курицына.

— Гражданин Петров, который раз вы вступаете в брак?
Рис. В. Воеводина.

Цена номера 30 коп.

